№ 1. 1880 г. РУССКІЙ РАБОЧІЙ. Годъ 6-й.

Іаковъ передъ Фараономъ.

Іаковъ передъ Фараономъ.

„И привелъ Іосифъ Іакова, отца своего, и представилъ его Фараону; и благословилъ Іаковъ Фараона. Фараонъ сказалъ Іакову: сколько лѣтъ жизни твоей? Іаковъ сказалъ Фараону: дней странствованія моего сто тридцать лѣтъ; малы и несчастны дни жизни моей, и не достигли до лѣтъ жизни отцовъ моихъ въ дняхъ странствованія ихъ“. Быт. 47. 7—9.

Вотъ, въ краткихъ, но вѣрныхъ словахъ, свидѣтельство человѣка, прожившаго много лѣтъ на землѣ, и испытавшаго все то, что люди называютъ счастіемъ. И это свидѣтельство не одиноко стоитъ въ Св. Писаніи. Моисей, рабъ Божій, въ своемъ псалмѣ, говоритъ: „дней лѣтъ нашихъ семьдесятъ лѣтъ, а при большей крѣпости восемьдесятъ лѣтъ; и самая лучшая пора ихъ—трудъ и болѣзнь; ибо проходятъ быстро, и мы летимъ“.—Царь Соломонъ, которому дарованы были: мудрость, величіе, богатство; который насладился всѣми благами міра, повторяетъ тѣ-же печальныя слова: „видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ, все суета и томленіе духа“.

При взглядѣ на прошлое, можетъ быть, и намъ приходится, съ горечью, повторить слова Іакова: „малы и несчастны дни жизни моей“;—далеко не соотвѣтствуютъ они тому, чего я надѣялся, что предпринималъ, въ молодости. Когда попутный вѣтеръ вздуваетъ паруса наши и мы только что выходимъ изъ пристани,—мы не думаемъ о бурѣ, еще менѣе о полномъ крушеніи. Хотя и случается намъ перегонять ладьи, съ оборванными парусами и истертыми снастями, мы думаемъ: со мной этого не будетъ: я съумѣю проскользнуть мимо утесовъ, обойти отмели и мимо всѣхъ препятствій, быстро промчаться къ пристани. На самомъ же дѣлѣ, не то выходитъ: годы идутъ за годами, и мы все еще не у пристани, все еще питаемся надеждами, не смотря на то, что и наша ладья обветшала и паруса растрепались отъ бури! Жаль намъ этого прошлаго, этихъ безплодныхъ годовъ, прошедшихъ незамѣтно, въ однѣхъ желаніяхъ и стремленіяхъ къ лучшему. Жаль; но ихъ не воротишь, тѣ годы, „которые пожирали саранча, черви, жуки и гусеница, великое войско Мое, которое послалъ Я на васъ“, говоритъ Господь Богъ. Все малые истребители, но они составляютъ великое войско Божіе. Кто не испыталъ, что малыя вещи съѣдаютъ жизнь и пожираютъ годы, такъ, что не остается ни одного зеленаго листка, ни одной свѣжей вѣтки! И это не безпорядочное войско, хватающее добычу, гдѣ и какъ попало. Нѣтъ; каждому отряду назначено свое мѣсто, свое время и свое дѣло. „Оставшееся отъ гусеницы ѣла саранча, оставшееся отъ саранчи ѣли черви, и оставшееся отъ червей доѣли жуки“. Такъ, сперва, гусеница подтачиваетъ, въ юности, простоту и искренность первыхъ впечатлѣній; эта гусеница,—міръ съ его соблазнами, который вкрадывается въ сердце и съѣдаетъ нѣжные листья и ростки, обѣщавшіе пышную зелень. Затѣмъ, налетаетъ саранча, цѣлою бурею страстей, волненій, желаній, и поѣдаетъ время, силы, средства, способности. Она, эта алчная саранча, не щадитъ ничего и оставляетъ послѣ себя пустыню тамъ, гдѣ могъ быть тѣнистый и плодоносный садъ. Молодость проходитъ, и является, вмѣстѣ съ зрѣлымъ возрастомъ, новый врагъ, скрытый, внутренній, постоянно грызущій самый корень жизни: червь заботъ, сомнѣній, напрасныхъ терзаній совѣсти, безполезныхъ сожалѣній, оскорбленнаго самолюбія, обманутыхъ надеждъ! Этотъ червь съѣдаетъ силу и лучшее счастіе человѣка. Еще одинъ шагъ, и все, что осталось въ человѣкѣ, все, что уцѣлѣло отъ великаго войска, посланнаго на него, доѣдаетъ послѣдній врагъ, нападающій, извнѣ и внутри, съ страшною силою. Воля слабѣетъ; умъ обезсиленъ; смутно становится различіе между добромъ и зломъ,—всѣ основанія потрясены!

Жалкое, страшное состояніе, вызывающее печальное сознаніе: „малы и несчастны дни жизни моей“. Казалось бы, нѣтъ выхода изъ такого мрака, потому что, кто возвратитъ намъ потерянное, кто возстановитъ разрушенное?

Слушайте, унывающіе; есть надежда для васъ, надежда вѣрная. Вотъ, что говоритъ вамъ Богъ: „Я воздамъ вамъ за тѣ годы, которые пожирали: саранча, черви, жуки и гусеница“. „Наполнятся гумна хлѣбомъ и переполнятся подточилія виноградныимъ сокомъ и елеемъ“. „И, до сытости, будете ѣсть и насыщаться, и славить имя Господа Бога вашего, Который дивное содѣлалъ съ вами“.

Какъ-же Богъ сдѣлаетъ это? На этотъ вопросъ есть только одинъ отвѣтъ, въ словахъ самаго Іисуса Христа: „невозможное человѣкамъ возможно Богу“. Тотъ, Кто создалъ, Одинъ, можетъ и возсоздать; Кто разрушилъ, Тотъ и созидаетъ. Взглянемъ, для примѣра, еще разъ, на жизнь Іакова. На смертномъ одрѣ своемъ, Іаковъ уже не повторяетъ свою жалобу на жизнь. Стоя на рубежѣ вѣчности, онъ совершенно въ другомъ свѣтѣ видитъ прошлое. Онъ не упоминаетъ о своихъ скорбяхъ и испытаніяхъ, трудахъ и неудачахъ. Онъ видитъ только Бога, явившагося ему въ юности, благословившаго его, „Бога, пасущаго меня, съ тѣхъ поръ, какъ существую, до сего дня“; говоритъ Іаковъ. Ему, теперь, все ясно; и всѣ пути Божіи праведны, въ его глазахъ. Долго онъ боролся съ Богомъ, долго достигалъ, собственными дѣлами, земныхъ цѣлей; и когда достигъ, онѣ стали сѣтью ногамъ его и томленіемъ духа его. Но когда, обманутый людьми, ослабленный борьбой, въ страхѣ лишиться всего, что ему было дорого,—онъ, наконецъ, ухватился, обѣими руками, за Того, Кто Одинъ могъ спасти его; когда вырвалось изъ груди его слово покорности и побѣжденной воли: „не отпущу тебя, пока не благословишь меня“;—тогда, и только тогда, онъ сталъ побѣдителемъ. Тогда измѣнилась жизнь его, изгладился грѣхъ юности, и онъ сталъ подыматься на гору благословеній, опираясь на Пастыря своего, пасшаго его, съ тѣхъ поръ, какъ онъ существовалъ. Тогда, въ Египтѣ, въ странѣ чужой, онъ насытился хлѣбомъ, посланнымъ ему свыше, онъ получилъ обратно сына, утраченнаго и оплаканнаго какъ мертваго, онъ получилъ духовное зрѣніе, которымъ провидѣлъ будущія благословенія народа Божія. Все было ему возвращено, все исправлено, и жизнь его казалась ему сѣтью благословеній, отъ колыбели до могилы.

Господь силенъ сдѣлать то же, для каждаго изъ насъ. Онъ желаетъ вознаградить насъ за тѣ годы, которые пожирали: „саранча, черви, жуки и гусеница“. Онъ желаетъ дать новую жизнь и говоритъ намъ, что „эта жизнь въ Сынѣ Его“. Если мы утомились борьбой, сознаемъ свое безсиліе, видимъ къ чему привело насъ своеволіе и удаленіе отъ Бога; то вернемся къ Нему, безъ оправданій, въ нашей немощи. въ нашей нищетѣ, съ сокрушеннымъ и смиреннымъ сердцемъ и скажемъ: „не отпущу Тебя, пока не благословишь меня“.—Онъ, Богъ всякаго милосердія“, Который „не пощадилъ Сына Своего, но предалъ Его за всѣхъ насъ, какъ съ Нимъ не даруетъ намъ и всего“. Онъ, при видѣ нашего упованія и раскаянія, покажетъ намъ благость Свою и силу въ обновленіи жизни, и объявитъ, какъ нѣкогда, при видѣ возвратившагося заблудшаго сына (Лук. 15. 22—24), что у Него уже „все готово“ для бѣднаго пришельца,—и трапеза, и одежда, и обувь, и мѣсто въ Отцовскомъ домѣ, и неизмѣнная, вѣчная любовь, говорящая намъ: „прежнее прошло; се, творю все новое“.

Вѣрный въ маломъ.

Обыкновенно, люди любятъ жить, какъ всѣ живутъ, ходить по утоптанной дорожкѣ и не сочинять ничего новаго. Но бываютъ и такіе, которые способны сами проложить себѣ одинокую тропу, и идти по ней съ постоянствомъ, несмотря на трудности и препятствія. Къ послѣднимъ принадлежалъ молодой сапожникъ Яковъ, жившій въ одной изъ крайнихъ улицъ города. Въ дѣтствѣ своемъ, Яковъ посѣщалъ школу и пріобрѣлъ кое-какія познанія. Отецъ его былъ плотникъ, матери онъ не помнилъ. Она умерла вскорѣ послѣ рожденія Якова. Въ школѣ, Яковъ отличался прилежаніемъ и необыкновенной добротой; часто, въ зимніе холода, его встрѣчали съ мальчикомъ на плечахъ, который былъ немного его менѣе; Яковъ приходилъ въ школу, запыхавшись отъ своей тяжелой ноши и, когда у него спрашивали, зачѣмъ онъ носитъ такого тяжелаго мальчика, онъ отвѣчалъ: „у него отмороженныя ноги, и мнѣ больно смотрѣть, какъ ему больно ходить“.

Двѣнадцати лѣтъ, Яковъ сталъ работать съ отцемъ и однажды, когда онъ влѣзалъ на подмостки, онъ упалъ и сильно ушибся. Его отнесли въ больницу, гдѣ онъ пролежалъ очень долго. Оттуда онъ вышелъ калѣкой и, къ своему горю, узналъ, что отецъ его женился, и что дома онъ найдетъ мачиху. Съ стѣсненнымъ сердцемъ, пошелъ Яковъ домой, опираясь на костыль. Отца не было дома, мачиха отворила ему дверь и, увидавъ его блѣдное лицо и костыль, сказала: „лучше бы тебѣ умереть было, чѣмъ всю жизнь быть въ тягость себѣ и другимъ“. Слова эти сильно обидѣли Якова. Онъ посидѣлъ, нѣсколько минутъ, молча, удерживая слезы, потомъ взялъ свой узелокъ и вышелъ на улицу, безъ копѣйки денегъ, безъ крова, но съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться домой. Онъ взглянулъ на небо; день былъ ясный, весенній. Тамъ, подумалъ Яковъ, Отецъ, Который не оставитъ меня. Онъ снялъ шапку и перекрестился. Едва повернулъ онъ въ сосѣднюю улицу, какъ его кто-то позвалъ. Большой, здоровый мальчикъ, съ веселымъ добрымъ лицемъ, стоялъ подлѣ него, улыбаясь. Это былъ тотъ самый, котораго онъ носилъ на спинѣ въ школу. „Куда ты идешь такой блѣдный и печальный“? спросилъ онъ Якова. Сдержанныя слезы полились ручьемъ у Якова и онъ разсказалъ товарищу всѣ свои горести. Тотъ выслушалъ со вниманіемъ, ведя хромого друга бережно подъ руку, и потомъ, повторилъ вопросъ: „да куда же ты теперь идешь“?—„Самъ не знаю“, сказалъ Яковъ. „Не знаешь, ну такъ я знаю, „сказалъ весело мальчикъ;“ ты пойдешь къ намъ и будешь жить со мною, пока выдумаешь, за что тебѣ приняться. Мой отецъ и моя мать тебя примутъ съ радостью. Мы всѣ занимаемся башмачнымъ мастерствомъ,“ добавилъ Ѳедя (такъ звали товарища Якова) и „тебя научимъ“.

Дѣйствительно, Якова приняли радушно въ домѣ стараго башмачника и мало по малу онъ сталъ помогать своимъ хозяевамъ работать. Внимательный и усердный, Яковъ очень понравился всему семейству и его стали уговаривать приняться серьезно за башмачное ремесло, для котораго важны только чужія ноги, а свои—вещь посторонняя. Яковъ согласился; тѣмъ болѣе, что Ѳедя долженъ былъ оставить родителей, на время, и ѣхать къ брату на какую-то фабрику. Ѳедя радовался, что Яковъ сколько нибудь замѣнитъ его при родителяхъ, и на прощанье подарилъ ему попугая, котораго самъ получилъ въ подарокъ отъ какого-то богатаго мальчика, уѣзжавшаго за границу. Ѳедя уѣхалъ, а Яковъ и попугай стали неразлучны. Попка цѣлыми часами сиживалъ на плечѣ у своего новаго хозяина, покуда тотъ работалъ, и оттуда отдавалъ свои приказанія: „почини скорѣй“, „положи заплату“ и т. п.

Прошло нѣсколько лѣтъ; сыновья башмачника, успѣшно работавшіе на фабрикѣ, не разъ звали отца къ себѣ. Наконецъ, старикъ и жена его рѣшились уѣхать, оставивъ Якову мастерскую, со всѣми инструментами и небольшими запасами. Яковъ опять остался одинъ, но у него кромѣ попки, были еще два товарища: чирикъ“ и „крошка“. Чирикъ былъ ручной воробей, въ дѣтствѣ спасенный Яковомъ отъ кошки. У воробья была сломанная ножка, изъ-за которой Яковъ чувствовалъ къ нему особенную нѣжность. Онъ устроилъ Чирику домикъ изъ стараго ящика, въ которомъ сдѣлалъ жердочки. Воробей очень полюбилъ эту неизящную клѣтку, чувствуя, что онъ въ ней былъ защищенъ отъ кошки. Рано утромъ, онъ выпрыгивалъ изъ нея и садился у изголовья Якова, громко чирикая, чтобы его разбудить. Яковъ, въ благодарность за это, давалъ Чирику кусочекъ сахару,

который тотчасъ же унималъ его чириканье. Крошка была хорошенькая канарейка, доставшаяся Якову, по наслѣдству, отъ старушки башмачницы. У Крошки была и настоящая клѣтка, въ которую она низачто не пускала Чирика, несмотря на то, что вообще жила съ нимъ дружно и не гордилась своимъ пѣніемъ; они, рядомъ, клевали крошки, пили изъ одного блюдечка, но когда однажды Чирикъ осмѣлился вскочить на дверцы красивой клѣтки, Крошка прилетѣла къ нему, вся нахохлившись, съ открытымъ носикомъ для драки, такъ что испуганный Чирикъ отретировался въ свой ящикъ, и долго не показывался.

Однажды, Якову случилось поѣхать въ городъ, по просьбѣ старыхъ хозяевъ своихъ. Оттуда онъ вернулся еще съ новымъ другомъ: маленькой, больной собачкой, которую собирались застрѣлить. Яковъ слышалъ, какъ владѣтель собачки сказалъ: „что за польза съ ней возиться, она все таки останется на всегда хромою“; эти слова напомнили ему горькую минуту его жизни; онъ выпросилъ себѣ Арапку, перевязалъ ей лапу и принесъ домой. Поппа, Чирикъ и Крошка встрѣтили съ удивленіемъ новую подругу, но, черезъ нѣсколько дней, всѣ подружились съ Арапкой, которая была самаго кроткаго нрава и сильно привязалась къ доброму Якову. Яковъ имѣлъ особенную способность воспитывать животныхъ и его интересный звѣринецъ все увеличивался. Въ составъ его вошли: кошка, чуть было не погибшая отъ холода, мышенокъ ручной, благополучно существовавшій подлѣ кошки, бѣлка, и сорока съ неистощимымъ запасомъ всякихъ проказъ. Поступленіе сороки къ Якову произошло при особенныхъ обстоятельствахъ: молодой поваренокъ, служившій на кухнѣ богатаго дома, первый, пріобрѣлъ эту драгоцѣнную птицу, назвалъ ее „вострухой“ и научилъ болтать. Воспитаніе было однакоже не совсѣмъ удачно: Воструха отличалась плутовствомъ и воровствомъ; цѣлый день, она выкапывала въ саду маленькія могилки и зарывала въ нихъ украденныя бездѣлушки, которыя хозяинъ ея не безъ труда разъискивалъ и раздавалъ по принадлежности. Освоившись съ мѣстностью, Воструха не стала уже довольствоваться домашними покражами, а залетала въ чужіе дома и, подкарауливъ минуту, когда всѣ были заняты, она схватывала какую нибудь вещицу и улетала съ нею во весь духъ домой, хоронить ее въ саду. Еще одна изъ дурныхъ привычекъ Вострухи заключалась въ томъ, что она бѣгала за дѣвушками и всячески старалась ущипнуть за пятку, за что ей часто доставалось; но она была неисправима. Однажды, она схватила серебрянный наперстокъ и кинула его въ распущенный клей, гдѣ его и нашли, черезъ нѣсколько дней, въ застывшей массѣ. Въ другой разъ, клюшница искала ключа отъ чайнаго ящика; подозрѣнія тотчасъ-же пали на Воструху и ее стали искать повсюду; она сидѣла на крыльцѣ, на одномъ углу половика, и, казалось, любовалась природой. Когда ее позвали, она не сдѣлала ни малѣйшаго движенія, какъ будто не слышитъ, и, сонливо прищуривъ одинъ глазъ, зорко глядѣла другимъ. Половикъ приподняли и нашли ключъ подъ тѣмъ угломъ, гдѣ сидѣла сорока, которая тотчасъ поскакала въ сторону, не обращая вниманія на разныя, нелестныя замѣчанія по поводу ея честности. Къ вечеру того-же дня, Воструха провинилась еще разъ: буфетчикъ оставилъ, на конторкѣ, кругомъ исписанное письмо, стоившее ему немалаго труда; онъ надѣялся, въ тотъ-же вечеръ, опустить его въ ящикъ. Не тутъ-то было. Только что онъ отправился съ самоваромъ въ столовую, Воструха похитила письмо и улетѣла съ нимъ на задній дворъ, гдѣ стояла кадка съ помоемъ. Усѣвшись на краюшкѣ, сорока принялась полоскать письмо, стараясь захватить какъ можно больше грязи. Проказницу поймали на мѣстѣ преступленія и раздосадованный буфетчикъ потребовалъ, чтобы Вострухи не было въ домѣ Скрѣпя сердце, поваренокъ отнесъ ее къ доброму Якову. Но воспитаніе сороки стоило и Якову порядочнаго труда; она очень скоро освоилась съ новой обстановкой, прыгая по комнатѣ и наблюдая прищуреннымъ глазомъ за всѣмъ происходившимъ. Остановясь передъ попугаемъ, Воструха сказала ему, насмѣшливо: „здраствуй“! Попка обидѣлся, что не онъ одинъ, изо всего звѣринца Якова, обладалъ даромъ слова и потому, сухо, отвѣчалъ: „не болтай“!—Арапка вздумала было залаять, но Воструха щипнула ее раза два клювомъ и на этомъ обмѣнѣ любезностей установилась ихъ дружба. Чирикъ страшно перепугался сороки и. на нѣсколько дней, спрятался въ свой ящикъ; но это была лишняя предосторожность: Воструха не обратила на него ни малѣйшаго вниманія. За то, бѣдный мышенокъ былъ въ постоянномъ страданіи. Воструха гонялась за его длиннымъ хвостикомъ и щипала его безпощадно. Мышенокъ любилъ сидѣть на подоконникѣ и подбирать крошки. Въ эти сладкія минуты забвенія, хвостикъ его свѣшивался съ окна, и Воструха подкарауливала его, съ злобнымъ вниманіемъ, чтобы щипнуть и отскочить въ сторону. Кошкѣ тоже доставалось отъ безпокойной сороки; какъ только она, свернувшись на стулѣ, засыпала очень сладко, Воструха подкрадывалась къ ней, вырывала клочокъ шерсти и пряталась въ ту минуту, какъ растревоженная кошка принималась лизать больное мѣсто.

Ремесло Якова шло успѣшно, такъ что, при его скромной жизни, онъ могъ сберегать немного денегъ. Интересный звѣринецъ Якова привлекалъ въ его мастерскую всѣхъ сосѣднихъ ребятишекъ; они радовались, когда ихъ посылали съ порученіемъ къ Якову, но порученіе исполнялось не скоро, потому что дѣти заглядывались на сороку и болтали съ попугаемъ. Яковъ не гналъ ихъ отъ себя, а напротивъ пользовался случаемъ поговорить съ ними; иногда даже давалъ имъ обрѣзки кожи и иголки и они, усѣвшись вокругъ него на полу, воображали себя башмачниками. Случалось даже, что въ карманѣ у Якова находились леденцы и пряники, быстро переходившіе оттуда въ дѣтскіе рты. Не разъ у Якова рождалась мысль и желаніе заняться этими дѣтьми, научить ихъ кое-чему, но онъ не зналъ, какъ приступить къ такому дѣлу. Однажды, сосѣдній мальчикъ, сынъ торговки, цѣлые дни проводившій одинъ, въ своемъ подвалѣ, выползъ на улицу и увидалъ весьма интересное зрѣлище: на окнѣ у Якова лежала спокойно Арапка, а на спинѣ у нея сидѣла Воструха; мальчикъ не выдержалъ; онъ сталъ подходить къ окну все ближе и ближе. открывая свои глазенки съ восхищеніемъ. Въ эту минуту, Воструха, не любившая оборванныхъ мальчиковъ, быстро соскочила и ущипнула любопытнаго за нагую пятку. Мальчикъ разревѣлся; Яковъ вышелъ на крыльцо и, увидавъ въ чемъ дѣло, повелъ огорченнаго Филю (такъ звали мальчика) къ себѣ и, чтобы скорѣе утѣшить его, взялъ съ печки большую, дымящуюся картофель и подалъ ее голодному ребенку. Тотъ проглотилъ ее въ одну минуту и утѣшился. На другой день, Филя снова появился у дверей Якова и требовалъ настоятельно картофлю. Яковъ предложилъ ему сдѣлку: онъ получитъ картофель, если выучитъ три буквы азбуки. Мальчикъ выучилъ буквы очень скоро и проглотилъ картофель. Эта исторія повторялась нѣсколько дней сряду, послѣ которыхъ Филя явился съ товарищемъ, такимъ-же оборваннымъ, какъ онъ, и заявилъ, что тотъ тоже желаетъ учить буквы и ѣсть картофель. Изъ этаго опыта, Яковъ заключилъ; что картофель можетъ содѣйствовать къ обученію дѣтей и, съ его помощью, рѣшился начать дѣло. Но для этаго нужно было кое-что; кромѣ картофеля: лавки, книги, доски и пр. и Яковъ, обдумавъ всѣ затрудненія, распорядился по своему. Прежде всего, онъ купилъ мѣшокъ картофелю, чтобы подчивать не только каждаго новичка, появлявшагося на его порогѣ, но всѣхъ мальчиковъ, приходившихъ аккуратно всю недѣлю, угощать, въ слѣдующій понедѣльникъ. Вмѣсто книгъ, онъ воспользовался четырьмя стѣнами своей чисто выбѣленной мастерской. Заостривъ палку и обжигая ее, онъ написалъ на одной стѣнѣ большія буквы, на другой цыфры, на третьей односложныя слова. Потомъ, онъ собралъ нѣсколько старыхъ объявленій, чтобы, съ помощью ихъ, начать уроки чтенія. Оставалось изобрѣсти скамьи; Яковъ купилъ нѣсколько подержанныхъ мѣшковъ, набилъ ихъ стружками и расположилъ ихъ на полу. Воструха съ любопытствомъ слѣдила за всѣми приготовленіями; когда онъ рисовалъ буквы, она сидѣла у него на плечѣ, а попка, равнодушно, спрашивалъ: „что ты дѣлаешь?“ Но когда дѣло дошло до стружекъ, Воструха суэтилась больше всѣхъ, бѣгала, подымала то ту, то другую, клевала мѣшки, засовывала носъ въ дырки и была въ полномъ удовольствіи.

Окончивъ приготовленія, Яковъ сталъ собирать дѣтей. Онъ ходилъ по узкимъ улицамъ съ корзиной горячаго картофеля на рукѣ и съ однимъ изъ знакомыхъ мальчиковъ, который, къ вліянію картофеля, прибавлялъ оживленный разсказъ о сорокѣ и прочихъ интересныхъ обитателяхъ мастерской Якова. Дѣти легко соблазнялись, какъ картофелемъ, такъ и разсказомъ, и просили Якова записать ихъ въ число его постоянныхъ школьниковъ. Но и для Вострухи картофель былъ ужасно соблазнителенъ, особенно когда на немъ виднѣлась мучнистая трещина. Она, уловивъ минутку, когда никто не смотрѣлъ, подскакивала къ чашкѣ съ дымящимся картофелемъ, схватывала полный клювъ прямо изъ трещины, но тотчасъ же, съ крикомъ, скакала прочь, обожженная и недовольная своей попыткой. Эта продѣлка повторялась часто, такъ какъ извѣстно, что опытъ немногихъ научаетъ мудрости.

Къ концу года, у Якова было 30 учениковъ. Сидя на своемъ высокомъ стулѣ и продолжая шить башмаки, Яковъ обозрѣвалъ и держалъ въ порядкѣ всю свою школу; дѣти сидѣли довольно тѣсно, на мѣшкахъ со стружками, а двое изъ нихъ стояли, по очередно, подлѣ Якова, отвѣчая на его вопросы и слушая объясненія. Успѣхи были такіе замѣчательные, что про школу Якова стали говорить, и слухъ дошелъ до одной богатой барыни, жившей въ томъ же кварталѣ. Опытная барыня приняла, сначала, это все за пустыя разсказни; но однажды, гуляя и проходя мимо дома, гдѣ жилъ Яковъ, она услыхала на дворѣ какое-то необыкновенное жужжанье. Она заглянула во дворъ и увидала маленькихъ оборвышей, съ досками въ рукахъ, учившихъ, громко, заданный урокъ. Яковъ высылалъ дѣтей, по очереди, учиться на дворѣ, когда погода позволяла, чтобы они подвигались немного и подышали чистымъ воздухомъ. Открывъ случайно школу башмачника, барыня пожелала ее видѣть и заставила одного изъ дѣтей проводить ее туда. Когда мальчикъ распахнулъ дверь, барыня увидѣла Якова. сидѣвшаго за работой, въ кожанномъ передникѣ; маленькій мальчикъ сидѣлъ у него на колѣняхъ и слушалъ, какъ другой, стоя подлѣ, разбиралъ короткія слова; Воструха ходила по окну. но остановилась, въ удивленіи, увидавъ небывалую посѣтительницу. Яковъ всталъ, а за нимъ и всѣ мальчики. Барыня сдѣлала нѣсколько вопросовъ, дала свой адресъ и просила Якова зайти къ ней, на другой день. Когда она повернулась къ двери, Воструха перескочила черезъ голову мальчика, чтобы схватить уходившую барыню за пятку. Къ счастію, ее поймали во время и не допустили до такого нарушенія всѣхъ приличій. Когда, на другой день, Яковъ посѣтилъ богатую сосѣдку свою, она дала ему 200 руб. на его школу и кромѣ того книги, тетради и доски, въ большомъ количествѣ. Яковъ былъ въ восторгѣ; ему давно хотѣлось нанять у сосѣда часть его луга, чтобы дѣтямъ было гдѣ поиграть. Съ помощью подаренныхъ денегъ, онъ могъ это легко устроить и пустить на траву свое маленькое стадо. Съ легкой руки доброй барыни, пожертвованія посыпались со всѣхъ сторонъ на Якова Изъ одной богатой школы послали старыя скамьи, игрушки, табуреты. Самъ Яковъ сшилъ изъ кожи мячики, и скоро всѣ дѣти, въ окрестности, стали проситься въ его школу. Якову удавалось помѣщать старшихъ мальчиковъ въ ученье и на мѣста, и они, своимъ поведеніемъ, прославили школу, такъ что лучшія мастерскія стали обращаться къ Якову за мальчиками. Не смотря на все это, Яковъ продолжалъ жить просто и не

бросалъ свое башмачное ремесло, вполнѣ окупавшее его жизнь. Звѣринецъ свой онъ также любилъ, по прежнему: Воструха дожила до глубокой старости, нисколько не исправившись отъ своихъ дурныхъ привычекъ; только движенія ея стали не такъ быстры и она проводила цѣлые часы, грѣясь на солнышкѣ. Однажды, стоя на одной лапкѣ и нахохлившись, она пробормотала: „бѣдная Воструха!“ Потомъ, закрыла глаза и упала на руки, подошедшаго къ ней, Якова. На рукахъ своего добраго хозяина, сорока спокойно окончила свое счастливое существованіе.

Прошли годы, и Яковъ тоже состарѣлся. Онъ не могъ уже трудиться по прежнему, но все еще не оставлялъ своего дѣла. Сотни дѣтей были избавлены имъ отъ нищеты и порока. Онъ часто говорилъ, что считаетъ себя однимъ изъ счастливѣйшихъ людей на свѣтѣ, и вспоминая слово мачихи, онъ радовался. что предсказаніе ея не исполнилось. „Слова ея сильно огорчили и обидѣли меня“, говорилъ Яковъ, но я благодаренъ за нихъ Богу; они заставили меня задуматься и рѣшить, что, не смотря на мое увѣчье, я не только не буду въ тягость людямъ, но буду стараться принести имъ пользу. Какъ это сдѣлать, я сначала не зналъ, но первыя дѣти голодныя, и оборванныя, которыя попали въ мою комнату, рѣшили этотъ вопросъ! „Я думалъ принести пользу этимъ двумъ мальчикамъ, но Богъ помогъ мнѣ сдѣлать тоже и для многихъ“.

Слѣдуй за Господомъ Іисусомъ Христомъ.

(*Продолженіе.*)

Слѣдуй за Господомъ Іисусомъ, какъ за Учителемъ твоимъ.

Послѣдователи Христа называются учениками. Если послѣдователи великихъ учителей міра сего, подверженныхъ заблужденіямъ, учатся у нихъ съ большою ревностію, то какъ усердно должны мы учиться у Того, чье ученіе истинно, Божественно и непогрѣшимо! Онъ учитъ насъ своимъ Евангеліемъ, которое было написано святыми Апостолами, по внушенію Святаго Духа. Онъ повелѣваетъ намъ „изслѣдовать Писанія“, т. е. не только новозавѣтныя, но и ветхозавѣтныя. Каждый день, мы должны читать святую Библію со вниманіемъ, не какъ заданный урокъ, а какъ драгоцѣнное письмо Божіе, завѣряющее насъ въ Его любви и научающее насъ, какъ заслужить Его благоволеніе. Будемъ изучать священное Писаніе не съ тѣмъ, чтобы искать подтвержденія *нашихъ* мнѣній, но чтобы наши мнѣнія подчинить *Его* ученію. Будемъ цѣнить въ немъ не только то, что согласно съ нашими желаніями и чувствами, но и то, что прямо противуположно имъ, домогаясь, прежде всего и во всемъ, узнать волю Іисуса Христа.

Милосердый Господи! помоги мнѣ слѣдовать за Тобою, какъ ревностный и смиренный ученикъ слѣдуетъ за своимъ Учителемъ. Я медленъ сердцемъ для разумѣнія, потерпи меня! Прости мое грѣшное невѣдѣніе и всѣ ошибки, происходящія отъ небрежности и самоувѣренности. У меня недостаетъ мудрости; Ты, Который даешь всѣмъ просто и безъ упрековъ, сдѣлай меня истинно мудрымъ, способнымъ смиренно учиться у Тебя. Слово Твое да будетъ свѣтильникомъ ногѣ моей и свѣтомъ стези моей. Научи меня путямъ заповѣдей Твоихъ, приклони сердце мое къ повелѣніямъ Твоимъ! Пс. 24. 8, 9. и 12. 118. 12, 26, 33, 64, 68 и 135 и пр. Іоан. 5. 39. 2 Тим. 3, 15 и 16.

Слѣдуй за Господомъ Іисусомъ, какъ за твоимъ спасительнымъ Примѣромъ.

Въ Священномъ Писаніи сказано, что „Христосъ пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его“. Вся Его жизнь была примѣромъ исполненія закона Божія и святости, во всѣхъ отношеніяхъ, обязанностяхъ и испытаніяхъ человѣческой жизни. Будемъ постоянно изучать жизнь Его, какъ живописецъ изучаетъ произведеніе великаго художника и проникается формами, красками и мыслями этого художника Первыя попытки подражанія великому оригиналу могутъ быть такъ грубы и несовершенны, что трудно отыскать какое либо сходство, но если подражатель будетъ постояненъ въ своихъ усиліяхъ, онъ будетъ ежедневно подвигаться къ тому совершенству, котораго желаетъ достигнуть. Будемъ, такимъ образомъ, безпрестанно изучать жизнь Іисуса Христа, стараясь подражать ей. Чѣмъ болѣе наши мысли будутъ сосредоточены на Немъ, тѣмъ успѣшнѣе будетъ наше подражаніе. Мы должны весьма осторожно слѣдовать примѣру, даже наилучшихъ изъ людей, потому что ихъ жизнь есть только несовершенный списокъ съ Божественнаго оригинала, и подражая ихъ качествамъ, мы всегда въ опасности перенять и недостатки. Будемъ же лучше подражать Самому Господу. Будемъ дѣйствовать, какъ Онъ дѣйствовалъ и, въ случаѣ сомнѣнія, спросимъ себя: какъ поступилъ бы Іисусъ Христосъ, если бы былъ на моемъ мѣстѣ? Это — высокое знамя; но чѣмъ выше цѣль, тѣмъ выше летитъ стрѣла, хотя бы даже она недостигла цѣли. Наши старанія могутъ быть всегда неудачны; ближніе наши не найдутъ большаго сходства между нами и нашимъ совершеннымъ Образцемъ. Мы сами будемъ весьма недовольны собою. Но милосердый Господь будетъ ободрять каждое наше усиліе; не осуждая нашего дѣла за его несовершенство, но помогая намъ, ежедневно, до тѣхъ поръ, когда наконецъ мы будемъ „подобны Ему“, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть“.

Милосердый Господь, помоги мнѣ подражать Твоему святому примѣру. Дай мнѣ изучать его непрестанно и все болѣе походить на мой Божественный образецъ. Прости мои ошибки, избавь меня отъ унынія и благослови мои старанія. Дай мнѣ, всматриваясь въ слѣды Твои, слѣдовать по нимъ, страшась идти туда, гдѣ ихъ не видно и не колеблясь идти за Тобою тамъ, гдѣ Ты прошелъ. Дай мнѣ, ежедневно соображаясь съ примѣромъ Твоимъ, слѣдовать за Тобою, не словомъ только, но и дѣломъ. Іоан. 13, 15. 1 Петр. 2. 21.

Слѣдуй за Господомъ Іисусомъ, борясь съ искушеніями.

Жизнь наша, здѣсь на землѣ, подвержена многимъ испытаніямъ. Искушенія діавола, ненависть людей и скорби, посылаемыя Богомъ, испытываютъ нашу вѣру, и Христосъ, Своимъ примѣромъ, показалъ намъ, какъ переносить испытанія.

Въ началѣ Своего служенія, Онъ былъ искушенъ діаволомъ; и теперь, также, діаволъ ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить, особенно же онъ нападаетъ на тѣхъ, которые начинаютъ служить Богу. Сперва, онъ искушалъ къ невѣрію, потомъ къ самоувѣренности и наконецъ, къ мірскому честолюбію. Эти три степени искушенія встрѣчаетъ и христіанинъ на пути своемъ. Сперва, діаволъ искушаетъ его не довѣрять Богу и уклоняться отъ пути долга, глядя на его трудности и опасности; затѣмъ, онъ учитъ гордиться своею силою и кидаться въ опасность; потомъ, наконецъ, онъ искушаетъ его забыть свое духовное призваніе и искать благъ мірскихъ. Оставленный, какъ бы на страданія голода, въ пустынѣ, Іисусъ искупаемъ былъ не довѣриться заботѣ Небеснаго Отца и избавиться отъ голода, обративъ камень въ хлѣбы, но Онъ отвергъ искушеніе словами, что „не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но каждымъ словомъ исходящимъ изъ устъ Божіихъ!“ Такъ и мы, часто, проходя пустынею временныхъ бѣдствій или духовнаго голода, искушаемся усумниться въ любви Божіей и избавиться отъ затрудненій недолжными поступками, обращая такимъ образомъ въ хлѣбъ то, чему Богъ предназначилъ быть камнемъ. Но послѣдователь Іисуса Христа скажетъ: роскошь не нужна мнѣ, мірская слава и дружба не нужны мнѣ; мнѣ нужно благоволеніе Божіе. Его слово даетъ хлѣбу его питательную силу, и если со мною Тотъ, Чье слово такъ могущественно, я не боюсь никакой опасности. Я могу быть спасенъ, не наслаждаясь благопріятными обстоятельствами; но безъ повиновенія волѣ Божіей, не могу. Я могу обойтись безъ хлѣба земнаго, но не безъ Христа. Если я послѣдую за Нимъ, Онъ будетъ пещись о мнѣ и вскорѣ выведетъ меня изъ пустыни на злачныя пажити; а если бы не такъ, то я все же счастливѣе, раздѣляя Его постъ въ пустынѣ, нежели роскошествуя на пирахъ діавола.

Когда Іисусъ Христосъ устоялъ противъ невѣрія, сатана искушалъ Его противоположною крайностію ложной увѣренности. Если ты можешь жить безъ хлѣба, если Богъ можетъ сохранить тебя безъ всѣхъ заботъ. необходимыхъ для другихъ людей, то докажи свою вѣру: бросся съ этого высокаго крыла храма, съ увѣренностію, что ты не будешь поврежденъ. Но Іисусъ, никогда не сомнѣвавшійся, что Онъ будетъ чудесно сохраненъ въ пустынѣ, куда привела Его воля Божія, отказался подвергнуть себя опасности, на которую соблазнялъ Его сатана. Написано: „не искушай Господа Бога Твоего“. Мы можемъ быть безъ всякаго сомнѣнія и смѣло опираться на обѣтованія Божіи, когда мы на пути послушанія; но мы не должны подвергать испытаніямъ Его попеченіе о насъ, кидаясь въ ненужную опасность. Такимъ образомъ, когда сатанѣ неудается уловить насъ въ сѣти сомнѣнія, онъ возводитъ насъ на высоту ложной увѣренности, и увѣряетъ насъ, что мы можемъ смѣло подвергаться тѣмъ опасностямъ, которыя смертельны для другихъ. Отвѣтимъ же ему, слѣдуя за Іисусомъ: Богъ, дѣйствительно, сохранитъ меня на пути послушанія, во всѣхъ затрудненіяхъ и опасностяхъ, которыя могутъ встрѣтиться; но я не долженъ ставить себя въ опасныя положенія, въ которыя я не призванъ. Я долженъ остерегаться искушенія, я самъ по себѣ безсиленъ, а Богъ обѣщалъ мнѣ Свою помощь только въ такомъ случаѣ, когда я слѣдую Его указанію. Я не долженъ искушать Господа Бога моего.

Подобно какъ сатана искушалъ Іисуса Христа, предлагая отдать Ему всѣ царства міра, если Онъ поклонится ему, такъ не проходитъ дня, чтобы послѣдователи Іисуса не были искушаемы какимъ либо мірскимъ преимуществомъ, или выгодой, поступить противъ совѣсти и Слова Божія; что и значитъ, болѣе или менѣе, поклониться сатанѣ. Если мы послѣдователи Христа, то скажемъ соблазнителю тотчасъ же: „отойди отъ меня, сатана“; дорого былъ бы купленъ міръ: цѣною малѣйшаго поклоненія тебѣ; ты мой злѣйшій врагъ, и каждый даръ твой приноситъ проклятіе тому, кто имъ обладаетъ. Я покланяюсь одному Христу, отъ Него Одного принимаю я дары; „Господу Богу покланяюсь я и я Ему одному служу“.

Іисусъ Христосъ отразилъ искушеніе сразу. Тѣ, которые начинаютъ съ того, что смотрятъ съ пожеланіемъ на искушенія, обыкновенно оканчиваютъ тѣмъ, что срываютъ и ѣдятъ запрещенный плодъ. Если мы не хотимъ вкусить его и умереть, мы должны закрыть глаза и отойти. Такъ сдѣлалъ Іисусъ. „Мечъ духовный, который есть Слово Божіе, былъ Его побѣдоноснымъ оружіемъ; и словомъ: „написано“, Онъ отбилъ всякое нападеніе врага. Будемъ и мы хранить въ сердцѣ Слово Божіе, чтобы не согрѣшать; пусть мечъ нашъ блеститъ ярко отъ частаго употребленія. „Облечемся во всеоружіе Божіе, чтобы мы могли противустать въ день злый“. Противустанемъ діаволу, и мы испытаемъ истину обѣтованія, что онъ убѣжитъ отъ насъ; и мы узнаемъ утѣшеніе нашего Спасителя, о Которомъ мы читаемъ, что, когда искушеніе кончилось, „Ангелы приступили и служили Ему“. Онъ, Самъ Господь Ангеловъ, утѣшитъ всѣхъ, кто, слѣдуя за Нимъ, мужественно противустоятъ діаволу. Мѳ. 4. 1—11. Еф. 6, 10—18.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Условія подписки: **„Русскій Рабочій“** выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (Сергіевская ул. № 20) и въ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна годовой подписки безъ доставки 60 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ...... 75 к.
Съ пересылкою иногороднымъ........ 1 р.

Подписавшіеся на 50 и болѣе экземпляровъ за пересылку не платятъ.

Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

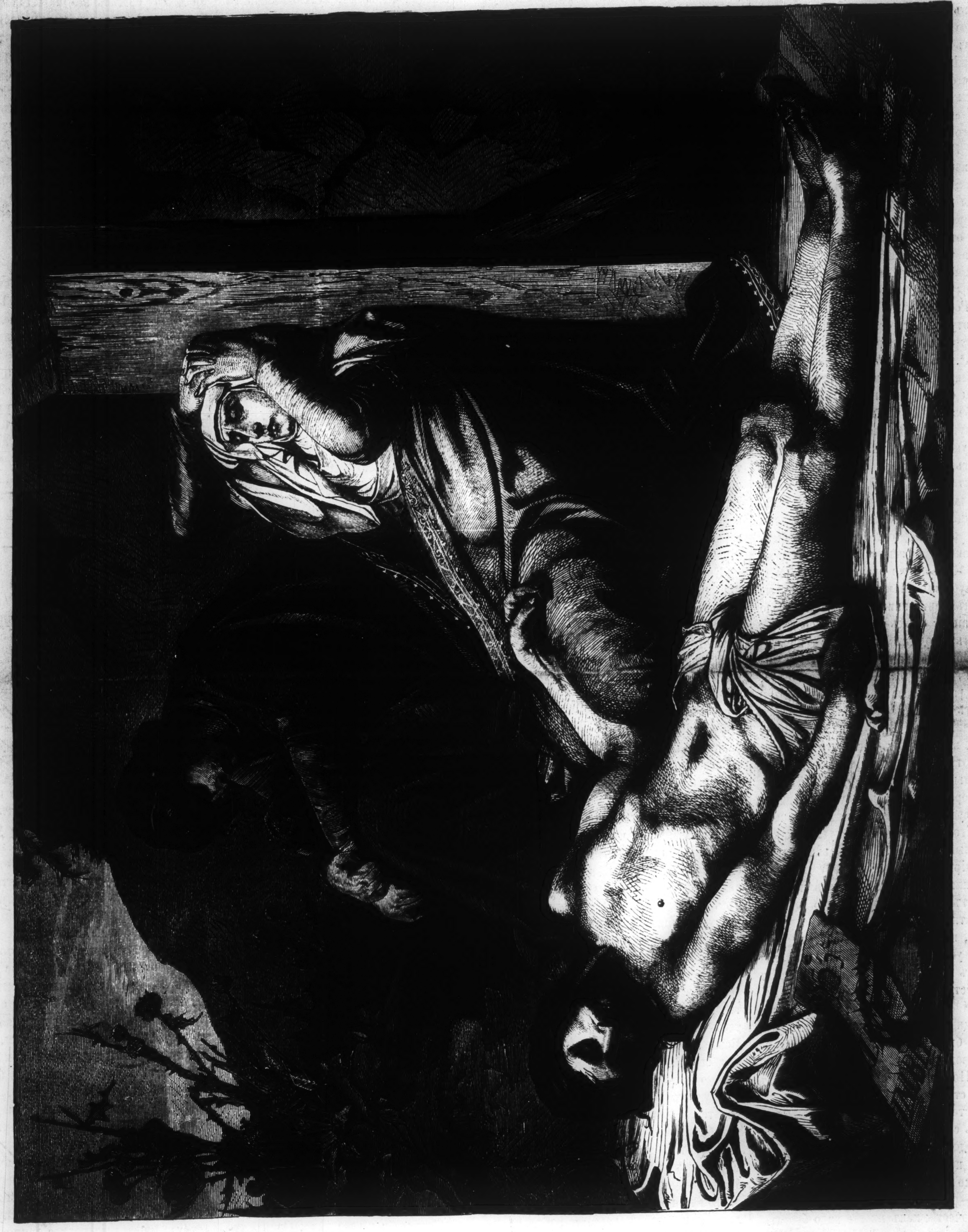
Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Февраля 1880 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

№ 2. 1880 г. РУССКІЙ РАБОЧІЙ. Годъ 6-й.

ОНЪ ИЗЪЯЗВЛЕНЪ БЫЛЪ ЗА ГРѢХИ НАШИ,

И МУЧИМЪ ЗА БЕЗЗАКОНІЯ НАШИ. ВСѢ МЫ БЛУЖДАЛИ,

КАКЪ ОВЦЫ, СОВРАТИЛИСЬ КАЖДЫЙ НА СВОЮ

ДОРОГУ; И ГОСПОДЬ ВОЗЛОЖИЛЪ НА НЕГО ГРѢХИ ВСѢХЪ НАСЪ. (Исаіи 53, 5, 6.)

Въ окрестностяхъ Содома.

Лотъ, вмѣстѣ съ Авраамомъ, пришелъ въ землю Ханаанскую, оставивъ за собою родину, друзей и родныхъ. Онъ слышалъ зовъ Божій и зналъ обѣтованія Божіи; — „праведный Лотъ“ называетъ его слово Божіе;—и, тѣмъ не менѣе, мы видимъ его, раскидывающимъ шатры свои къ Содому, городу, жители котораго „были злы и весьма грѣшны предъ Господомъ“. Что же побудило Лота избрать эту мѣстность? Земная, житейская мудрость. Когда произошли раздоры между пастухами Авраама и Лота, Авраамъ предложилъ Лоту отдѣлиться отъ него и выбрать себѣ мѣсто и долю. Лотъ, сказано намъ, „возвелъ очи свои и увидѣлъ всю окрестность Іорданскую, что она орошалась вся, какъ садъ Господень“, и избралъ для себя Лотъ эту землю“, сталъ жить въ городахъ окрестности и раскинулъ шатры до Содома“. Еслибы Лотъ возвелъ очи свои выше земли и житейскихъ выгодъ, если-бы онъ поднялъ взоръ къ Богу,—не туда, безъ сомнѣнія, направилъ бы Господь путь его. Но, человѣкъ, по своей близорукости, вѣритъ въ свою земную мудрость и даетъ ей вовлекать его въ опасности и скорби. „Мы ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ“ говоритъ Ап. Павелъ. Вѣрующій Авраамъ не искалъ городовъ и ихъ роскоши; онъ согласился быть странникомъ на землѣ, жить непреложными обѣтованіями будущаго и поселился у дубравы Мамре, гдѣ тотчасъ-же „создалъ жертвенникъ Богу“. Что было слѣдствіемъ этихъ двухъ выборовъ?— Авраамъ продолжалъ жить въ присутствіи Божіемъ, какъ бы „видя Невидимаго“ и, у этой самой дубравы Мамре, имѣлъ радость бесѣдовать съ Богомъ и слышать Божіи обѣтованія для него, и откровенія кары Божіей на преступные города, въ которыхъ поселился Лотъ.— Да; Лотъ уже не въ окрестности Содома, только;—но въ самомъ Содомѣ, даже у воротъ Содома, между начальниками и судьями города, между великими міра сего. Какой быстрый путь и какой успѣшный! Когда Лотъ подвинулся къ міру, міръ подвинулся къ нему и своими почестями и золотомъ засыпалъ ему глаза. Лотъ, хотя и сокрушается о грѣхахъ Содомитянъ, но не видитъ „грядущаго гнѣва“, не видитъ опасности и продолжаетъ укореняться въ мірѣ. Онъ входитъ въ родство съ Содомитянами, чрезъ замужество дочерей, и сердце его все больше привязывается къ земному. Праведный Лотъ, на какомъ ты пути! и что было бы съ тобою, если бы не бодрствовала надъ тобой любовь Божія? Но вотъ, раздается въ ушахъ Лота страшная вѣсть: „мы истребимъ сіе мѣсто“. Богъ послалъ Своихъ вѣстниковъ спасти Лота и истребить жителей Содома. Взошла заря, но Лотъ медлитъ, несмотря на увѣщанія ангеловъ. Сколько нитей привязываютъ его къ Содому:—родные, друзья, имущество, стада и почести; какъ многое надо бросить, оторвать отъ сердца! Не удивительно, что ангеламъ приходится взять его за руки и вывести его насильно изъ города, вмѣстѣ съ женою и дочерьми. Тогда, изъ устъ одного изъ ангеловъ, Лотъ услышалъ мудрый совѣтъ: „спасай душу свою, не оглядывайся назадъ и нигдѣ не останавливайся въ окрестности сей; спасайся на гору, чтобы тебѣ не погибнуть“. Слова истины, напоминающія, невольно, цѣлый рядъ Новозавѣтныхъ изреченій: „спасай душу свою“,—ибо, „какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?“— (Матѳ. 16. 26) „Не оглядывайся назадъ“:—„никто, возложившій руку свою на плугъ, и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для царствія Божія“;—(Луки 9. 62) „нигдѣ не останавливайся въ окрестности сей“: — (1 Іоан. 2. 15), „не любите міра, ни того что въ мірѣ; кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей“. „Проходитъ образъ міра сего“;— (1 Кор. 7. 31) „спасайся на гору“,— (Кол. 3. 1, 2) „если вы воскресли со Христомъ, то ищите горняго, гдѣ Христосъ сидитъ одесную Бога. О горнемъ помышляйте, а не о земномъ“.

Но Лотъ давно отвыкъ отъ „горняго“; онъ чувствуетъ страхъ, при одной мысли бѣжать на гору. Онъ предпочитаетъ городъ, хотя бы и маленькій, и общество людей, уединенію съ Богомъ. Печальная жизнь, полная страха и тревоги, скорби и огорченій, принесшая горькіе плоды двоедушія и любви къ міру!

Когда, рано утромъ, Авраамъ вышелъ изъ шатра на мѣсто, гдѣ онъ, накунѣ, стоялъ предъ лицомъ Господа и посмотрѣлъ къ Содому и Гоморрѣ, отъ которыхъ дымъ поднимался „какъ дымъ изъ печи“, какъ различно было его положеніе и состояніе духа отъ положенія Лота, вырваннаго изъ общей погибели низпровергнутыхъ городовъ, какъ головня изъ огня! Раскидывая шатры свои по равнинѣ „къ Содому“, Лотъ не ожидалъ такого печальнаго исхода.

Юноша, остерегись и ты. „Ты уже не дитя“, говорятъ тебѣ товарищи; „полно сидѣть за книгой, полно молиться и читать Евангеліе; что за святоша! Что за веселье проводить вечера дома, со стариками (такъ называютъ они родителей), вмѣсто того чтобы присоединиться къ кружку товарищей, закурить папироску и выпить стаканъ, другой, пива. Въ селахъ есть бесѣды, въ городахъ театры и вечеринки, всякаго рода; надо все это испытать въ молодости“.—Остерегись, юноша; не раскидывай шатра твоего, въ окрестностяхъ Содома, чтобы тебѣ не погибнуть. Иногда, наказаніе Божіе постигаетъ быстро, какъ громовая стрѣла. Только четырнадцать лѣтъ было одному мальчику, въ селѣ, который не слушалъ голоса совѣсти и совѣтовъ родителей. Въ воскресный день, когда всѣ были на молитвѣ, онъ взобрался на высокую гору разорять орлиное гнѣздо. Едва запустилъ онъ руки, чтобы взять юныхъ птенцовъ, какъ, съ крикомъ, налетѣли на него разъяренные орелъ и орлица и исклевали несчастному лицо и глаза. „Глазъ, насмѣхающійся надъ отцемъ и пренебрегающій покорностью къ матери, выклюютъ вороны дольные, и сожрутъ птенцы орлиные“. (Притч. 30. 17.)

Молодой человѣкъ, куда бѣжишь ты такъ скоро, поминутно оглядываясь, не слѣдятъ ли за тобой? Ты бы не хотѣлъ, въ эту минуту, встрѣтить взглядъ отца или матери; еще менѣе, глазъ Божій. Тебѣ совѣстно и неловко; но ты обѣщалъ, ты не посмѣлъ отказаться, когда друзья уговаривали тебя. Вотъ, сквозь тусклыя стекла, блеститъ огонь; тамъ смѣются, поютъ, играютъ въ карты; и ты туда спѣшишь, ощупывая, въ карманѣ, трудомъ нажитыя деньги. Измученный, осмѣянный, обыгранный, ты вернешься поздно, съ угрызеньями совѣсти, уснешь, на короткое время, и встанешь усталый и смущенный, чтобы начать трудовой день. А вечеромъ, тебя опять ждутъ, въ освѣщенномъ домикѣ. Берегись: твой шатеръ раскинутъ у самого Содома!

Молодая дѣвушка, до тебя, ты думаешь, не касаются эти предостереженія. Ты живешь, пока, скромно и трудишься. Но, что значатъ эти яркія ленты, въ твоихъ волосахъ, эта затѣйливая прическа, эти наряды? Съ кѣмъ подружилась ты? Твои подруги зовутъ тебя на имянины, на свадьбы, на гулянья и танцы. Онѣ совѣтуютъ тебѣ шить новыя платья, покупать серьги и кольца; онѣ влекутъ тебя въ окрестности Содома. Остановись; удались отъ нихъ и прислушайся къ другому голосу, призывающему тебя послѣдовать за нимъ; это голосъ Іисуса Христа, добраго Пастыря, отыскивающаго Свою овечку. Прочитай, въ Евангеліи, о Его любви, о Его страданіяхъ, и ты послѣдуешь за Нимъ, съ радостью.—Разсказываютъ, что одна молодая женщина заставила ждать около часу, въ своей гостинной, почтеннаго друга, пришедшаго навѣстить ее. Когда, наконецъ, она взошла въ комнату, въ роскошномъ нарядѣ, она нашла гостя своего, плачущимъ. „Что съ вами, о чемъ вы плачете?“ спросила хозяйка дома. „О томъ, отвѣчалъ гость, что вы теряете столько времени на украшеніе вашего смертнаго тѣла и не заботитесь о вашей безсмертной душѣ“.

Вы, которые суетитесь, хлопочете и не знаете покоя! Вы живете въ окрестности Содома и будете вовлечены въ его погибель. Послушайтесь голоса, призывающаго васъ, еще сегодня: „пріидите ко Мнѣ, Я успокою васъ“. Душа ваша томится, ищетъ чего нибудь новаго, неизмѣннаго, удовлетворяющаго. Ничего такого нѣтъ, въ окрестности Содома; но все это вы найдете въ любви Христа. Онъ сказалъ: „се, творю все новое“.

Вы, которые не чтите день Господень, продаете и покупаете, веселитесь, гуляете, безчинствуете, пьянствуете, и не хотите повиноваться Тому, Кто далъ вамъ шесть дней для дѣлъ вашихъ, а седьмой повелѣлъ отдѣлить „Господу Богу“; вы тоже живете, въ окрестности Содома. Вы боитесь за ваши барыши и выгоды; но вы расчитываете невѣрно. Вы губите себя и свое дѣло. Одинъ купецъ говорилъ, что, въ теченіи тридцати лѣтъ торговли, онъ видѣлъ раззореніе многихъ изъ тѣхъ, которые торговали въ день воскресный.—Лотъ разбогатѣлъ въ Содомѣ; но думалъ ли онъ, что ему придется бросить все нажитое тамъ, и все что имѣлъ онъ прежде, чтобы спастись отъ погибели!

Люди нравственные, вы которые гордитесь тѣмъ, что вы честны, справедливы, что вы исполняете вашъ долгъ и пользуетесь уваженіемъ вашихъ ближнихъ! Если вы этимъ довольствуетесь и на это надѣетесь, для спасенія души вашей, то вы тоже раскинули шатеръ вашъ въ окрестности Содома. „Все что не по вѣрѣ, грѣхъ“ говоритъ слово Божіе. „Встань спящій, воскресни изъ мертвыхъ, и освѣтитъ тебя Христосъ“.

Сорванный листокъ.

Одинъ молодой уроженецъ нѣмецкаго города, Гамбурга, Георгій Н. въ 1833 г. задумалъ, по совѣту своихъ знакомыхъ и друзей, переселиться въ Америку. Рѣшился онъ на это послѣ долгой, внутренней борьбы и колебаній: покинуть родной край и близкихъ людей было ему тяжело, хотя его родителей уже давно не было въ живыхъ; но, съ другой стороны, несмотря на всѣ свои старанія и желаніе работать, онъ, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, не могъ найти сколько-нибудь выгоднаго занятія для безбѣдной жизни, и, по ихъ примѣру, надѣялся пріобрѣсть не только нѣкоторое благосостояніе, но даже новую родину, въ Америкѣ.

Въ день, назначенный для отплытія туда большаго купеческаго корабля „Добрая Надежда“, Георгій, около полудня, заранѣе купилъ, на часть своего маленькаго денежнаго сбереженія, билетъ на дорогу. До отъѣзда оставалось еще часовъ пять, и онъ захотѣлъ употребить это время на то, чтобы, въ послѣдній разъ, взглянуть на болѣе дорогія и памятныя ему мѣста роднаго города. Съ друзьями же и знакомыми онъ уже простился. Такимъ образомъ, побывалъ онъ и у дома, гдѣ онъ родился, и у церкви, гдѣ его крестили и гдѣ онъ такъ часто молился, и у школы, гдѣ онъ учился. Не скоро онъ обошелъ все это: живымъ и милымъ вставало передъ нимъ его прошлое, особенно въ виду предстоящаго ему переѣзда въ Америку, который представлялся ему и долгимъ, и опаснымъ, можетъ быть, даже гибельнымъ. И уже почти минутами можно считать то время, которое остается ему провести на родной землѣ... Георгій сталъ направляться къ пристани; но, по дорогѣ туда, онъ зашелъ еще въ большой городской садъ, на высокомъ берегу рѣки Эльбы, чтобы проститься также и съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ такъ часто рѣзвился и бѣгалъ, молодымъ мальчикомъ. Присѣвъ на уединенной скамейкѣ, онъ, глядя на все окружающее, вспомнилъ смерть своихъ родителей и сильнѣе почувствовалъ свое одиночество, въ виду предстоящаго ему дальняго пути; слезы навернулись на глазахъ его и онъ, съ глубокимъ чувствомъ, поднялъ глаза къ ясному небу, „откуда нисходитъ всякое даяніе благое и даръ совершенный“. Въ этой части сада никого не было, Георгій всталъ на колѣни и, отъ всего сердца, воззвалъ къ

Отцу сиротъ, поручая себя, свою жизнь и свой путь Его храненію.

Въ ту минуту, какъ онъ кончалъ молитву, послышался съ корабля первый выстрѣлъ, означающій, что до отплытія его осталось только полчаса. Вставая, чтобы идти на пристань, Георгій сорвалъ съ ближайшаго куста листокъ и положилъ его, на память, въ записную книжку. Онъ забылъ, въ ту минуту, что, по правиламъ городскаго сада, всякій самовольно въ саду что либо сорвавшій, подвергался аресту и уплатѣ, въ полицейскомъ участкѣ, денежнаго штрафа. И вотъ; лишь только закрылась записная книжка, передъ Георгіемъ, вдругъ, неизвѣстно откуда, предсталъ сторожъ; и тутъ только, испуганный юноша вспомнилъ, въ чемъ онъ провинился. Но, дѣлать было нечего! Желая немедленно уплатить слѣдуемый штрафъ, онъ вынулъ деньги и, подавая ихъ сторожу, началъ оправдываться тѣмъ, что онъ портить въ саду ничего не хотѣлъ, а сорвалъ только одинъ листокъ на память, такъ какъ черезъ полчаса уѣзжаетъ въ Америку. „Мнѣ все равно, что вы хотѣли сдѣлать“; отвѣчалъ сторожъ; „но денегъ я взять отъ васъ не могу; вы должны заплатить штрафъ въ полиціи“.

„Въ такомъ случаѣ, ведите меня туда скорѣе, пожалуйста“.

„Это тоже невозможно; я не могу уйти съ своего поста, и вы должны дождаться, пока придетъ моя смѣна“.

„Это ужасно!“ вскричалъ юноша, въ отчаяніи. „Вѣдь я могу такимъ образомъ опоздать на корабль; а я уже за билетъ заплатилъ! Сжальтесь надо мною; возьмите мой штрафъ и отпустите меня“.

„Вамъ хорошо говорить“, отвѣчалъ сторожъ; „тутъ не до жалости, а я обязанъ свой долгъ исполнить. Если вы такъ хорошо знаете законъ, что и штрафъ могли до копѣйки расчитать, то вамъ слѣдовало и листка не трогать.—А ужъ провинились, такъ и терпите“.

Что было дѣлать? сторожъ былъ неумолимъ, и относился къ просьбамъ, даже слезамъ молодаго человѣка, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. На городскихъ часахъ пробило три четверти пятаго. Смѣна должна была придти только черезъ четверть часа; но какіе то были мучительные четверть часа! Георгій стоялъ, какъ на горячихъ угольяхъ. Съ корабля раздался второй выстрѣлъ! Черезъ 10 мин., много черезъ четверть часа, корабль уйдетъ, уйдетъ безъ него; всѣ деньги, заплаченныя за проѣздъ, пропадутъ; всѣ намѣренія его кончатся ничѣмъ; и онъ останется въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ былъ прежде. Одна мысль объ этомъ—какое страданіе! А смѣна все не идетъ! Георгій ждалъ, ждалъ съ нетерпѣніемъ, съ досадой, и горько раскаивался въ своемъ необдуманномъ поступкѣ. Наконецъ, смѣна явилась. Сторожъ повелъ молодаго человѣка въ участокъ; и въ ту минуту, какъ онъ входилъ въ двери, съ корабля раздался третій и послѣдній выстрѣлъ! Георгій бросился къ дежурному офицеру, наскоро разсказалъ ему въ чемъ дѣло и умолялъ его принять поскорѣе штрафъ, чтобы онъ могъ еще поспѣть на корабль. Офицеръ исполнилъ его просьбу; и онъ, со всѣхъ ногъ, бросился бѣжать, по улицамъ и переулкамъ, ближайшею дорогою, на пристань. Но когда онъ, запыхавшись, туда добѣжалъ, „Доброй Надежды“ уже и слѣдъ простылъ.

Георгій былъ въ отчаяніи; однако-же, онъ рѣшился употребить еще послѣднее средство. Онъ нанялъ лодку, съ двумя сильными гребцами, и обѣщалъ имъ, изъ послѣднихъ денегъ своихъ, щедрое вознагражденіе, если имъ удастся настигнуть корабль у ближайшей пристани, до выхода его въ открытое море. Понеслась лодочка, какъ стрѣла, по волнамъ, и причалила, наконецъ, къ берегу, у котораго должна была остановиться „Добрая Надежда“. „Она стояла тутъ“, сказали Георгію, „но давно прошла дальше“. Еще осталась одна надежда: у самаго впаденія рѣки въ Сѣверное море лежала маленькая деревня и близъ нея устроена была пристань и высокій маякъ, который освѣщалъ выѣзжавшимъ кораблямъ путь въ открытое море. До этого мѣста рѣшился доплыть Георгій; можетъ быть, на его счастье, „Добрая Надежда“, простоитъ тамъ до разсвѣта. Гребутъ изо всѣхъ силъ усердные пловцы, попутный вѣтеръ гонитъ лодочку быстро впередъ; достигаетъ она снова пристани, но тѣмъ же попутнымъ вѣтромъ воспользовался и корабль и, при яркомъ свѣтѣ маяка, выѣхалъ въ море. Напрасно напрягалъ зрѣніе свое Георгій; ни одинъ бѣлый парусъ „Доброй Надежды“ не виднѣлся болѣе въ морѣ; корабль отплылъ уже далеко; и всякая надежда исчезла!

Съ горькимъ разочарованіемъ и тоскою въ сердцѣ, вернулся Георгій въ свой родной городъ. Разрушились всѣ его мечты; пропали почти всѣ его деньги, и средствъ къ жизни не представляется никакихъ! Прошло нѣсколько дней, очень томительныхъ для него. Онъ не зналъ, за что ему приняться, и съ горечью, вспоминалъ о сорванномъ листкѣ, упрекалъ себя за свою необдуманность и даже роптапъ на Бога, допустившаго такой несчастный случай. Наконецъ, нѣсколько друзей, видя его въ такомъ печальномъ положеніи, собрали маленькую сумму ему на отъѣздъ и посовѣтовали ему привести свое прежнее намѣреніе въ исполненіе.

Другой корабль долженъ былъ, въ скоромъ времени, отправиться въ Америку и Георгія уговорили пойти занять себѣ на немъ мѣсто. Онъ отправился къ капитану, получилъ отъ него билетъ и тутъ разсказалъ ему, съ горькимъ сожалѣніемъ, о своей первой неудачѣ. Но капитанъ былъ глубоко вѣрующій человѣкъ, и поэтому, выслушавъ разсказъ, онъ отвѣтилъ: „Не жалуйтесь; вы не знаете, почему это все такъ случилось. Божіи пути,—не наши пути. Однако, чтобы вамъ и во второй разъ не опоздать, останьтесь-ка лучше, теперь же, на кораблѣ.—Мы завтра, рано утромъ, отправимся“.

Георгій послушался; ему и не хотѣлось даже повторять своего перваго прощальнаго похожденія по Гамбургу; поэтому, онъ отправился занять мѣсто въ каютѣ и не сходилъ болѣе съ корабля. На другой день, на разсвѣтѣ, раздались три выстрѣла, поднялись паруса, корабль простился съ берегомъ и понесся въ далекій путь. Георгій стоялъ на палубѣ и также прощался съ берегомъ, съ городомъ, который удалялся все быстрѣе и наконецъ совсѣмъ скрылся изъ виду. Все знакомое, все родное было далеко; чужое и неизвѣстное окружало его и лежало передъ нимъ;—Георгію стало грустно. Онъ сошелъ въ каюту и тамъ сталъ молиться, чтобы Господь сохранилъ его отъ другаго какого-нибудь несчастія и благословилъ путь его. Онъ предалъ себя въ руки Того, Кто управляетъ вѣтромъ и волнами—и заснулъ.

На другое утро, когда Георгій снова взошелъ на палубу, чудное зрѣлище представилось глазамъ его: корабль выѣхалъ въ открытое море, повсюду окружало его огромное синее пространство, сверкающее отъ лучей восходящаго солнца; надъ нимъ чудное, ясное небо, осѣняющее и море, и плывущій по немъ корабль, своимъ покровомъ. Юноша смотрѣлъ и любовался, и возносился душою къ Всеблагому Творцу всѣхъ этихъ чудесъ, но тяжелое чувство и теперь примѣшивалось къ его размышленіямъ: почему, почему не совершилъ онъ этотъ путь раньше? почему лишился онъ всѣхъ денегъ, заплаченныхъ за первый проѣздъ? Почему такая неудача, при самомъ началѣ его новой жизни!

Тутъ раздался звонокъ, приглашающій пассажировъ къ завтраку. Георгій хотѣлъ было отправиться внизъ, но капитанъ, увидавъ его, пригласилъ его въ свою каюту, позавтракать вмѣстѣ съ нимъ. По окончаніи завтрака, капитанъ вынулъ изъ кармана пачку газетъ, сказавъ, что онъ вчера еще купилъ ихъ, передъ отъѣздомъ, но до сихъ поръ не успѣлъ просмотрѣть. Онъ принялся читать, а Георгій сидѣлъ молча, видимо продолжая свои недавнія размышленія, на палубѣ. Вдругъ, капитанъ громко вскричалъ: „О Боже мой! чудны пути Твои!“ и, протягивая Георгію газету, указалъ ему на одно особое мѣсто, сказавъ: „прочтите“. Георгій прочиталъ: „Только что получено нами извѣстіе, что большой купеческій корабль „Добрая Надежда“ потерпѣлъ крушеніе, во время бури, въ ночь съ 2-го на 3-е сентября. Корабль, со всѣмъ грузомъ, пошелъ ко дну и ни одинъ человѣкъ не былъ спасенъ“. Георгій поблѣднѣлъ отъ волненія. Нѣсколько минутъ, стоялъ онъ неподвижно; потомъ вдругъ, обильныя слезы покатились изъ глазъ его и полились на страницу, содержавшую потрясающее извѣстіе. Онъ опустился на колѣни, закрылъ лицо руками и долго, горячо, благодарилъ Бога, такъ милостиво услышавшаго его молитву, въ саду роднаго города, и спасшаго его отъ погибели. Капитанъ смотрѣлъ на него молча. Когда Георгій всталъ, онъ спросилъ у него:

„Вы сохранили еще тотъ листокъ?“

„Сохранилъ“, отвѣчалъ Георгій.

„Берегите его, какъ сокровище“, сказалъ капитанъ, „смотрите на него часто, и вспоминайте, что Богъ часто разрушаетъ наши намѣренія и предпріятія, чтобы сохранить насъ отъ зла; и что то, что мы, слабые, близорукіе люди почитаемъ за несчастіе, часто бываетъ для насъ величайшимъ счастіемъ. Взирайте на Господа, постоянно; и постоянно предавайте себя Его Волѣ. Эта Воля, хотя она намъ и кажется часто непостижимой, всегда благая,—и всегда совершенная“.

Никогда не забылъ юноша этихъ словъ и этого замѣчательнаго случая въ своей жизни. Господь сохранилъ его, въ пути, и благополучно привелъ его въ Америку. Знаменательный листокъ онъ берегъ, какъ сокровище; онъ былъ для него не только воспоминаніемъ родины, но памятникомъ милосердаго попеченія Божія. И когда ему снова пути Божіи казались темными, непонятными; когда слабое сердце его опять склонялось къ сомнѣнію или ропоту, онъ вынималъ сухой листокъ и смотрѣлъ на него: и этотъ листокъ снова и снова напоминалъ ему чудныя слова: „Предай Господу путь твой, и уповай на Него, и Онъ совершитъ“.

Недовольный маятникъ.

Большіе, стѣнные часы, стараго устройства, слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ простояли въ деревенскомъ домѣ, никогда не подавъ хозяевамъ ни малѣйшаго повода къ жалобѣ. Но вотъ, однажды, рано утромъ, въ лѣтнее время, когда никто, въ домѣ еще не просыпался, часы вдругъ стали! Часовая доска поблѣднѣла отъ испуга, стрѣлки дѣлали напрасныя усилія, чтобы двигаться, колеса остановились въ удивленіи, гири висѣли безмолвно; каждому хотѣлось свалить вину на другаго. Наконецъ, часовая доска рѣшилась произвести слѣдствіе: стрѣлки, колеса, гири, всѣ завѣряли въ одинъ голосъ, что они не виноваты. Но вотъ, снизу раздался легкій звукъ и заговорилъ маятникъ: „Я долженъ сознаться передъ вами, „сказалъ онъ, „что я единственная причина этой остановки, и готовъ, въ отвѣтъ на ваши распросы, открыть вамъ мои побужденія. Собственно говоря, мнѣ просто надоѣло болтаться вправо и влѣво съ однообразнымъ тиканьемъ“. Услышавъ это, старые часы такъ разсердились, что чуть было не стали бить. „Лѣнтяй ты этакой!“ вскричала съ негодованіемъ часовая доска, забывъ свое обычное спокойствіе, и поднявъ свои стальныя руки.

„Вамъ хорошо, сударыня, обвинять другихъ въ лѣности“, отвѣчалъ обиженный маятникъ, „всѣмъ извѣстно, что положеніе ваше выше моего, да и дѣла, собственно говоря, у васъ нѣтъ другаго, какъ глазѣть на всѣхъ и наблюдать, что дѣлается въ домѣ. Попробовали бы вы быть запертыми всю жизнь въ темный, узкій ящикъ и болтаться взадъ и впередъ цѣлые годы, какъ я“.

— „Позволь-ка, „отвѣчала доска“, да развѣ нѣтъ въ твоемъ домѣ, или ящикѣ, какъ ты его называешь, окошка, въ которое ты можешь смотрѣть, для развлеченія?“

„Положимъ, что есть; но развѣ я могу остановиться хоть на минуту, чтобы посмотрѣть въ него? Я право усталъ отъ этой жизни“, продолжалъ недовольный маятникъ, и мое занятіе мнѣ опротивѣло.

Сегодня утромъ, мнѣ вздумалось сосчитать, сколько разъ мнѣ придется сдѣлать: тикъ, тикъ, въ продолженіи этихъ сутокъ. Кто изъ васъ, тамъ въ верхнемъ слою, можетъ сдѣлать исчисленіе?“ Минутная стрѣлка, опытная въ этомъ дѣлѣ, тотчасъ-же отвѣтила: „восемьдесятъ шесть тысячъ, четыреста разъ“.

„Вѣрно“, сказалъ маятникъ, „благодарю васъ. Посудите же сами; не достаточно-ли этаго, чтобы утомить каждаго? А когда я сталъ умножать эту цыфру на мѣсяцы и годы, у меня руки опустились; я потерялъ всякое терпѣніе и сказалъ себѣ: возьму да и стану, вотъ и все!“

Часовая доска едва удерживалась отъ досады, однако, отвѣчала съ достоинствомъ и разсудительностью: „Не могу не удивляться, что такое полезное и трудолюбивое существо, какъ ты, могло уступить такому минутному раздраженію. Справедливо, что ты трудишься много и постоянно, какъ и мы всѣ, и что тебѣ еще много придется трудиться. Мысль объ этомъ утомляетъ, но утомляетъ-ли самое дѣло? Вотъ, въ чемъ вопросъ. Попробуй, пожалуста, покачнуться нѣсколько разъ“. Маятникъ повиновался.

— „Что-же, утомило-ли это тебя?“

— „Нисколько“, отвѣчалъ маятникъ, „изъ-за нѣсколькихъ движеній я не сталъ бы жаловаться, но дѣло идетъ о милліонахъ!..

— „Хорошо, ты можешь думать о милліонахъ, но дѣлать тебѣ приходится только по одному движенію за одинъ разъ; и сколько бы разъ ты ни покачнулся вправо и влѣво, на всякій разъ тебѣ дается время“.

— „Да, это конечно правда; соображеніе ваше, я долженъ сознаться, нѣсколько разрушаетъ мой разсчетъ“; сказалъ маятникъ.

„Въ такомъ случаѣ, я надѣюсь“ заключила доска, „что ты тотчасъ-же примешься за дѣло, какъ и всѣ мы. Всѣ слуги и служанки въ домѣ проспятъ до полудня, если мы будемъ стоять сложа руки“. Послѣ этой рѣчи, гири употребили испытанный вѣсъ своего вліянія на маятникъ, который тотчасъ-же заколыхался и затикалъ по прежнему. Въ одну минуту, какъ бы сговорившись, колеса завертѣлись, стрѣлки задвигались и часы пошли. Первый солнечный лучь пробрался въ окошко и заигралъ на часовой доскѣ, которая развеселилась, какъ будто ни въ чемъ ни бывало. Когда хозяинъ дома вошелъ въ комнату, ему показалось, что его карманные часы ушли на полъчаса впередъ.

„Заботься о минутахъ, а часы сами о себѣ позаботятся“. Это мудрое изреченіе полезно вспомнить въ такую минуту, когда „дѣлая добро“, мы начинаемъ унывать, при мысли, что у насъ такъ много дѣла впереди. Одно настоящее въ нашихъ рукахъ; прошедшее невозвратно, будущее невѣрно. Не будемъ на настоящую минуту налагать бремя слѣдующей. Сколько-бы верстъ намъ ни предстояло пройти, мы дѣлаемъ одновременно только одинъ шагъ, и если не остановимся, то достигнемъ цѣли нашего путешествія.

Глядя впередъ, на жизнь нашу, не будемъ забывать, что намъ не придется преодолѣвать всѣ ея трудности, или нести всѣ ея кресты и страданія, вдругъ. Каждая минута принесетъ свое минутное бремя, и уступитъ мѣсто другой, съ такимъ-же бременемъ. Какъ мы перенесли первое бремя, такъ перенесемъ и послѣдующее.

Начиная день, намъ случается смотрѣть съ безпокойствомъ на предстоящія дѣла и обязанности. Безпокойство происходитъ отъ того, что мы накладываемъ на одну минуту дня все то бремя, которое распадется на нѣсколько тысячъ минутъ. Если кто рѣшится, въ настоящую минуту, всегда поступать какъ должно, то если бы онъ прожилъ вѣкъ Маѳусаила, онъ не впадетъ въ заблужденіе. Но, къ сожалѣнію, всѣ рѣшаются поступать, какъ должно, завтра, а сегодня дѣло идетъ по старому.

Не такъ поступаютъ тѣ, которые, „постоянствомъ въ добромъ дѣлѣ, ищутъ славы, чести и безсмертія“. День за днемъ и часъ за часомъ, они выполняютъ, Богомъ данное имъ, дѣло, и Богъ даетъ имъ, для этаго, и время и силы. Подобно своему Господу, они дѣлаютъ дѣла Божіи „пока есть день“; а когда наступитъ для нихъ ночь, „они успокоиваются отъ трудовъ своихъ, и дѣла ихъ идутъ вслѣдъ за ними“.

Почти.

Лиза получила ко дню своего рожденія, въ подарокъ, рабочій ящикъ со всѣмъ, что только нужно для шитья. Этотъ подарокъ составилъ истинное происшествіе въ жизни Лизы, такъ какъ прежде она очень не любила работать, а съ этихъ поръ, стала находить удовольствіе въ употребленіи такихъ хорошенькихъ швейныхъ принадлежностей. Она попросила у матери какой-нибудь *очень* полезной работы, и та дала ей подрубить цѣлую дюжину салфетокъ. Хотя этого и много было для перваго раза, но Лиза, тѣмъ не менѣе, храбро принялась за работу и даже сама загибала рубцы, такъ какъ ей хотѣлось обойтись безъ посторонней помощи.

Кончивъ половину перваго рубца, она пошла показать свою работу отцу.

— „Посмотри, папа, сказала она, — правда, вѣдь, ровно? Я сама загибала, даже!“

Отецъ отложилъ книгу, которую онъ читалъ въ это время и, внимательно разсмотрѣвъ работу, сказалъ:

— „Ты, дѣйствительно, думаешь, что это ровно подрублено?“

— „Да развѣ ты не находишь, что это почти ровно?“ спросила она.

— „А что значитъ *почти* ровно?“ спросилъ отецъ, ласково.

— „*Почти* ровно?“ переспросила Лиза, съ удивленіемъ.

— „Да“.

Лиза задумалась; отецъ ждалъ ея отвѣта.

— „Это значитъ... неровно?“ спросила она.

— „Да, отвѣчалъ ей отецъ, „*почти ровно* — значитъ *неровно*“.

— „Въ такомъ случаѣ, я передѣлаю это, „сказала Лиза печально“, потому что я хочу, чтобы работа была хорошо сдѣлана“.

— „И отлично“, замѣтилъ ей отецъ. Лиза вернулась къ окну, распорола всю свою работу (что было очень скучно) и, загнувши старательнѣе рубецъ, снова терпѣливо принялась за шитье. Сдѣлавъ нѣсколько стежекъ, она снова спросила отца, ровно-ли она работаетъ?

— „Да, этотъ кусочекъ хорошо подрубленъ“, сказалъ отецъ, взглянувъ на шитье, „и загнуто правильно и стежки ровны“.

Лиза осталась очень довольна этой похвалой.

— „Милая Лиза, сказалъ ей отецъ, въ жизни каждаго изъ насъ можно провести прямую линію, отдѣляющую хорошую, добрую сторону жизни отъ худой; каждый нашъ поступокъ есть шагъ по ту или по другую сторону этой линіи. Въ мірѣ нѣтъ ничего такого, что можно назвать *почти* хорошимъ. То, что называютъ почти хорошимъ, въ дѣйствительности, дурно. То, что только почти добро, то зло; что почти истинно — ложно; что почти правильно — неправильно“.

— „Да, папа, „прервала Лиза“, и если урокъ знать только почти, то это все равно, что не знать его“.

— „Это ясно, „сказалъ отецъ“, и такъ какъ Господь — Богъ истины, то Онъ и желаетъ, чтобы мы называли вещи ихъ истинными именами. Онъ желаетъ, чтобы мы видѣли и познавали истину и правду и чтобы мы говорили только правду; а для этого намъ нужно привыкать быть точными въ нашихъ выраженіяхъ“.

— „Значитъ, намъ не нужно имѣть никакого дѣла съ этими „*почти*“, медленно сказала Лиза, „потому что они только обманываютъ насъ и представляютъ намъ вещи лучшими, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ“.

Лиза возвратилась къ своей работѣ, удивляясь тому, что отецъ ея знаетъ толкъ въ шитьѣ, и размышляя объ урокѣ, который она отъ него получила. Не мѣшаетъ и намъ воспользоваться имъ.

„Ты не много не убѣждаешь меня сдѣлаться Христіаниномъ“, сказалъ Царь Агриппа Апостолу Павлу, и все-таки остался язычникомъ!

Что ты сѣешь?

Одинъ хозяинъ приказалъ рабу своему итти на поле и посѣять ячмень. Тотъ пошелъ и посѣялъ овесъ. Когда наступила жатва, хозяинъ пришелъ на мѣсто, гдѣ выросъ овесъ, и спрашиваетъ у раба: „зачѣмъ посѣялъ ты овесъ, когда я велѣлъ тебѣ сѣять ячмень?“ — „Я сѣялъ овесъ съ надеждою, что выростетъ ячмень“, отвѣчалъ рабъ. „Что за безсмыслицу ты говоришь?“ сказалъ хозяинъ; „развѣ когда либо видано что нибудь подобное?“ — „Да вы сами, отвѣчалъ рабъ, постоянно сѣете сѣмя зла, въ надеждѣ пожать плоды добра въ день воскресенія мертвыхъ. Поэтому, и я думалъ, что можно пожать ячмень, посѣявъ овесъ“. Объ этой восточной сказкѣ не мѣшаетъ подумать и намъ съ тобой, читатель. Что ты сѣешь?

„Не обманывайтесь; Богъ поругаемъ не бываетъ. Что посѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ“.

„Дѣлая добро, да не унываемъ: ибо въ свое время пожнемъ, если не ослабѣемъ“. (Гал. 6, 7, 9.)

Одинъ зажиточный крестьянинъ слышалъ однажды, какъ читали слова изъ Пр. Исаіи: „волъ знаетъ владѣтеля своего, и оселъ ясли господина своего; а Израиль не знаетъ меня, народъ Мой не разумѣетъ“ (Ис. 1, 3). — Вечеромъ, когда онъ пошелъ давать кормъ скоту, волъ его сталъ лизать его руку. Глядя на него, крестьянинъ почувствовалъ укоръ совѣсти и прослезился: „какъ истинно и дивно Слово Божіе“, сказалъ онъ, „это безсловесное животное, дѣйствительно, благодарнѣе меня. Все, что я имѣю, даровано мнѣ Богомъ, и гдѣ моя любовь и благодарность?“ Урокъ не остался безъ послѣдствій.

Никогда не должно забывать, что „разумъ“ есть ничто иное, какъ нашъ умственный глазъ. Чтобы видѣть, онъ нуждается въ свѣтѣ; — чтобы видѣть далеко и ясно, ему нуженъ небесный свѣтъ.

Есть два рода младенцевъ на свѣтѣ, — тѣ, которые только что родились, и тѣ, которые не выросли. Первые радуютъ и утѣшаютъ; послѣдніе надоѣдаютъ и огорчаютъ.

ОСВЯТИ ИХЪ ИСТИНОЮ ТВОЕЮ; СЛОВО ТВОЕ ЕСТЬ ИСТИНА.

Іоан. 17. 17.

Условія подписки: „Русскій Рабочій“ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (Сергіевская ул. № 20) и въ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна годовой подписки безъ доставки	60 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	75 к.
Съ пересылкою иногороднымъ	1 р.

Подписавшіеся на 50 и болѣе экземпляровъ за пересылку не платятъ.

Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Марта 1880 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

№ 3. 1880 г. **РУССКІЙ РАБОЧІЙ.** Годъ 6-й.

Въ послѣдній разъ.

«Въ послѣдній разъ».

„Не думала я, что въ послѣдній разъ“, шептала про себя молодая жена рыбака, сидя, въ неподвижномъ ожиданіи, на берегу моря, между тѣмъ какъ слезы катились на бѣлокурую головку дочери.

Рано утромъ, рыбачья лодка отчалила отъ берега и понеслась въ море. Рыбакъ и жена его простились на берегу; солнце сіяло; бѣлый парусъ долго еще виднѣлся на волнахъ; наконецъ скрылся. Жена вернулась домой, чтобы придти вечеромъ на тоже мѣсто, ожидать знакомую лодочку.—Но, среди дня, поднялась буря, вѣтеръ трепалъ волосы и одежду сидѣвшихъ на берегу жены и дочери рыбака. Напрасно старались онѣ разглядѣть бѣлый парусъ. Ночная тѣнь спустилась на море и землю.—Лодка никогда не вернулась.

„Не думалъ онъ, что въ послѣдній разъ“, повторяла, рыдая, жена рабочаго, внезапно умершаго, наканунѣ; „всталъ какъ всегда, здоровый и бодрый, выпили вмѣстѣ чаю и простились весело, не думая, что въ послѣдній разъ“.

Да; не думала бѣдная женщина, ни мужъ ея, ни сосѣди, что прощались они на всю жизнь. И похожаго ничего не было: человѣкъ еще молодой, въ полной силѣ, каждый день ходилъ на работу и весело возвращался домой. Но въ этотъ день, онъ не вернулся. Подъ ногой его повернулось бревно; онъ упалъ головой о камень и умеръ, не выговоривъ ни слова.

Всѣхъ поражаетъ такая внезапность смерти. Говорятъ, что это только рѣдкіе случаи. Но между тѣмъ, довольно бросить взглядъ на газету, чтобы встрѣтиться съ нѣсколькими подобными несчастіями.

Какъ бы то ни было, мы знаемъ, что и въ обыденной жизни нашей, для всего что мы дѣлаемъ, будетъ „послѣдній разъ“.—Въ послѣдній разъ, встанешь, утромъ, или ляжешь отдыхать; настанетъ послѣднее свиданіе съ близкими, послѣдняя прогулка, напишется послѣдняя строка, скажется послѣднее слово. Все, что мы дѣлаемъ худаго или хорошаго сдѣлается въ послѣдній разъ. Пьяница, въ послѣдній разъ, переступитъ порогъ кабака; нечестивецъ произнесетъ послѣднее ругательство. Послѣдній вздохъ вырвется изъ груди страдальца, послѣдняя, земная молитва вознесется изъ сердца вѣрующаго.

Мы всѣ это знаемъ, но какъ легко забываемъ! Дни идутъ за днями, сегодня какъ вчера, и завтра, по всей вѣроятности, какъ сегодня. „Гдѣ обѣтованіе пришествія Его?“ говорятъ тѣ, которыхъ Ап. Петръ называетъ „наглыми ругателями, поступающими по собственнымъ своимъ похотямъ“, (2 Петра 3. 3, 4) „ибо съ тѣхъ поръ какъ стали умирать отцы, отъ начала творенія, все остается также“.

Но, чтобы ни думали и какъ бы ни судили люди, „пріидетъ день Господень, какъ тать ночью“.—Наступитъ и для каждаго изъ насъ тотъ день, когда все то, что мы дѣлаемъ ежедневно, уже много годовъ, быть можетъ,—мы сдѣлаемъ въ послѣдній разъ.

О читатель, подумалъ ли ты, гдѣ будешь ты тогда? Думаешь ли ты объ этомъ всякій день? Вспомни предостереженіе самого Господа въ притчѣ о смоковницѣ: „нѣкто имѣлъ въ виноградникѣ своемъ посаженную смоковницу; и пришелъ искать плода на ней и не нашелъ. И сказалъ виноградарю: вотъ, я третій годъ прихожу искать плода на этой смоковницѣ, и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимаетъ? Но онъ сказалъ ему въ отвѣтъ: Господинъ! оставь ее и на этотъ годъ, пока я окопаю ее и обложу навозомъ; не принесетъ-ли плода; если-же нѣтъ, то въ слѣдующій годъ срубишь ее“. (Луки 13. 6—9).

Быть можетъ, ты походилъ на эту смоковницу: не приносилъ плода. Быть можетъ, и тебѣ оставленъ еще годъ испытанія, годъ милости, послѣ котораго произнесется приговоръ. Неужели ты не воспользуешься, а пренебрежешь дарованной отсрочкой; неужели останешься въ твоемъ легкомысліи, въ твоей безпечной нераскаянности!

Не отвращайся отъ подобныхъ мыслей; подумай, какъ долго испытывалъ ты, грѣхами твоими, терпѣніе Гооспода! Не противься долѣе Его голосу; открой Ему тотчасъ-же двери сердца твоего,—а не то, Онъ можетъ перестать стучаться.

„Се, стою у двери, и стучу. Если кто услышитъ голосъ Мой, и отворитъ дверь, войду къ нему, и буду вечерять съ нимъ и онъ со Мною“. (Откр. 3. 20.)

«Встань спящій, и воскресни изъ мертвыхъ, и освѣтитъ тебя Христосъ».

(Ефес. 5. 14).

О Царь и Богъ мой! Слово силы,
Во время оно, ты сказалъ,—
И сокрушенъ былъ плѣнъ могилы,
И Лазарь ожилъ и возсталъ.
Молю, да слово силы грянетъ,
Да скажешь: „встань!“ душѣ моей,—
И мертвая изъ гроба встанетъ
И выйдетъ въ свѣтъ Твоихъ лучей!
И оживетъ, и величавый

Ея хвалы раздастся гласъ,
Тебѣ—сіянью Отчей славы,
Тебѣ—умершему за насъ!—
(Хомяковъ, Воскресеніе Лазаря).

Бѣсноватые.

„И когда Онъ прибылъ на другой берегъ, въ страну Гергесинскую; Его встрѣтили два бѣсноватые, вышедшіе изъ гробовъ [1]), весьма свирѣпые, такъ что никто не смѣлъ проходить тѣмъ путемъ. — И вотъ, они закричали: что Тебѣ до насъ, Іисусъ, Сынъ Божій? Пришелъ Ты сюда прежде времени мучить насъ. Вдали-же отъ нихъ паслось большое стадо свиней. И бѣсы просили Его: если выгонишь насъ, то пошли насъ въ стадо свиней. И Онъ сказалъ имъ: идите. И они, вышедши, вошли въ стадо свиное. И вотъ, все стадо свиней бросилось съ крутизны въ море, и погибло въ водѣ. Пастухи-же побѣжали; и, пришедши въ городъ, разсказали обо всемъ, и о томъ, что было съ бѣсноватыми. И вотъ, весь городъ вышелъ на встрѣчу Іисусу; и, увидѣвъ Его, просили, чтобы Онъ отошелъ отъ предѣловъ ихъ. Тогда Онъ, войдя въ лодку, переправился обратно, и прибылъ въ свой городъ.

(Матѳ. VIII, 28 — IX, 1.)

Вотъ первое мѣсто въ Евангеліи, въ которомъ мы находимъ подробности о тѣхъ несчастныхъ, которыхъ мучила адская сила, и которыхъ Господь избавилъ отъ нея. Предметъ этотъ тонокъ и таинственъ. Да поможетъ намъ Богъ говорить о немъ въ такомъ смыслѣ, чтобы вы получили нѣсколько новыхъ лучей свѣта, такихъ лучей, которые, идя прямо къ совѣсти, возбуждаютъ насъ бодрствовать и молиться!

Прежде, чѣмъ приступимъ къ дѣйствію лукаваго, о коемъ идетъ рѣчь въ нашемъ текстѣ, напомнимъ вкратцѣ общее ученіе Писанія о демонахъ, и оправдаемъ это ученіе отъ нынѣшнихъ неосторожныхъ обвиненій.

Человѣкъ не есть единственное созданіе, одаренное умомъ и волею. Существуютъ надъ нимъ и существовали до него созданія порядка высшаго и природы болѣе духовной, — Ангелы. Но между тѣмъ, какъ часть этихъ славныхъ духовъ остались вѣрными Богу и радостно служатъ видамъ Его милосердія, въ отношеніи человѣческаго рода [2]), рожденіе котораго, семь тысячъ лѣтъ пазадъ, они привѣтствовали святыми пѣснями [3]); есть другіе—демоны, или злые духи, „кои согрѣшили, не сохранили своего достоинства, оставили свое жилище, и которые, будучи связаны узами адскаго мрака, соблюдаются на судъ великаго дня“ [4]). Не менѣе того, день, долженствующій окончательно утвердить ихъ страшное состояніе, еще не пришелъ; а пока онъ не придетъ, имъ дана извѣстная свобода, оставлять темницу и разсыпаться по всему міру [5]); свободою этою они злоупотребляютъ, чтобъ причинять человѣку весь вредъ, какой только могутъ, ревнуя сдѣлать его соучастникомъ своего преступленія и своего несчастія. Едва онъ былъ созданъ, они устроили его паденіе въ грѣхъ; а теперь, гибельное честолюбіе ихъ —удержать его въ этомъ плачевномъ состояніи, или воротить въ него тѣхъ, коихъ благодать Божія извлекла оттуда. Главнѣе всего, имъ нужна душа человѣка, но ихъ вредоносное вліяніе на нее, нерѣдко распространяется и на тѣло. Впрочемъ, между ними, какъ и между вѣрными Ангелами, существуетъ извѣстная іерархія; и Св. Писаніе между демонами особенно отличаетъ одного демона, котораго оно также называетъ Сатаною, Веельзевуломъ, или Дьяволомъ, и который, повидимому, начальствуетъ надъ всѣми прочими, въ предпринятой ими войнѣ, противъ Господа и противъ человѣка, созданнаго по Его образу; въ войнѣ, въ коей онъ имѣетъ нѣкоторый, на время, успѣхъ, лишь для того, чтобы получить въ концѣ еще болѣе страшное посрамленіе. Вотъ что Библія даетъ намъ возможность, мѣстами, усматривать изъ этого таинственнаго ученія, которое она нигдѣ вполнѣ не развиваетъ, оставаясь вѣрною своему правилу: учить насъ лишь тому, что назидаетъ, и открывать лишь то, что нужно для славы Божіей и для нашего спасенія.

Намъ не безъизвѣстно, что это ученіе служитъ предметомъ соблазна для мудрецовъ вѣка. Послушать ихъ, такъ оно невѣроятно, суевѣрно, безполезно и даже вредно. Но для христіанина всѣ эти обвиненія падаютъ передъ ясностью, съ какою оно поставлено Словомъ Божіимъ. Эта ясность, отъ начала Библіи до конца ея, идетъ возрастая; это, замѣтимъ мимоходомъ, быть можетъ урокъ, коему нужно слѣдовать, объясняя этотъ предметъ народамъ, или личностямъ, обладающимъ лишь начатками вѣры. Въ первыхъ книгахъ Ветхаго Завѣта о демонахъ не упоминается. Правда, Сатана является съ третьей главы Бытія въ видѣ змѣя, искушающаго жену, подъ Едемскимъ деревомъ. Но онъ является скрытый завѣсою, и только Новый Завѣтъ учитъ насъ узнавать его въ этомъ видѣ. Онъ является въ Ветхомъ Завѣтѣ и потомъ, но на продолжительныхъ промежуткахъ, и значительную роль играетъ въ книгѣ Іова. Впрочемъ, Ветхій Завѣтъ ставитъ наконецъ существованіе и вліяніе злыхъ духовъ въ столь живомъ свѣтѣ, что отвергать ихъ, значило-бы ослаблять вдохновенность Св. Писанія.

Намъ не безъизвѣстны также попытки, сдѣланныя для очищенія Евангелія, отъ этого, такъ называемаго, недостойнаго его ученія. Евреи, говорятъ, почерпнули это заблужденіе у халдеевъ, во время плѣна. Іисусъ Христосъ и Апостолы нашли его, будто бы, столь сильно укоренившимся въ умахъ, что почли за болѣе благоразумное примириться съ нимъ, опасаясь, чтобы, идя слишкомъ въ разрѣзъ съ народными предразсудками, не повредить успѣху своей проповѣди. Но это предположеніе имѣетъ различнаго рода затрудненія. Невѣроятно, прежде всего, то, чтобы евреи, насколько мы ихъ знаемъ, могли наслѣдовать и столь глубоко проникнуться чуждымъ ученіемъ, и особенно въ такое время, когда, преклонясь предъ рукою Божіею, они навсегда отвергли служеніе языческимъ божествамъ. Притомъ, нѣтъ никакого повода думать, чтобъ халдеи когда-нибудь вѣровали въ демоновъ; объясняя такимъ способомъ, откуда это вѣрованіе распространилось между евреями, придется еше пояснять, какъ оно могло появиться у ихъ побѣдителей. Впрочемъ, мы уже замѣтили слѣды его въ книгахъ Ветхаго Завѣта, предшествовавшихъ плѣненію, какъ-то: въ лѣтописи (паралипоменонъ) и въ древней книгѣ Іова. Наконецъ, это принаравливаніе къ современникамъ, которое не страшатся приписывать Апостоламъ, и даже Самому Іисусу Христу, это принаравливаніе мы отвергаемъ всею силой нашей вѣры. Какъ! терпѣть такое ученіе, которое, по вашему, до того нелѣпо и вредно, что вы дозволяете себѣ все, для очищенія отъ него Библіи. Но, что я говорю, терпѣть? подкрѣпить его, говорить его языкомъ, и, придавъ ему божественный авторитетъ, передать его обманутому народу? Вотъ именно то, что недостойно Іисуса Христа и его учениковъ. Вѣрить подобнымъ соображеніямъ, не значитъ-ли, не только умалять вдохновенность Апостоловъ, но и божественную непорочность личности Іисуса Христа.

Я не желаю другого доказательства, какъ тотъ разсказъ, который мы здѣсь видимъ. Вслушайтесь въ слова Іисуса Христа: „выйди, духъ нечистый“; послушайте Его, дающаго духамъ нечистымъ унизительное (для нихъ) позволеніе, которое они вымаливаютъ: „идите“; и, послѣ всего этого, будто дѣйствіе и самое существованіе этихъ духовъ можетъ остаться только въ воображеніи слушателей! Но этотъ текстъ заключаетъ въ себѣ еще болѣе: мы находимъ въ немъ положительный, матеріальный, дѣйствительный фактъ, который не могъ разыграться ни въ чьемъ воображеніи. Стадо двухъ тысячъ свиней устремляется все, цѣликомъ, въ море; и это потому, говорятъ Апостолы, что „бѣсы въ нихъ вошли“. Предположите-ли вы, съ нѣкоторыми (новѣйшими) толкователями, что бѣсноватые устремились на свиней и распространили между ними внезапный страхъ, такъ что они бросились въ море, не принявъ во вниманіе засвидѣтельствованія Евангелистовъ, которые представляютъ намъ стадо бросившимся въ море въ то уже время, когда бѣсноватые успокоиваются? [1]).

Объяснять такимъ образомъ Свящ. Писаніе, не значитъ объяснять, но смѣяться надъ нимъ. Пусть находятъ затрудненія, глубокія тайны въ ученіи о демонахъ, и мы также ихъ находимъ; но, въ виду подобнаго разсказа, надо признаться, что, или слова Апостоловъ, даже самыя слова Іисуса Христа, не заслуживаютъ никакого вѣроятія; или-же тутъ есть, на самомъ дѣлѣ, дѣйствіе злыхъ духовъ. Вѣрнѣйшій, какъ и наипростѣйшій способъ, это понимать вещи, какъ онѣ написаны, не добиваясь проникнуть далѣе. — Вспомнимъ слово Моисеево: „сокрытое принадлежитъ Господу Богу нашему, а открытое намъ и сынамъ нашимъ“ [1]). Въ подобныхъ вещахъ, высочайшая мудрость — мудрость малаго дитяти.

Но зачѣмъ это отвращеніе вѣрить тому, что написано про бѣсовъ? Многіе, можетъ быть, соблазняются этимъ ученіемъ, не отдавъ себѣ отчета въ томъ, что именно ихъ приводитъ въ соблазнъ. Развѣ оно вамъ кажется противнымъ совершенствамъ и могуществу Божію? Да; если-бы Свящ. Писаніе научало, какъ нѣкоторыя еретическія секты, а именно манихеи, тому, что демонъ имѣлъ вѣчное пребываніе и независимое могущество до такой степени, что въ мірѣ было-бы два бога: богъ добра и богъ зла, какъ древнее заблужденіе восточной философіи. Напротивъ того, Свящ. Писаніе научаетъ насъ, что Богъ „знаетъ (въ Его власти) и того, кто обманываетъ, и того, кто обманутъ“ [2]),—что сатана есть только твореніе, зависящее отъ вседержащей воли Божіей, какъ и всѣ Его дѣла; что онъ повинуется, какъ тотъ разсвирѣпѣлый звѣрь, о которомъ говоритъ Исаія: „вложу бразду (кольцо) въ ноздри твои и узду въ уста твои“ [3]), чтобы его козни служили также, своимъ образомъ, къ исполненію плановъ Бога, Коего правда, милосердіе и всѣ совершенства, они должны, наконецъ, выставить еще въ большемъ блескѣ. Послѣ этого, остается единственное серьезное затрудненіе: это — существованіе самаго зла; затрудненіе, которому мы должны покориться, потому что, отвергнувъ дьявола, намъ будетъ столь-же трудно, если не труднѣе, объяснить зарожденіе зла въ насъ самихъ.

Или, можетъ быть, ученіе о демонахъ вамъ кажется безумнымъ, суевѣрнымъ? Да, если-бы было малѣйшее основаніе въ тѣмъ ребяческимъ разсказамъ и смѣшнымъ представленіямъ, которыми его преувеличили. Но объ нихъ нѣтъ и рѣчи въ Свящ. Писаніи; ученіе его объ этомъ предметѣ, какъ нельзя болѣе сдержано; Свящ. Писаніе не отзывается на пустые и нескромные вопросы; и ограниченныя свѣденія, которыя оно даетъ намъ о демонахъ, назначаетъ для того, чтобы научить насъ бодрствовать и молиться. Въ томъ-же смыслѣ, какой даетъ ему Писаніе, чѣмъ это ученіе противно здравому смыслу? Развѣ противно разуму, что Богъ создалъ тварей, превосходнѣе человѣка, и что мы, небольшіе жители этого маленькаго шара, не одни населяемъ всю громадную вселенную? Противно-ли разуму, что часть этихъ небесныхъ духовъ возмутилась противъ Бога, какъ поступилъ весь нашъ родъ? Противно-ли разуму, что эти падшіе ангелы были поражены ужаснымъ наказаніемъ, что, какъ извѣстно, будетъ со всѣми невѣрными и нераскаянными людьми? Противно-ли разуму, что демоны могутъ ввести насъ въ непослушаніе, какъ мы ежедневно видимъ одного человѣка, вводящаго другого въ грѣхъ? Наконецъ, развѣ противно разуму, что пагубное вліяніе демоновъ на нашъ духъ простирается иногда и на тѣло, связанное съ душою весьма тѣснымъ и

---

[1]) Изъ пещеръ, гдѣ погребали.
[2]) Евр. I, 14.
[3]) Іов. XXXVIII, 7.
[4]) 2. Петр. II, 4—Іуд., 6.
[5]) Ефес. VI, 12.

[1]) Марка, V, 15.

[1]) Второзак. XXIX, 29.
[2]) Іова, XII, ст. 16; у насъ въ Христ. Чтеніи (Апрѣль, 1869 г.) это мѣсто переведено такъ: «у Него заблуждающій и вводящій въ заблужденіе».
[3]) Исаіи, XXXVII, 29.

еще малоизвѣстнымъ союзомъ? Дѣйствительно, упрекъ въ суевѣріи, такъ часто дѣлаемый ученію, которое мы теперь защищаемъ, обыкновенно основываютъ на одномъ изъ двухъ: или считаютъ его плодомъ суевѣрнаго воображенія среднихъ вѣковъ, за что Евангеліе не подлежитъ отвѣту; или нежеланіемъ вѣрить въ то, чего мы не видѣли, однимъ словомъ, нашимъ природнымъ невѣріемъ.

Или, можетъ быть, это ученіе кажется вамъ вреднымъ для нравственности? Боитесь-ли вы, говоря человѣку о демонѣ, который его искушаетъ, чтобъ не ослабѣло и не исчезло въ немъ чувство его личной отвѣтственности? Да, если-бы Свящ. Писаніе научало насъ тому, что мы не можемъ сопротивляться демону, и что мы въ его рукахъ страдательныя орудія, которыя онъ можетъ употреблять какъ хочетъ. Напротивъ того, оно учитъ насъ, что мы можемъ ему противустоять [1]), его преодолѣть [2]), и что мы можемъ сокрушить его подъ ногами [3]), и нѣтъ намъ извиненія, когда мы повинуемся его лукавымъ внушеніямъ, какъ нѣтъ извиненія тому человѣку, который, послушавшись дурныхъ совѣтовъ, дѣлаетъ зло. Св. Писаніе такъ опредѣлительно въ этомъ пунктѣ, что въ одномъ весьма извѣстномъ мѣстѣ, желая насъ принудить обвинять самихъ себя въ нашихъ грѣхахъ, оно даже не называетъ дьявола: „въ искушеніи, никто не говори: Богъ меня искушаетъ, потому что Богъ ие искушается зломъ, и Самъ не искушаетъ никого“ [4]). До такой степени Свящ. Писаніе желаетъ, чтобы мы, вмѣсто того, чтобы слагать съ себя отвѣтственность, возводя ее на Бога, или-же на дьявола, обвиняли прежде всего самихъ себя.

Наконецъ, не кажется-ли вамъ ученіе о демонахъ, по крайней мѣрѣ, безполезнымъ? Вы можетъ быть скажете: откуда-бы ни было зло, оно побѣждается тѣми-же средствами; если даже предположить, что дьяволъ насъ искушаетъ, зная это, мы немного выигрываемъ. Это-то и есть великое заблужденіе, которое необходимо выяснить, съ нѣкоторою подробностію.

Одна изъ отличительныхъ чертъ Св. Писанія, что оно поставляетъ лица тамъ, гдѣ философія представляетъ однѣ идеи. Въ Свящ. Писаніи все живо, напротивъ того, въ философіи все мертво. Идетъ-ли дѣло о добрѣ? Свящ. Писаніе указываетъ намъ на живое существо, Св. Духа, Котораго мы должны призывать внутрь себя и Который одинъ только можетъ рождать чистыя помышленія и добрыя дѣла. Идетъ-ли дѣло о злѣ? оно представляетъ намъ живое существо, демона, который внушаетъ намъ дѣлать дурное, и противъ котораго надо бороться, бодрствовать и молиться.

Вы меня, быть можетъ, спросите: да какая-же намъ польза отъ этого двойственнаго ученія, и много-ли бы мы потеряли, если-бъ оно дѣйствительно оказалось однимъ лишь способомъ выраженія, имѣющимъ цѣлью только опредѣлить

[1]) Іак. IV, 7.
[2]) Ефес. VI, 13.
[3]) Рим. XVI, 20.
[4]) Іак. I, 13.

хорошія и дурныя наклонности нашего сердца? Я ограничусь, для этого, однимъ указаніемъ на торжественность и великолѣпіе того ученія, по которому душа наша становится, на землѣ, театромъ смертельной борьбы, между силами неба и ада; хотя эта идея, которая, съ перваго раза, кажется только великою и поэтичною мыслію, имѣетъ также свою нравственную пользу; я придержусь болѣе скромныхъ размышленій. Двѣ вещи намъ особенно необходимы въ борьбѣ добра противъ зла: духъ ревности (пламеннаго усердія) и духъ мира (спокойствіе духа); ученіе, которое насъ занимаетъ, одинаково способно поддержать какъ тотъ, такъ и другой. Это можно легко доказать догматомъ о Св. Духѣ. Не чувствуемъ-ли мы болѣе сильное рвеніе, когда намъ говорятъ: призывайте на помощь Духа Св., т. е. Самаго Бога внутрь себя, нежели когда-бы намъ только совѣтывали улучшать наши нравственныя качества? И не покойнѣе-ли мы, когда разсчитываемъ на помощь; но что я говорю? на присутствіе внутри насъ Самаго Бога, нежели когда мы оставлены нашимъ собственнымъ немощамъ? Это самое можетъ относиться и къ ученію о демонѣ.

Повѣрьте, когда мы узнаемъ, что внѣ насъ, возлѣ и надъ нами существуетъ невидимый, коварный и могучій искуситель, мы будемъ бороться противъ грѣха съ инымъ жаромъ, нежели когда намъ приходится имѣть дѣло съ одними лишь нашими природными склонностями; и слово Св. Ап. Петра: [1]) „Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противникъ вашъ діаволъ ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить“, подобное слово, гораздо скорѣе пробуждаетъ насъ отъ сна, чѣмъ всѣ предостереженія философіи, противъ соблазновъ нашего сердца. Здѣсь, представляется намъ въ одно время! извнѣ, остервенѣлый, неутомимый врагъ, готовый воспользоваться нашею малѣйшею оплошностію; внутри—предатели, которые съ нимъ въ сношеніяхъ для того, чтобы предать насъ въ его руки. Какая бдительность, какія силы и какія, особенно, молитвы намъ необходимы! И сколько понятіе о дьяволѣ, который насъ искушаетъ, способно заставить насъ быть всегда на сторожѣ!

Повѣрятъ-ли мнѣ, если я добавлю, что это знаніе можетъ дать намъ возможностъ сражаться съ большимъ спокойствіемъ. Правда, оно имѣетъ весьма печальныя, ужасныя стороны, какъ для насъ, такъ и для этихъ преступныхъ, отверженныхъ созданій, вся жизнь и вліяніе коихъ заключается лишь въ томъ, чтобы влечь насъ за собою въ погибель; но за то, мы находимъ въ этомъ знаніи сторону, которая облегчаетъ наше сердце и придаетъ намъ бодрости. Легче подумать, что не одни мы причиною нашего паденія; конечно, какъ мы уже сказали, это не извиненіе; однако, этимъ объясняется, нѣкоторымъ образомъ, наша вина, составляющая одновременно и наше несчастіе. Вы можете судить по слѣдующему сравненію: отецъ узнаетъ, что его любимый сынъ оказался виновнымъ въ

[1]) 1 Петра, V, 8.

преступленіи. Вы представляете себѣ скорбь его души! Но вотъ, болѣе обстоятельныя свѣденія обнаруживаютъ, что сынъ его, увлекаемый изъ одной бездны въ другую, рѣшился на это преступленіе, по совѣтамъ ловкаго, вѣроломнаго соблазнителя. Неправда-ли, это извѣстіе нѣсколько облегчитъ горесть несчастнаго отца; къ его прежнему негодованію присоединится нѣжное, глубокое состраданіе; и положеніе сына покажется ему менѣе ужаснымъ, отчаяннымъ, даже менѣе преступнымъ, нежели когда-бы человѣкоубійственная рука его слѣдовала движеніямъ собственнаго его сердца.

Да, въ виду ученія о соблазнителѣ, паденіе наше становится менѣе горькимъ и неизлечимымъ, нежели когда-бы намъ пришлось искать всю причину его въ насъ самихъ. Быть можетъ, сколько душъ, кои и не думали еще измѣрять всю глубину своей порчи, и которыя непремѣнно пріободрились-бы, если-бы только съумѣли различить, отдѣлить себя отъ зла, которое держитъ ихъ порабощенными, и возвратили-бы врагу огненныя стрѣлы, которыя онъ въ нихъ пускаетъ! Благочестивые богословы полагали даже, что существуетъ тѣсная связь между ученіемъ объ искушеніи и о нашемъ искупленіи. И именно потому, что сатана насъ связалъ, Сынъ Божій имѣетъ власть разрѣшить насъ. А если-бы мы возмутились самовольно противъ Бога, не имѣя къ тому побужденія; если-бы зло родилось въ нашемъ сердцѣ, то мы были-бы уже не грѣшными людьми, а просто дьяволами; и трудно понять, какимъ образомъ могли-бы мы быть освобождены, если-бы насъ удерживала и связывала одна собственная наша воля? Но какъ-бы то ни было, все-же ученіе о демонахъ полезно, спасительно и освѣщаетъ насъ; и только не знать его опасно. Это незнаніе и составляетъ могущество сатаны. Неожиданный врагъ вдвое опаснѣе. Вы, которые говорите: нѣтъ демона, страшитесь, чтобы въ этомъ не состоялъ первый урокъ, данный вамъ дьяволомъ, урокъ, который замѣняетъ ему всѣ остальные, до тѣхъ поръ, пока вы послушны этому главному внушенію.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Слѣдуй за Господомъ Іисусомъ Христомъ.

(*Продолженіе.*)

Слѣдуй за Господомъ Іисусомъ, перенося обиды. Въ мірѣ, мы часто переносимъ обиды отъ людей; частью заслуженно, а частью, быть можетъ, и не заслуженно. Часто, они затрогиваютъ нашу собственность, наше доброе имя, нарушаютъ нашъ миръ душевный. Даже, въ маловажныхъ обстоятельствахъ, мы склонны къ раздраженію. Неосторожнаго слова, не ласковаго взгляда довольно, чтобы возбудить гнѣвъ. Мы склонны думать злое про враговъ нашихъ и медлить прощеніемъ обидъ. Совершенно не такъ дѣйствовалъ Іисусъ Христосъ. „Онъ былъ презрѣнъ и умаленъ передъ людьми“, тѣмъ не менѣе Онъ „ходилъ благотворя“, повсюду; Онъ не раздражалъ никого, но былъ Самъ жертвою ненависти и обидъ. Онъ старался спасти тѣхъ, которые старались вредить Ему и убить Его. На крестѣ, Онъ молился за убійцъ Своихъ: „Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ“. Жизнь Его, и въ этомъ отношеніи, должна служить намъ примѣромъ. „Христосъ пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его“. „Будучи злословимъ, Онъ не злословилъ взаимно; страдая, не угрожалъ“. Этотъ духъ внушаетъ Онъ и Своимъ послѣдователямъ: „блаженны кроткіе“; „любите враговъ вашихъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“. Тому-же учитъ и Апостолъ, говоря: „облекитесь, какъ избранные Божіи, въ милосердіе, благость, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе, снисходя другъ другу и прощая взаимно, если кто на кого имѣетъ жалобу: какъ Христосъ простилъ васъ, такъ и вы“. „Не воздавайте зломъ за зло. Не мстите за себя, возлюбленные. И такъ, если врагъ твой голоденъ, накорми его, если жаждетъ, напой его“.

Мы всѣ признаемъ, что послѣдователь Христа не долженъ оскорблять другихъ, не долженъ обижать, обманывать, раздражать ихъ, или клеветать на нихъ. Но, какъ часто, мы забываемъ, что подражая Христу, мы должны переносить оскорбленія! Если всякая малость производитъ въ насъ гнѣвъ, если мы скоры на мщеніе и медленны на прощеніе обидъ, то какъ огорчаемъ мы духъ Христа, какой вредъ наносимъ собственной душѣ, какъ отталкиваемъ другихъ отъ вѣры, которой мы такіе жалкіе представители!

Кроткій и смиренный Спаситель мой, помоги мнѣ, по Твоему примѣру, терпѣливо переносить обиды и оскорбленія, предпочитая лучше страдать, чѣмъ причинять страданія. Помоги мнѣ воздавать добромъ за зло, быть медленнымъ на гнѣвъ, скорымъ на прощеніе, и этимъ показывать міру, что я, дѣйствительно, слѣдую за Тобою! (Мѳ. 5. Рим. 12. 17—21. 1 Кор. 13. Гал. 5. 14—26. Еф. 4. 31, 32. Кол. 3. 11—14. 1 псал. 2. 18—25).

Слѣдуй за Господомъ Іисусомъ, перенося скорби.

„Многими скорбями надлежитъ намъ войти въ Царствіе Божіе“. Самъ Іисусъ Христосъ сказалъ ученикамъ Своимъ: „въ мірѣ будете имѣть скорбь“. Часто тѣ, которые болѣе служатъ Ему, болѣе другихъ и страдаютъ. „Кого Господь любитъ, того и наказываетъ“. Въ скорби, мы склонны сомнѣваться въ вѣрности Божіей; невѣріе нашептываетъ намъ: Богъ забылъ тебя; Онъ пересталъ любить тебя. Гдѣ Его обѣтованіе? Какъ сурово Онъ поступаетъ съ тобою, сверхъ силъ, переносишь ты горе! Какъ несравненно милостивѣе Онъ къ другимъ! Что добраго можетъ произойти отъ этого огорченія? Только скорбь и уныніе. Какъ-же мнѣ не роптать? Тутъ невозможно терпѣніе. Молитва и вѣра моя были напрасны. Мнѣ не лучше, чѣмъ тѣмъ, которые никогда неуповали на Бога; многіе безбожные люди, несравненно счастливѣе меня“. Но Духъ Христа побуждаетъ Его послѣдователей говорить иначе: „мы приняли благое отъ руки Божіей; какъ-же не примемъ злое?“ Да и самое

зло становится благомъ, когда Онъ посылаетъ его. Развѣ я не увѣренъ, что во благости Своей, посылаетъ Онъ испытаніе? Чтобы оторвать меня отъ міра, приблизить къ Себѣ, научить меня терпѣнію, укрѣпить мою вѣру и дать мнѣ возможность проявить духъ покорности. Всѣ слуги Его переносили скорби, и со мной не происходитъ ничего страннаго. Мнѣ можетъ казаться, что испытаніе мое слишкомъ тяжело, и что всякое другое было бы легче, но развѣ Богъ не лучше знаетъ? Мое испытаніе, его сила и продолжительность назначены Тѣмъ, Кто не ошибается и полонъ благости. Не долженъ-ли я покориться волѣ Его и любить ее, помня, что я неразумное дитя, нуждающееся въ Его руководствѣ, готовящемъ меня для неба; помня, что какъ отецъ милуетъ сыновъ, такъ Господь милуетъ боящихся Его. Какъ поступалъ Іисусъ Христосъ? Хотя Онъ не нуждался въ очищающемъ дѣйствіи испытаній, вся жизнь Его была постоянною цѣпью скорбей. Онъ пришелъ, чтобы исполнить волю Отца и, не смотря на чрезмѣрныя страданія, Онъ говорилъ: „неужели мнѣ не пить чашу, которую далъ Мнѣ Отецъ?“ И когда скорбь Его, въ Геѳсиманскомъ саду, была такъ велика, что капли крови падали съ чела Его и что Онъ молился: „да минуетъ меня чаша сія“, Онъ, въ тоже время, прибавлялъ: „впрочемъ не моя воля, но Твоя да будетъ“.

Послѣдуемъ-же за Іисусомъ! мы не можемъ не чувствовать нашихъ испытаній. Это естественно и позволено. Христосъ чувствовалъ, скорбѣлъ и молился о помощи. Но будемъ всегда предпочитать волю Божію своей, и скорбь нашу будемъ изливать предъ Нимъ. „Не моя воля, но Твоя да будетъ“. И если чаша, которую намъ приходиться пить, очень горька, вспомнимъ, что она негорче чаши Того, за Кѣмъ мы слѣдуемъ. Эта мысль усладитъ и нашу. И, такъ какъ безконечная любовь и мудрость опредѣляетъ всѣ наши заботы и скорби, скажемъ, съ Іисусомъ: „неужели мнѣ не пить чаши, которую далъ мнѣ Отецъ?“ Мѳ. 26. 36—46. Іоан. 14. 15. 16. Евр. 2. 10—18. 12. 1—12.

Слѣдуй за Господомъ Іисусомъ, въ духѣ непрестанной молитвы.

Про Эноха сказано въ Священномъ Писаніи, что онъ „ходилъ предъ Богомъ“. Слово это, еще въ полнѣйшемъ смыслѣ, относится къ Іисусу Христу. Хотя Онъ могъ сказать: „Я и Отецъ—одно“,—Онъ, въ тоже время, былъ истинный человѣкъ, и человѣческій духъ Его непрестанно, молитвою, сообщался съ Духомъ Божіимъ. Онъ не только былъ въ постоянномъ молитвенномъ настроеніи, но посвящалъ для молитвы особое время и проводилъ цѣлыя ночи, въ молитвѣ. Онъ наставлялъ учениковъ Своихъ „всегда молиться и не унывать“, ободрялъ ихъ обѣтованіемъ „просите и дано будетъ вамъ“ и внушалъ имъ учить людей непрестанно молиться.

Молитва есть необходимое условіе благочестія. Сами собой, мы ничего не можемъ сдѣлать; ни одного пятна очистить, ни противустоять искушенію иначе, какъ милостію и благодатію, приходящею отъ Бога, въ отвѣтъ на нашу молитву. Пламень любви Божественной погасаетъ, если не поддерживается молитвою. Какъ вѣтвь, мы увядаемъ, если не пребываемъ, молитвою, на живой лозѣ,—Христѣ. Будемъ же, во всякое время, питать въ себѣ молитвенное пастроеніе, остерегаясь всего, что можетъ его нарушить. Во всемъ, что съ нами случается, въ страданіи и радости, будемъ взирать къ Богу. Всё, что насъ занимаетъ, можетъ быть предметомъ молитвы. „Не заботьтесь ни о чемъ, но, всегда, въ молитвѣ и прошеніи, съ благодареніемъ, открывайте свои желанія предъ Богомъ“. Сердце можетъ молиться и тогда, когда уста безмолвствуютъ. Посреди шума людскаго, могутъ восходить къ сердцу и слуху Отца Небеснаго воздыханія неизрѣченныя. Но мы должны имѣть также особенныя времена молитвы. Общественная молитва составляетъ нашу необходимую обязанность и радостное преимущество. Но, такъ какъ мы всегда въ опасности удовлетвориться наружнымъ проявленіемъ молитвы, то будемъ особенно внимательны къ тому, чтобы сердца наши возносились, съ каждымъ прошеніемъ. Уединенная молитва, также, необходима; а ею, еще чаще, пренебрегаютъ. Іисусъ Христосъ сказалъ: „ты же, когда молишься, войди въ комнату свою и, затворивъ дверь свою, помолись Отцу Твоему, Который втайнѣ“. Каждый христіанинъ долженъ считать обязанностію и радостію своею быть ежедневно наединѣ съ Богомъ. Все, что этому препятствуетъ, должно быть отстранено. Каковы бы ни были наши обязанности и какъ бы ни мало было у насъ времени, ни одинъ день не долженъ проходить безъ молитвы. Для этого, мы всегда должны найти время, отнявъ его, если нужно, у работы, у веселья, у сна. Но будемъ молиться, не спѣша, и не для того только, чтобы успокоить совѣсть и удовлетворить себя мыслію, что необходимый долгъ исполненъ; но, какъ дѣти, будемъ открывать сердца наши любящему Отцу, и просить у Него силы, чтобы переносить испытанія, исполнять обязанности и, съ благодарностію, принимать благословенія каждаго дня. Не безопасно для насъ пренебрегать молитвою, и подвергать себя опасности, какъ обезоруженный человѣкъ, идущій на встрѣчу вооруженному врагу. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать за Христомъ, мы удаляемся отъ Него, всякій разъ, что проводимъ день безъ сердечной молитвы. Тѣ, которые уклонились отъ вѣры, начали съ того, что перестали молиться. Господи! научи меня молиться—молиться съ вѣрою—молиться искренно—молиться, неунывая,—молиться непрестанно,—ходить предъ Богомъ,—и такимъ образомъ, слѣдовать за Тобою! Мѳ. 6. 5—13. 14. 23, 26—41. Лук. 18. 1—14. Рим. 12. 12, Еф. 6. 18. Филип. 4. 6.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

«Сельская школа»

„ВСТАНЬ СПЯЩІЙ, И ВОСКРЕСНИ ИЗЪ МЕРТВЫХЪ, И ОСВѢТИТЪ ТЕБЯ ХРИСТОСЪ“.

Ефес. 5, 14.

Несчастіе есть громогласный проповѣдникъ Провидѣнія и вѣчности. Горе имѣющему слабый слухъ; оглушенный громозвучностію голоса, онъ не разслушаетъ вѣсти великой!

(Жуковскій т. 6-й).

Условія подписки: **„Русскій Рабочій“** выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (Сергіевская ул. № 20) и въ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна годовой подписки безъ доставки 60 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ...... 75 к.
Съ пересылкою иногороднымъ........ 1 р.

Подписавшіеся на 50 и болѣе экземпляровъ за пересылку не платятъ.

Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Мая 1880 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

№ 4. 1880 г. **РУССКІЙ РАБОЧІЙ.** Годъ 6-й.

Свѣтъ въ избѣ.

На дворѣ стоялъ трескучій морозъ. Мужички возвращались изъ лѣсу, гдѣ рубили дрова. Прозябшіе, заиндивѣвшіе, они шли ходко, съ топорами за поясомъ, похлопывая рукавицами. Уже стемнѣло; издали мелькали въ окнахъ заманчивые огоньки, возбуждая въ утомленныхъ путникахъ желаніе отдыха и тепла.

— „Эхъ, сказалъ Иванъ, какъ холодно; а мнѣ и домой не охота идти; жена заругаетъ, что полушубокъ вонъ разорвалъ, щи холодныя подастъ. Зайду лучше въ питейную, тамъ обогрѣюсь, да выпью стаканчикъ. Пойдемъ-ка Петръ, что-ли“?

— „Нѣтъ братъ, отвѣчалъ Петръ, качая головой и улыбаясь, пустое это дѣло. Въ моей избѣ, вишь какъ свѣтло, потому что меня тамъ свѣтики ждутъ и щи горячія, знаю, что на столъ поставятъ“.

— „Какіе тамъ у тебя свѣтики? Хозяйки нѣтъ, ни убрать, ни прибрать, некому; поди-ка и корову какъ слѣдуетъ не подоятъ; однѣ дѣвки; у нихъ, знай, вѣтеръ въ головѣ да наряды“.

— „Нѣтъ братъ, не того поля ягоды; моя хозяйка, умирая, оставила мнѣ свѣтъ въ дому, сказалъ Петръ. Хочешь, такъ посмотри самъ; грязи, безпорядка, скуки нѣтъ у насъ. И на душѣ и въ избѣ свѣтло“.

Въ это время они подошли къ избѣ Петра и остановились у окна, прильнувъ къ нему лицами.

Въ избѣ, дѣйствительно, было свѣтло. Въ печи былъ еще огонь и на столѣ горѣла жестяная лампочка. Все было прибрано: платье висѣло на стѣнѣ; посуда вымытая стояла на полкѣ; столъ былъ накрытъ въ углу и на немъ лежалъ хлѣбъ, прикрытый чистымъ полотенцемъ. Посреди избы на красивомъ рѣзномъ стулѣ, мастерства Петра, сидѣла дѣвушка, гладко причесанная и опрятно одѣтая; пальцы ея бойко вертѣли веретено; быстро накручивалась ровная, тонкая нитка. Подлѣ дѣвушки сидѣла на низенькой скамеечкѣ малютка лѣтъ шести. Иванъ залюбовался ребенкомъ и со вздохомъ вспомнилъ своихъ собственныхъ дѣтей, грязныхъ, оборванныхъ, вѣчно ревущихъ и битыхъ. Дѣвочка сидѣла такъ чинно. Рубашечка на ней была бѣленькая, сарафанчикъ и передничекъ—чистые, волоса—гладко причесаны, лицо—вымытое, на ногахъ—теплые чулки и старые, но заплатанные, башмаки. Она что-то шила очень внимательно, надувъ губки отъ старанія.

— „Ну, еще разъ повтори за мной, Наташа: Господь, пастырь мой, я ни въ чемъ не буду нуждаться“, заговорила ласково старшая сестра.

Наташа повторила, потомъ спросила: „а пастырь что значитъ“?

— „Пастырь—значитъ пастухъ, Наташа. Ты знаешь, какъ пастухъ слѣдитъ за овцами, бережетъ ихъ, защищаетъ отъ хищнаго звѣря, смотритъ, чтобы ни одна не пропала“.

— „Такъ Господь и меня бережетъ“?

— „Да, Наташа, Господь конечно и твой пастырь; онъ тебя любитъ и бережетъ. Господь Іисусъ, когда былъ на землѣ, сказалъ: „пустите дѣтей и не препятствуйте имъ приходить ко Мнѣ“.

— „Какъ я рада“! сказала малютка, „я буду Его послушной овечкой. А батюшку, въ лѣсу, Онъ тоже пасетъ и бережетъ, чтобы волки его не тронули и морозъ не зазнобилъ“?..

— „Да, Наташа; только намъ не надо забывать молиться за батюшку: онъ вѣдь для насъ трудится и деньги по напрасну не тратитъ на водку да на гуляніе. Помолимся-ка теперь; что то долго его нѣтъ“!

Дѣвушки стали на колѣни; а мужики, у окна, все смотрѣли. У Ивана тихо катилась слеза по побѣлѣвшей бородѣ; а Петръ, съ радостной улыбкой, любовался своими дѣтьми. Ему казалось, что изба его—кусочекъ рая на землѣ.

— „Видишь, братъ“, сказалъ онъ, тихонько отходя отъ окна; „я тебѣ говорилъ, что у меня свѣтло въ избѣ“.

— „Да“, отвѣчалъ Иванъ, „тутъ и въ кабакъ не захочешь“.

— „Зайди, сосѣдъ; поужинай съ нами: щи горячія,—стоятъ водки“.

Иванъ вошелъ въ мирную избушку, вслѣдъ за Петромъ, который уже держалъ на рукахъ свою маленькую Наташу. Помолились, сѣли ужинать; свѣтло было въ сердцѣ отца и въ сердцахъ дѣтей; и этотъ свѣтъ отражался и въ душѣ Ивана.

— „Отчего это у васъ такъ хорошо и радостно“? спросилъ онъ.

— „Съ Господомъ живемъ“, отвѣчала тихо Маша; „а съ Нимъ всегда свѣтло и радостно“.

Иванъ, въ тотъ вечеръ, въ кабакъ не пошелъ, а вернулся домой тихій и ласковый и сказалъ женѣ: „хорошо, кабы и у насъ былъ свѣтъ въ избѣ“!

Свѣтъ въ избѣ.

Бѣсноватые.

(Окончаніе.)

Но довольно останавливаться на общихъ разсужденіяхъ. Пора возвратиться къ нашему тексту и научиться разли-

чать то особенное вліяніе злыхъ духовъ, которое здѣсь изображено, а также состояніе тѣхъ несчастныхъ, которыхъ Новый Завѣтъ называетъ обыкновенно „бѣсноватыми", или „одержимыми бѣсомъ". Тѣ, которые находятся только подъ вліяніемъ демона, еще не называются бѣсноватыми. Этимъ именемъ не называютъ, напримѣръ, лжепророковъ, антихристовъ, самыхъ страшныхъ орудій сатаны и какъ-бы представителей зла въ этомъ мірѣ. Состояніе бѣсноватаго болѣзненное, гдѣ нравственное и физическое вліяніе демоновъ соединены страннымъ и труднымъ для распознанія образомъ. Если разсматривать признаки этого состоянія, въ исторіи Новаго Завѣта, вотъ понятіе, которое мы себѣ составимъ о бѣсноватомъ. Это былъ виновный и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастный человѣкъ, которымъ овладѣли одинъ, или множество бѣсовъ, конечно при помощи нѣкоторыхъ грѣховъ, коимъ предалась ихъ жертва, и особенно при помощи грѣховъ плоти [1]). Подобное обладаніе дьяволомъ, или то болѣзненное состояніе, которое оно производитъ, конечно сильно потрясало нервную систему; но за то и развивало иногда необыкновенную мускульную силу. Примѣръ тому мы видимъ и въ бѣсноватомъ нашего текста, какъ его изображаетъ св. Маркъ. Я говорю о бѣсноватомъ, потому что св. Маркъ называетъ только одного, вѣроятно потому, что только одинъ изъ двухъ вступилъ въ разговоръ и, такимъ образомъ, обращалъ на себя больше вниманія. Присутствіе демона, дѣйствуя одновременно и на разумъ больнаго, озаряло иногда его живымъ, но не спасительнымъ свѣтомъ. Мы нерѣдко встрѣчаемъ въ Евангеліи бѣсноватыхъ, или демоновъ въ нихъ вселившихся, кои признаютъ Христа Сыномъ Божіимъ и оказываютъ Ему послушаніе; но эта вѣра не спасаетъ, это — вѣра демоновъ, которые „вѣруютъ и трепещутъ". Этимъ объясняется, почему Христосъ, желающій, чтобы его исповѣдывали любовію, а не страхомъ, и ученіе Котораго скорѣе унижается, нежели подтверждается такими недостойными служителями, заграждаетъ уста бѣсноватымъ, которые называютъ Его Сыномъ Божіимъ, и почему св. Павелъ съ негодованіемъ выслушиваетъ въ Филиппахъ, и наконецъ приводитъ въ молчаніе, несчастную служанку, которая, духомъ прорицательства, преклоняется передъ его божественнымъ посланіемъ. Бѣсноватый не есть непремѣнно существо, окончательно развращенное: иной, въ которомъ не находятъ ни одного изъ страшныхъ признаковъ, отличающихъ бѣсноватаго, можетъ быть гораздо развратнѣе, болѣе причастенъ грѣху и порабощенъ соблазнителю. Бѣсноватый стонетъ, изнемогаетъ въ своемъ положеніи, и, какъ будто, обвиняетъ себя; и, когда онъ не можетъ выместить на другихъ ярость, которая его снѣдаетъ, онъ вымещаетъ ее на самомъ себѣ и жалостно тиранитъ и изъязвляетъ себя [2]). Вотъ почему онъ желаетъ исцѣленія, и, съ лучемъ вѣры, ищетъ Іисуса Христа, чтобы быть избавленнымъ. Но тутъ-же проявляется въ немъ жестокое противорѣчіе, изъ котораго ясно видно пребываніе чужеземнаго и враждебнаго жильца въ несчастномъ. Бѣсноватый приходитъ къ Іисусу, чтобы исцѣлиться; но демонъ, который имъ овладѣлъ, не хочетъ выпустить свою добычу. Тогда, демонъ-ли говоритъ устами своей жертвы, или больной теряетъ нѣкоторымъ образомъ сознаніе своего личнаго существованія и сливается съ нечистымъ духомъ, бѣсноватый выражаетъ мысли демона. Такимъ образомъ мы видимъ того-же самаго человѣка, въ одно и тоже время, подъ вліяніемъ двухъ противуположныхъ силъ: онъ ищетъ Іисуса и отвергаетъ Его; умоляетъ о состраданіи крикомъ и жестами, и въ тоже время восклицаетъ: „что Тебѣ до насъ? Пришелъ Ты сюда преждевременно мучить насъ". Эти размышленія объясняютъ, нѣкоторымъ образомъ, то невѣроятное смѣшеніе свѣта и мрака, мудрости и безумства, вѣры и нечестія, довѣрія и ужаса, замѣтное у бѣсноватыхъ, которое было-бы непонятно, если не допустить въ такомъ человѣкѣ дѣйствіе двухъ противоположныхъ началъ.

Вотъ уже великая тайна; но надо сознаться, повѣствованіе нашего текста заключаетъ въ себѣ, кромѣ трудностей, свойственныхъ всѣмъ разсказамъ такого рода, совершенно особенныя затрудненія. Бѣсы просятъ позволенія войти въ стадо свиней; Іисусъ разрѣшаетъ имъ; эти животныя бросаются въ море; вотъ вещи, способныя удивить и поставить насъ въ недоумѣніе! Стоитъ попробовать, хоть нѣсколько, объяснить себѣ эти явленія. Если бѣсы пожелали войти въ стадо свиное, то цѣлью ихъ было, надо полагать, зная ихъ коварство, не столько повредить этимъ безсмысленнымъ животнымъ, какъ внушить Гергесинцамъ предубѣжденіе противъ Іисуса Христа, и тѣмъ помѣшать проповѣди Евангелія въ этой странѣ; и послѣдствія показываютъ, что имъ это удалось, по крайней мѣрѣ на время. Если Іисусъ Христосъ разрѣшилъ имъ то, о чемъ они просили, это было или для того, чтобы ихъ при всѣхъ унизить столь постыдною милостью, или чтобы испытать расположеніе умовъ этого народа, или-же для того, чтобы наказать владѣтелей стада, которые вѣроятно дѣлали изъ него употребленіе, противное закону Моисееву, или чтобы предохранить больнаго, противъ котораго бѣшенство адскихъ духовъ непремѣнно бы удвоилось, если-бы не нашло себѣ исхода [1]). Однако, мы сознаемъ, что, несмотря на всѣ эти объясненія, остаются еще темныя мѣста; но они, какъ и вообще темныя мѣста Библіи, своимъ образомъ поучаютъ насъ, и могутъ принести намъ больше пользы, чѣмъ тотъ свѣтъ, на недостатокъ котораго мы жалуемся.

Даже показывать намъ наше невѣдѣніе, — не значитъ-ли поучать насъ? Изъ этого разсказа мы ясно видимъ, что есть много непонятныхъ для насъ вещей въ мірѣ духовъ. Все это должно убѣдить насъ не отвергать слишкомъ легко, въ силу одного лишь невѣрія, твердо установленныхъ откровеніемъ истинъ, касательно невидимаго міра, и не принимать легкомысленно, изъ одного любопытства, на счетъ этого предмета, теорій безъ основанія и ученій безъ опоры. Довѣримся тому, гдѣ ясно видна рука Божія; остережемся отъ нѣкоторыхъ вещей, которыя дѣйствительно сверхъестественны, или кажутся такими, если въ нихъ скрыта рука Божія? Будемъ бояться, чтобы другая рука не имѣла въ нихъ участія, хоть она и прячется. Тѣ, которые не научились сознавать своего невѣдѣнія, поступаютъ обратно: они недовѣряютъ откровеніямъ Библіи, и съ вѣрою предаются открытіямъ темныхъ наукъ. Притомъ, чѣмъ страннѣе нашъ разсказъ, тѣмъ онъ достовѣрнѣе открываетъ намъ дѣйствительность существованія и вліянія злыхъ духовъ. Но замѣтьте, тутъ вліяніе злыхъ духовъ ужъ болѣе не на людей дѣйствуетъ, но вся ярость ихъ вымѣщается на животныхъ. У него есть недостойныя орудія. Всѣ средства для него хороши. Нѣтъ ничего, ни самаго возвышеннаго, ни самаго низкаго, чтобы не могло сдѣлаться, въ его нечистыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ искусныхъ рукахъ, орудіемъ соблазна. То онъ преображается въ ангела свѣта, то вселяется въ нечистыхъ свиней. Чтобы напасть на насъ, онъ можетъ выйти изъ ада, изъ земли и можетъ придти какъ бы съ неба [1]). Будемъ ожидать его отовсюду и будемъ бодрствовать. Наконецъ, какой грустный и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительный урокъ въ униженіи этихъ падшихъ ангеловъ! Домогаться, съ такимъ настояніемъ, милости, войти въ самыхъ нечистыхъ изъ животныхъ! и кто-же? эти благородныя творенія, которыя, „сохраня свое достоинство", могли бы служить Богу Неба, участвовать въ радостяхъ Неба и называться не Сатаною и Веельзевуломъ, но Михаиломъ, или Гавріиломъ! И такъ, чѣмъ мы выше поставлены, тѣмъ паденіе наше глубже. Даже мы сами, если предаемся грѣху и, вмѣсто того, чтобы употребить въ пользу, злоупотребляемъ тѣми способностями, которыя возвышаютъ насъ надъ животными, то мы падемъ ниже животнаго, и на столько, на сколько мы были превосходнѣе его. По этому, признаемъ: если во всѣхъ Евангельскихъ повѣствованіяхъ нѣтъ случая исцѣленія бѣсноватыхъ болѣе таинственнаго, чѣмъ настоящій, то нѣтъ болѣе и назидательнаго; нѣтъ ему подобнаго, чтобы напомнить намъ ограниченность знанія нашего, чтобы убѣдить насъ въ существованіи и вліяніи демоновъ, предостеречь отъ ихъ хитрости, возбудить отвращеніе къ ихъ униженію и чтобы внушить намъ святую и благородную рѣшимость бороться съ сатаною и его царствомъ, по примѣру, данному намъ Іисусомъ Христомъ, въ этомъ чтеніи.

Ибо, да будетъ это намъ твердо извѣстно, вліяніе злыхъ духовъ присуще всѣмъ временамъ. Конечно, оно, нѣкоторымъ образомъ, какъ бы удвоило силы и явилось въ особенныхъ чертахъ, въ тѣ славные дни, когда Іисусъ пришелъ основать на землѣ царство небесное; время страшной и рѣшительной борьбы между добромъ и зломъ, когда всѣ противуположности высказались ярче, когда могущество неба, великолѣпнѣе выраженное, возбудило болѣе дѣятельное развитіе силъ ада, и когда вещи міра невидимаго, на минуту, явлены и показаны воплощенными. Нѣтъ также сомнѣнія, что обладаніе вмѣстѣ физическое и нравственное, отличавшее бѣсноватыхъ, въ наши дни не встрѣчается.. и однако, почему мы знаемъ? Намъ, быть можетъ, не слѣдуетъ ничего утвердительно высказывать объ этомъ. Весьма ученые и благочестивые медики полагали, что случаи, подобные описаннымъ въ Евангеліи, замѣчаемы были и въ новѣйшія времена; и если бы Апостолъ возвратился на землю и посѣтилъ домъ умалишенныхъ, неизвѣстно еще, какое названіе далъ бы онъ нѣкоторымъ болѣзнямъ. Но, какъ бы то ни было, вѣрно только одно, что нравственное вліяніе сатаны никогда не ослабѣвало, и что вездѣ, гдѣ только возможно сдѣлать какое-либо добро, онъ непремѣнно тутъ, чтобы помѣшать. Онъ замыкаетъ сердца, сѣетъ предубѣжденія, воздвигаетъ препятствія; отвращаетъ, ослабляетъ бодрость служителей Божіихъ; словомъ, всѣми мѣрами препятствуетъ дѣлу Іисуса Христа. Научимся-же, какъ бороться противъ него. Научимся этому у Самаго Іисуса Христа. Здѣсь мы только обозначимъ, укажемъ главныя мысли; подробности-же и развитіе ихъ предоставляемъ вашимъ собственнымъ размышленіямъ.

Побѣдить сатану и его царство, вотъ вся цѣль посланія Іисуса Христа. Именно этою побѣдою служеніе грядущаго Мессіи опредѣлено въ первомъ изъ пророчествъ: „сѣмя жены сотретъ главу змѣя [1])"; и этою-же побѣдою служеніе Сына Божія вкратцѣ представлено однимъ изъ послѣднихъ апостоловъ: „Сынъ Божій явился, чтобы разрушить дѣла діавола [2])". Іисусъ явился на землю, чтобы возстановить царство небесное, низвергнувъ царство сатаны, сдѣлавшагося, съ паденіемъ Адама, „княземъ міра сего". Іисусъ побѣдилъ сатану въ пустынѣ; побѣдилъ его чудесными исцѣленіями; побѣдилъ его на крестѣ; побѣдилъ его, воскрешая мертвыхъ; побѣдилъ его, вознесшись на небо; Онъ побѣдилъ его изліяніемъ „Духа обѣтованія" на апостоловъ и на церковь. Братія мои, дѣло Іисуса Христа и наше дѣло. Воины Іисуса Христа! если мы вступили подъ Его знамена, это для того, чтобы укротить власть тьмы. Каждый изъ насъ долженъ способствовать торжеству, обѣщанному церкви Божіей, и доля каждаго, въ этомъ дѣлѣ, будетъ на столько велика, на сколько велика его вѣра. Своими силами мы не можемъ ничего тутъ сдѣлать, потому что сатана сильнѣе насъ всѣхъ; но Христосъ сильнѣе его и со Христомъ мы все можемъ. „Облечемся во всеоружіе Божіе [3])" и будемъ мужественно стоять за народъ Божій и за градъ Бога нашего.

Духъ, который мы должны приложить въ этой славной борьбѣ, Іисусъ показываетъ намъ примѣромъ, въ разсказѣ на-

---

[1]) Что въ человѣкѣ можетъ быть и болѣе одного бѣса, доказательствомъ служитъ нашъ текстъ и Марія Магдалина, «изъ коей Господь изгналъ семь бѣсовъ». (Марк. XVI, 9).

[2]) Марка V, 5.

[1]) Марк. IX, 26.

[1]) Ефес. VI, 12, «противъ духовъ злобы поднебесныхъ».

[1]) Быт. III, 15. [2]) І Іоан. III, 8. [3]) Ефес. VI, 11.

шего текста. Это духъ силы и духъ мудрости.

„Выйди, духъ нечистый, изъ этого человѣка"; и въ другомъ мѣстѣ: „замолчи, и выйди изъ него [1])" и еще: „выйди изъ этого отрока и впредь не входи въ него [2])", такъ говоритъ Господь нечистому духу съ властію, рѣшительно. Научимся же и мы говорить ему также и не бояться его. Не потому, чтобы онъ не былъ страшенъ; но потому, что Іисусъ побѣдилъ его для насъ. Съ этимъ „львомъ, рыкающимъ вокругъ насъ", случилось тоже, что и со львами Даніила; львы ужасны, но Богъ закрылъ имъ уста и Даніилъ спокоенъ. Будьте спокойны, въ мірѣ; потому что „Богъ мира сокрушитъ сатану подъ ногами вашими вскорѣ [3])." „Противустойте дьяволу твердою вѣрою [4])". Да, говоритъ Св. Іаковъ „противустаньте ему и убѣжитъ отъ васъ [5])". Кажется, Св. апостолъ желалъ сравнить сатану съ этими лютыми, но трусливыми животными, которыя преслѣдуютъ тѣхъ, которые отъ нихъ бѣгаютъ и убѣгаютъ отъ тѣхъ, которые ихъ преслѣдуютъ.

Но, разсмотрите осторожность, мудрость Іисуса Христа не только въ отношеніи больнаго, одержимаго бѣсами, но также въ отношеніи жителей этой страны, которыхъ они искушали, даже во время столь чудеснаго исцѣленія. Несчастные Гергесинцы! Они просятъ Іисуса удалиться. Они его просятъ, но не отвергаютъ; они бы этого не осмѣлились сдѣлать, потому что видѣли Его божественное могущество. Они его просятъ, но о чемъ? остаться посреди ихъ? исцѣлить ихъ, спасти, какъ бѣсноватаго? нѣтъ, но просятъ удалиться. Они имѣютъ вѣру, но она подобна вѣрѣ демоновъ, которые ихъ соблазнили. У нихъ есть религія, но это религія страха; и дѣйствія религіи страха, не походя на дѣйствія истинной религіи, которая есть религія любви, болѣе подобны плодамъ невѣрія и нечестія. Что же дѣлаетъ тогда Іисусъ? Онъ внемлетъ ихъ просьбамъ и удаляется. Какое снисхожденіе! какая мудрость! Онъ не желаетъ прямаго столкновенія съ ихъ противудѣйствіемъ; это могло бы раздражить ихъ. Минута неблагопріятна. Онъ удаляется. Однако же, Онъ не оставляетъ ихъ безъ проповѣдника. Проповѣдникъ ихъ, это тотъ самый бѣсноватый, которому Онъ возвратилъ разумъ и здоровье. Онъ хочетъ слѣдовать за Іисусомъ; но Іисусъ противится и говоритъ ему: „иди домой къ своимъ, и разскажи имъ, что сотворилъ съ тобою Господь и какъ помиловалъ тебя" [6]). И какъ знать, что, послѣ этого скромнаго вѣстника спасенія, уготовившаго путь Господень, не явится снова Іисусъ и не найдетъ сердца уже болѣе расположенными принять Его? О, возлюбленные братья, научимся отъ Него различать минуты и ожидать времени Божьяго; Богъ, по прекрасному слову одного Отца церкви „долготерпѣливъ, потому что вѣченъ".

Но, въ заключеніе, замѣтьте: прежде нежели Іисусъ побѣдилъ нечистыхъ духовъ въ равнинѣ Генисаретской, Онъ восторжествовалъ надъ ихъ княземъ въ пустынѣ. Сатана является теперь, какъ уже заранѣе обезсиленный врагъ, который узнаетъ въ голосѣ Іисуса голосъ побѣдителя. И такъ, если мы сильно желаемъ побѣдить сатану въ мірѣ, мы должны побѣдить его сначала втайнѣ. Побѣдили-ли вы его? „Перешли-ли вы изъ подъ власти сатаны къ Богу, и изъ тьмы къ свѣту?" Вотъ вопросъ, который я оставляю, въ заключеніе, въ сердцѣ каждаго изъ васъ. Вы знаете средство: это — Слово Божіе. Это единственное оружіе, которымъ пользовался Іисусъ въ пустынѣ, и оружіе, которое намъ также доступно, какъ Ему. Іисусъ не желалъ другихъ средствъ, чтобы мы знали, что все то, что Онъ дѣлалъ, и мы дѣлать можемъ. Сдѣлайте-же такъ: „возьмите въ руки мечъ духовный, который есть Слово Божіе" [1]), и будьте безъ страха; потому что, впродолженіи шестидесяти столѣтій, сатана насъ искушаетъ, и, во все это время, онъ одному не учился: устоять противъ Слова Божія.

[1]) Лук. IV, 35. [2]) Марк. IX, 25. [3]) Рим. XVI, 20. [4]) I Петр. V, 9. [5]) Іак. IV, 7. [6]) Марк. V, 19.

[1]) Ефес. VI, 17.

Свѣтъ истины.

Знаемъ, что все содѣйствуетъ ко благу.
Римл. 8. 28.

„Ненавистный призракъ"! вскрикнулъ всадникъ въ ту минуту, какъ онъ, вмѣстѣ со своею лошадью, сталъ погружаться въ топкое болото. „Вотъ какая ужасная смерть по милости твоего обманчиваго свѣта"!

— „Все та же старая пѣсня"! пробормоталъ въ отвѣтъ блуждающій огонекъ. „Вѣчно сваливать на другого вину, которую самъ на себя накликалъ. Могъ ли я сдѣлать больше того, что я для тебя сдѣлалъ, несчастный! Во всю длинную ночь я бѣгалъ по краю этого болота, чтобы предостерѣчь тебя и другихъ отъ бѣды. Если, несмотря на это, ты упрямо лѣзъ все впередъ и впередъ, то, кромѣ тебя, тутъ никто не виноватъ".

— „Ты правъ, я *точно* несчастный", отвѣчалъ путникъ. „Я принялъ твой свѣтъ за гостепріимный огонь, обманувшись, такимъ образомъ, на свою погибель".

— „Но не по *моей винѣ*", — возразилъ, съ безпокойствомъ, блуждающій огонекъ; „я исполняю свою обязанность добросовѣстно и неутомимо. Свѣтъ мой всегда служитъ дружескимъ предостереженіемъ для человѣка разумнаго и вводитъ въ заблужденіе только упрямца или невѣжду".

„Упрямца! невѣжду"! закричалъ путникъ. „Видно, что ты не знаешь съ кѣмъ говоришь! Знаешь ли ты, что я высшій сановникъ въ государствѣ, пользуюсь довѣріемъ моего государя и общимъ уваженіемъ, и руковожу всѣми дѣлами? Бѣдное мое отечество! кто замѣнитъ меня, кто будетъ руководить твоею судьбою, когда меня не станетъ"?

— „Хорошъ руководитель, который не умѣетъ найти самому себѣ дорогу! Можетъ быть тебѣ и знакомы несовершенные законы человѣческихъ обществъ, но ты невѣжда въ вѣчныхъ законахъ природы и истины. Кому же ты можешь быть такъ необходимъ, самолюбивый человѣкъ? — Огонь, который долженъ былъ предостеречь тебя отъ бѣды, ты принялъ за звѣзду, ведущую къ счастію! Жаль твоей страны, если она не можетъ найти себѣ лучшаго руководителя"!

Путникъ умолкъ, а блуждающій огонекъ снова вернулся на край гибельнаго болота и, мелькая тамъ и сямъ, оплакивалъ свою горькую участь: всегда стараться дѣлать добро — и, между тѣмъ, такъ часто терпѣть нападки и напраслину. „Однако", сказалъ онъ, посылая свои лучи въ темную ночь, „я не буду унывать; можетъ быть мнѣ еще удастся *кого-нибудь* спасти. Но въ какомъ однако же невѣжественномъ мірѣ я живу"!

. . . .

„Жестокое чудовище"! вскрикнула, съ отчаяніемъ, красивая, молодая дѣвушка, утопая въ болотѣ и тщетно стараясь найти мѣсто, на которомъ она могла бы удержаться. „Ты погубило меня"!

— „Такъ, такъ. Я уже не разъ говорилъ: всегда кто нибудь другой виноватъ, когда хорошенькія дурочки, какъ ты, обманываются. Ты зовешь меня чудовищемъ; а зачѣмъ ты пошла за чудовищемъ въ болото"? возразилъ, сердито, блуждающій огонекъ.

„Я думала, что это мой женихъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу. Я приняла твой обманчивый свѣтъ за его фонарь. Теперь я узнала тебя, злой духъ! Неужели я должна умереть такой молодой; оторваться отъ любви и счастья? Да, прыгай, прыгай себѣ, въ твоемъ злорадствѣ"!

— „Не смотря на все твое безуміе, я вовсе не радуюсь твоей погибели", отвѣтилъ блуждающій огонекъ. „Законъ моей природы — предупреждать и спасать тѣхъ, которые желаютъ быть предупреждены и спасены. Точно также, полагаю, суждено мнѣ вѣчно горевать, когда невѣжество и безпечность не хотятъ знать, подобно тебѣ, этотъ законъ и, такимъ образомъ, обращаютъ добро себѣ во зло. По мѣрѣ того, какъ ты приближалась къ болоту, я свѣтилъ все ярче и ярче, стараясь этимъ предупредить тебя объ опасности, но, на твою погибель, ты упрямо шла все за мною. Какая недобрая мать тебя воспитала и не научила отличать свѣтъ постоянный, ведущій къ счастью, отъ блеска мерцающаго, предвѣщающаго погибель"!

„Моя бѣдная мать! за что ты ее обвиняешь"? возразила, со слезами, дѣвушка. „Можешь ли ты понять, живя постоянно въ болотѣ, сколько она для меня, единственной дочери своей, сдѣлала? Обладая всѣми талантами, которые такъ цѣнятся общимъ, гдѣ я вращаюсь, я могу изъ каждаго своего слова и улыбки сдѣлать законъ"!

— „Именно такъ! Полна талантами прихотливыми, не оставляющими послѣ себя никакого слѣда, и совершенно чужда красотѣ и назначенію стройной природы, тебя окружающей, стремящейся, отъ самаго начала, всегда къ одной и той же цѣли. Вотъ, ты могла бы избѣжать настоящей участи еслибы знала законъ моей природы"!

Молодая дѣвушка умолкла и, выбившись изъ силъ, перестала бороться. Блуждающій огонекъ снова вернулся на край болота, въ надеждѣ кого нибудь спасти еще. „Однако, въ какомъ безумномъ свѣтѣ я живу"! — подумалъ онъ.

. . . .

„Давно пора бы владѣльцу починить эту дорогу", — замѣтилъ своему сыну проѣзжій фермеръ, возвращавшійся медленно домой, въ старой, расшатавшейся повозкѣ, которая подталкивала такъ, что мальчикъ съ трудомъ сидѣлъ въ ней, прижавшись къ углу. Трудно было сказать, что было виною этихъ неумѣренныхъ толчковъ: дорога ли, въ самомъ дѣлѣ очень избитая, старая ли, на каждомъ шагу спотыкавшаяся, лошадь, или не совсѣмъ трезвый возница, который неясно отличалъ одну возжу отъ другой и поминутно дергалъ ими не совсѣмъ кстати. Но, во всѣхъ этихъ невзгодахъ, сердце фермера утѣшалось возможностью свалить всю вину на владѣльца за дурное состояніе его дороги. Вопросъ о виновности владѣльца нисколько, однако, не занималъ его маленькаго спутника, и когда, отъ одного сильнаго толчка, мальчикъ очутился на днѣ повозки, онъ съ трудомъ выкарабкался оттуда, ухватился за край телѣги и, озираясь кругомъ полусонными глазами, сказалъ:

„Вотъ она"!

— „Кто она"? спросилъ отецъ.

„Мать", отвѣтилъ мальчикъ.

— „Она зачѣмъ, хотѣлъ бы я знать"? возразилъ фермеръ. „Насъ и безъ нея довольно въ повозкѣ".

„Зачѣмъ ты ѣдешь отъ нея прочь"? воскликнулъ мальчикъ, почти со слезами. „У нея фонарь и она поможетъ намъ добраться домой. Дай мнѣ возжи, отецъ; ты ее не видишь".

Отецъ однако не отдалъ возжей, хотя и съ трудомъ правилъ лошадью. Наконецъ и онъ увидѣлъ огонекъ, который мальчикъ принималъ за фонарь въ рукахъ матери.

— „Ты не на *этого* ли плута хотѣлъ ѣхать"? спросилъ отецъ, указывая кнутомъ на огонекъ. „Счастье твое, молокососъ, что не ты правилъ лошадью, хотя ты и думаешь, я знаю, что можешь браться за всякое дѣло. Хорошо бы мы вернулись домой — оттуда, со дна этого болота, куда мы по твоей милости попали-бы; вѣдь это — блуждающій огонь, который всегда старается сманить людей въ западню. Я самъ чуть было не попался, когда еще ничего не понималъ; спасибо, старый сосѣдъ, который былъ уже въ его когтяхъ, выручилъ изъ бѣды. Скверная штука—этотъ огонь!"

Съ этими словами и при одномъ воспоминаніи о своемъ приключеніи въ болотѣ, фермеръ такъ шибко погналъ лошадь, что маленькій спутникъ его сталъ подпрыгивать въ повозкѣ какъ мячикъ, и они вернулись домой гораздо ранѣе обыкновеннаго.

„Ну, эти остались невредимы", замѣ-

тилъ блуждающій огонекъ въ слѣдъ удаляющейся повозкѣ, „и это уже не безделица, хотя ихъ и спасла тутъ одна грубая опытность. Въ своемъ невѣжествѣ, они ударили руку, протянутую для помощи. Попытаюсь еще: можетъ быть удастся снова кого нибудь спасти. Но въ какомъ грубомъ, неблагодарномъ мірѣ я живу“!

. . . .

„Ну, вотъ наконецъ и огонекъ“! закричалъ мальчикъ, ѣхавшій верхомъ на маленькой лошади, подлѣ своего отца. „Я такъ радъ! Это или домикъ какой нибудь, или человѣкъ съ фонаремъ, и намъ помогутъ выбраться на дорогу. Позволь мнѣ поѣхать туда“. И мальчикъ, ударивъ лошадь, повернулъ было въ ту сторону, но отецъ остановилъ его.

— „Прошу тебя, мой милый, ни шагу впередъ въ ту сторону“.

„Отчего“? возразилъ мальчикъ, указывая на огонекъ.

— „Дружокъ мой, теперь я вижу“, сказалъ отецъ съ улыбкой, „и большое счастіе въ томъ, что я не только вижу, но и понимаю въ чемъ дѣло. Этотъ свѣтъ и не изъ окна, и не отъ фонаря, которые помогли бы намъ, какъ ты думаешь, выбраться на дорогу, хотя, въ сущности, и этотъ свѣтъ оказываетъ помощь тому, кто его понимаетъ. Онъ свѣтитъ для того, чтобы предостеречь отъ опасныхъ мѣстъ въ болотѣ. Добрый огонекъ“, продолжалъ отецъ, возвысивъ голосъ, какъ бы желая, чтобы онъ былъ услышанъ блуждающимъ огонькомъ, „добрый огонекъ, мы понимаемъ тебя и не подойдемъ къ гибельнымъ мѣстамъ, которыя ты указываешь. Такой старый другъ природы, какъ я, тебя хорошо знаетъ; доброй ночи и благодарствуй за предостереженіе“.

Съ этими словами отецъ повернулъ лошадь своего сына въ противоположную сторону, и оба отправились далѣе, стараясь, въ потьмахъ, найти дорогу.

„Однако же, этотъ огонекъ былъ болѣе похожъ на свѣтъ фонаря, чѣмъ на этотъ гадкій блуждающій огонь, который я видѣлъ на картинкахъ“, проговорилъ мальчикъ, не охотно удаляясь отъ огня.

— „Ну, нашъ добрый огонекъ не скажетъ тебѣ спасибо за прозвище, которое ты ему далъ“, замѣтилъ смѣясь отецъ. „Ты видно одного мнѣнія съ поэтомъ, который сказалъ: „Призракъ, что ты тамъ вдали видишь, является только за тѣмъ, чтобы заманить тебя на погибель“.

„Конечно, нашъ огонекъ такъ и дѣлаетъ“, поспѣшилъ добавить мальчикъ.

— „Совсѣмъ нѣтъ; онъ вовсе этого не дѣлаетъ; напротивъ, онъ постоянно свѣтитъ такъ ярко, чтобы предостеречь отъ опасныхъ мѣстъ въ болотѣ“.

„Но онъ такъ свѣтитъ, какъ будто манитъ путешественниковъ къ себѣ“.

— „Это только такъ тебѣ кажется. Развѣ матросъ думаетъ, что огонь маяка указываетъ ему плыть на утесы, гдѣ этотъ маякъ стоитъ“?

„О нѣтъ, матросъ вѣдь знаетъ, что маякъ для того и поставленъ, чтобы предостеречь его“.

Блуждающій огонекъ.

— „Матросъ знаетъ это, потому что хотѣлъ узнать зачѣмъ стоитъ маякъ, и ему объ этомъ сказали; точно также и ты, при желаніи, можешь знать, что и блуждающій огонекъ свѣтитъ на опасныхъ мѣстахъ болота, чтобы предостеречь отъ бѣды. Законы природы, въ которыхъ проявляется воля Божія, и тутъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, способствуютъ, въ совокупности, достиженію всегда доброй цѣли. Намъ даны возможность и способность изучать эти законы, и мы должны, пользуясь ими, благоговѣть передъ величіемъ Небеснаго Творца. Можешь ли ты представить себѣ занятіе болѣе достойное человѣка“?

Ожидавшій возвращенія нашихъ путешественниковъ огонь въ домашнемъ каминѣ показался имъ въ этотъ вечеръ особенно пріятнымъ и чай особенно вкуснымъ. Мальчикъ весело шутилъ, смѣясь при мысли о той постели и о томъ чаѣ, которые бы ихъ ожидали, если бы они вздумали поѣхать на встрѣчу блуждающему огоньку,—какъ это чуть было и не случилось.

Послѣ этого, въ теченіи нѣсколькихъ дней,—только нѣсколькихъ, потому что благоразуміе ребенка не продолжается и не можетъ продолжаться долѣе,—нашъ маленькій путешественникъ не разъ выказывалъ особенную разсудительность. Зная изъ недавняго опыта, что не смотря на кажущіяся противорѣчія, всѣ явленія природы имѣютъ благую цѣль, онъ спокойно и внушительно утѣшалъ свою маленькую сестру, когда стучавшій въ окна градъ заставлялъ ее плакать, и убѣждалъ ее, что хотя гроза и мѣшаетъ ихъ прогулкѣ, но тѣмъ не менѣе она, безъ сомнѣнія, кому нибудь и гдѣ нибудь приноситъ какую нибудь пользу. Это убѣжденіе служило и ему самому утѣшеніемъ, хотя онъ не безъ труда сохранялъ его въ тѣ минуты, когда все небо озарялось молніями, удары грома пугали своими страшными раскатами и черныя тучи грозно висѣли надъ всею окрестностію. Когда кто нибудь говорилъ при немъ, что подобная гроза наводитъ на высокія размышленія, мальчикъ думалъ, что еще болѣе высокія размышленія вызываются убѣжденіемъ, что всѣ силы природы, днемъ и ночью, при свѣтѣ и во мракѣ, дѣйствуютъ съ благою цѣлью. Да, когда мальчикъ станетъ взрослымъ человѣкомъ, онъ постарается узнать эту цѣль и, конечно, лучшаго занятія для себя онъ не найдетъ. Можетъ быть, спустя долгіе годы, когда ему придется выдержать болѣе страшныя грозы, грозы нравственныя, можетъ быть тогда, изъ среды нѣжныхъ, дѣтскихъ воспоминаній, засвѣтитъ ему утѣшеніемъ блуждающій огонекъ.

Изучая природу и открывая въ самыхъ мрачныхъ, по видимому, ея проявленіяхъ благія цѣли, онъ крѣпко сохранитъ въ душѣ вѣру и смиреніе своего дѣтства и тамъ, гдѣ умъ его будетъ безсиленъ познать, сердце будетъ радоваться возможности вѣрить.

. . . .

Между тѣмъ, нашъ блуждающій огонекъ, услыхавъ ласковый привѣтъ, сказанный ему путешественниками въ тотъ вечеръ, заблестѣлъ ярче и весело сказалъ: „Теперь я счастливъ. Человѣкъ, которому я спасъ жизнь, не только благодаренъ за то, но и понимаетъ кто его спасъ“, — и съ этими словами онъ радостно принялся за свое обычное занятіе.

Вѣра.

(Изъ соч. Жуковскаго).

Въ вѣрѣ, высочайшемъ актѣ души человѣческой, есть двѣ стороны: одна, такъ сказать, матеріальная, основная, первообразная, другая духовная, производная. Во первыхъ, вѣра есть произвольное принятіе истины, безъ помощи очевидности, покоривъ разсудокъ свидѣтельству откровенія; во вторыхъ, вѣра есть произвольное преданіе самаго себя, то есть совершенное покореніе своей воли волѣ Того, чьему откровенію покорилъ себя уже разсудокъ. Если въ человѣкѣ совершились оба акта вѣры: если онъ, повѣривъ, предалъ себя въ полную волю кого, тому повѣрилъ, если онъ вѣруетъ и ввѣряется, то эта вѣра его есть *вѣра живая;* она выражается не одною мыслію, но и дѣломъ, или правильнѣе, дѣла съ нею неразлучны, дѣла, часто невидимыя человѣку, но явныя предъ всевидящимъ Богомъ. Если одинъ только первый актъ (послѣдній не можетъ быть безъ перваго) вѣры произошелъ въ душѣ нашей, то эта вѣра не живая, не дѣятельная, она не спасаетъ души, и, въ такомъ случаѣ, слова апостола справедливы: „вѣра безъ дѣлъ мертва“. Но и дѣла безъ вѣры мертвы; дѣла безъ вѣры составляютъ что-то несвязное, нецѣлое, не имѣющее образа. Дѣла благія, при самомъ благодѣтельномъ ихъ дѣйствіи на душу, все оставляютъ ее въ томъ состояніи несовершенства, въ какомъ она находится, состоя подъ закономъ, то есть будучи неспособною удовлетворить вполнѣ закону, слѣдовательно навсегда отдѣленною отъ Бога своимъ грѣховнымъ несовершенствомъ. Вѣра полная (оба акта ея) не даетъ сего совершенства, но она отверзаетъ двери благодати, а благодать довершаетъ душу, даруя ей, проникнутой вѣрой и ею приготовленной для принятія даянія свыше, все то, чего сама собою не можетъ она пріобрѣсть по своему безсилію: благодать строитъ мостъ черезъ бездну, которою отдѣлена вѣрующая душа отъ Бога. Сія благодать существуетъ только для искупленнаго Спасителемъ; искупленіе совершилось для всѣхъ, но оно только дверь отворенная. Кто войдетъ въ дверь, тотъ принятъ, тотъ спасенъ; но онъ приводится къ этой отворенной двери живою вѣрою; на порогѣ ея, благодать, призванная покаяніемъ, снимаетъ съ него все, что помѣшало бы его вступленію и что составляетъ его человѣческую, земную ношу. Въ двухъ словахъ: безъ вѣры во Христа нѣтъ спасенія; но вѣра сія не одно признаніе Спасителя, но въ то же время и преданіе себя Спасителю, или смиреніе разсудка и воли и ихъ уничтоженіе предъ высшимъ разумомъ и высшею волею.

Надежда.

Земную надежду можно сравнить съ свѣтлою радугою; она сіяетъ на темномъ облакѣ, она украшаетъ его своими яркими цвѣтами; но она одинъ оптическій обманъ. Надежду, основанную на вѣрѣ, можно сравнить съ утреннею зарею; она предвѣщаетъ солнце, и это не обманъ— солнце взойдетъ. (Жуковскій т. 6-й.)

Случай.

У одного умнаго человѣка спросили: что такое случай? Онъ отвѣчалъ: инкогнито Провидѣнія. Случая нѣтъ. Все, что ни случается съ нами въ жизни, радостное или прискорбное, ожиданное или неожиданное, есть дѣяніе Бога, въ разныхъ видахъ.

(Жуковскій т. 6-й стр. 134.)

Условія подписки: „Русскій Рабочій“ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (Сергіевская ул. № 20) и въ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна годовой подписки безъ доставки 60 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ....... 75 к.
Съ пересылкою иногороднымъ........ 1 р.

Подписавшіеся на 50 и болѣе экземпляровъ за пересылку не платятъ.

Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Іюля 1880 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

№ 5. 1880 г. **РУССКІЙ РАБОЧІЙ.** Годъ 6-й.

Богатый и бѣдный.

„Нѣкоторый человѣкъ былъ богатъ; одѣвался въ порфиру и виссонъ, и каждый день пиршествовалъ блистательно.

„Былъ также нѣкоторый нищій, именемъ Лазарь, который лежалъ у воротъ его въ струпьяхъ; и желалъ напитаться крошками, падающими со стола богача; и псы, приходя, лизали струпья его.

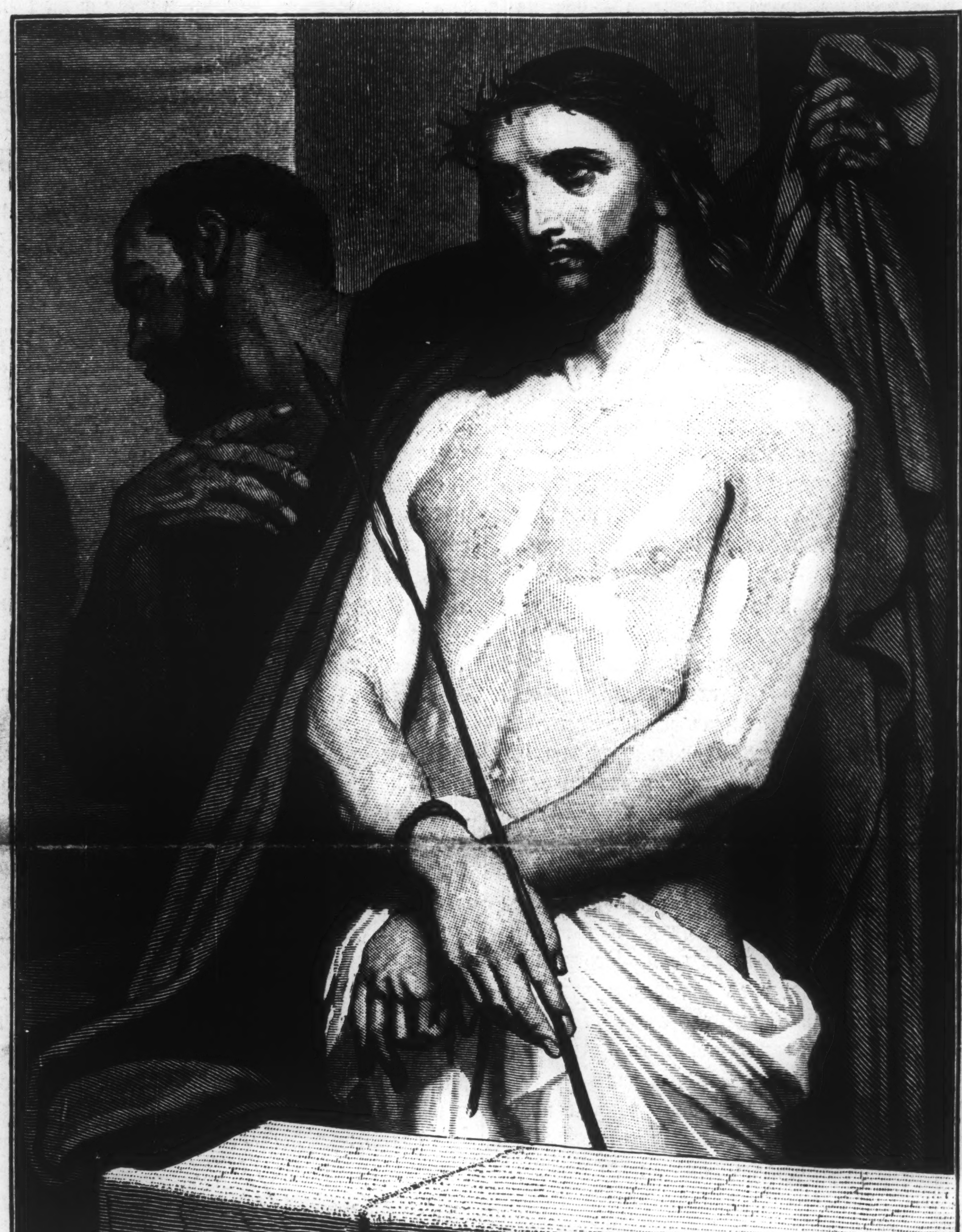
„Умеръ нищій, и отнесенъ былъ ангелами на лоно Авраамово. Умеръ и богачъ и похоронили его.

„И въ адѣ, будучи въ мукахъ, онъ поднялъ глаза свои, увидѣлъ вдали Авраама и Лазаря на лонѣ его“. (Лук. 16, 19—31).

Притча эта, изрѣченная Господомъ Нашимъ Іисусомъ Христомъ, весьма замѣчательна и сильно запечатлѣвается въ памяти. Она рисуется какъ картина предъ нами; мы становимся зрителями и какъ бы присутствуемъ при описанныхъ въ ней происшествіяхъ: мы видимъ пиры богача, порфиру, виссонъ,— ворота, у которыхъ лежитъ нищій, видимъ его струпья, псовъ, смерть, похороны, — ангеловъ, исполняющихъ свое служеніе и несущихъ Лазаря на лоно Авраамово. Видимъ страшное пробужденіе богача въ аду, великую пропасть, раздѣляющую его отъ блаженства, безнадежныя угрызенія совѣсти, безплодное раскаяніе. Все это ярко рисуется передъ нами и запечатлѣвается въ памяти. Невольно, при этомъ совершенствѣ изложенія, вспоминаемъ евангельское свидѣтельство о Христѣ Спасителѣ: „никогда не говорилъ такъ человѣкъ, какъ сей человѣкъ“ (Іоан. 7, 46).

Но дѣло не въ томъ, чтобы мы любовались красотою изложенія притчи, а въ томъ, чтобы драгоцѣнное ученіе, въ ней содержащееся, глубоко запало намъ въ душу. Нерѣдко случается, что мы умомъ постигаемъ истину, а сердце остается въ усыпленіи и холодно. Тысячи людей, знакомыхъ съ каждымъ словомъ этой притчи, никогда не подумали примѣнить ее къ себѣ, никогда не обратились къ своей совѣсти съ вопросомъ: „не я ли тутъ описанъ?“

I. Взглянемъ же чистосердечно на главныя истины, которымъ научаетъ насъ притча въ ея первыхъ стихахъ; замѣтимъ сперва, какъ различны положенія, назначенныя Богомъ людямъ. Господь Іисусъ говоритъ намъ о богачѣ и нищемъ, описываетъ обстановку того и другаго, не восхваляя ни богатства, ни бѣдности. Противуположность между ними тяжело разительна. Одинъ обладалъ всѣми благами міра сего, одѣвался роскошно и всякій день „пиршествовалъ блистательно“.— Другой былъ лишенъ всего: бездомный, больной, голодный, одинокій нищій, онъ лежитъ у воротъ богатаго и проситъ крошекъ. Оба,—дѣти Адама, принадлежатъ къ той же человѣческой семьѣ, живутъ въ той же странѣ,—и какъ различно ихъ положеніе! Не слѣдуетъ, однако, искать въ притчѣ тѣхъ уроковъ, которыхъ она не содержитъ. Не всѣ богатые—дурные люди и должны быть въ аду: не всѣ и бѣдные — хорошіе люди и будутъ въ раю. Не въ богатствѣ грѣхъ, и не въ бѣдности достоинство. Въ словахъ Господа Іисуса нѣтъ ничего, допускающаго подобное заключеніе; Онъ описываетъ положеніе, какъ оно встрѣчается въ мірѣ, и по всей вѣроятности будетъ встрѣчаться до конца.

Христосъ. (Се человѣкъ.)

Слово „равенство“ звучитъ громко и составляетъ предметъ мечтаній увлекающихся людей. Въ разныя времена старались мечтатели поколебать общество, возбуждая бѣдныхъ противъ богатыхъ и убѣждая простодушныхъ людей, что всѣ должны быть равны. Эти проповѣдники не останутся безъ готовыхъ слушателей, любящихъ внимать всему, что льститъ человѣческимъ страстямъ и порокамъ; но покуда не измѣнится природа человѣческая, ничто не можетъ уничтожить неравенства.

Пока между людьми есть мудрые и неразумные,—сильные и слабые, — здоровые и больные; —доколѣ дѣти наслѣдуютъ плоды хорошей или дурной жизни родителей; — доколѣ солнце и дождь, зной и холодъ, вѣтры и волны, засухи, неурожаи, бури, —не во власти человѣка;— до тѣхъ поръ всегда будутъ богатые и бѣдные: „не оскудѣетъ недостаточный отъ земли твоей“ (Второз. 15, 11).

Возьмите богатство какой либо страны и раздѣлите его, сегодня же, поровну между всѣми жителями ея. Дайте всѣмъ, кто не моложе двадцати лѣтъ, одинаковую долю и начинайте жизнь снова. Взгляните что случится черезъ пятьдесятъ лѣтъ. Вы придете къ тому же, съ чего начали. Все будетъ также неровно, какъ и прежде. Одни въ это время трудились, другіе лѣнились; одни были беззаботны и небрежны, другіе предпріимчивы и заботливы; одни продавали, другіе покупали; одни расточали, другіе собирали; и конецъ всего этого тотъ, что одни богаты, а другіе бѣдны.

Читатель, не слушай пустыхъ рѣчей, утверждающихъ, что люди могутъ быть равны. Это все тоже, что если бы старались увѣрять тебя, что всѣ люди должны быть одного роста, одной силы, одного ума, —или что всѣ дубы въ лѣсу должны быть одной величины и формы, — всѣ травинки въ полѣ одной длины.

Убѣдись разъ на всегда, что главная, коренная причина всѣхъ страданій на землѣ—*грѣхъ*. Грѣхъ виновенъ въ излишней роскоши богатаго и въ нищетѣ бѣднаго, — въ безсердечномъ себялюбіи перваго и безпомощности послѣдняго. Грѣхъ, прежде всего, долженъ быть изгнанъ изъ міра. Сердца людей должны быть обновлены и освящены; діаволъ долженъ быть связанъ. Все это должно совершиться прежде, чѣмъ настанетъ общее благоденствіе и наполнится пропасть раздѣляющая нынѣ богатаго и бѣднаго. Старайся всѣми силами дѣлать добро людямъ, сострадай твоимъ бѣднымъ братьямъ и принимай дѣятельное участіе во всемъ, чѣмъ можно помочь имъ. Содѣйствуй неутомимо распространенію познанія, нравственности, благосостоянія между людьми. Но никогда не забывай, что ты живешь въ грѣховномъ и падшемъ мірѣ,—что грѣхъ окружаетъ тебя и діаволъ не дремлетъ. А потому богачъ и Лазарь представляютъ два класса людей, которые не изчезнутъ изъ міра, пока не прійдетъ Господь для всемірнаго суда.

II. Обрати вниманіе на то, что по внѣшней обстановкѣ человѣка нельзя судить о состояніи души его? Богачъ въ притчѣ представленъ какъ образецъ земнаго счастія. Для этой жизни онъ имѣлъ все, чего душа могла желать и что деньгами можно пріобрѣсть. Не даромъ говорилъ мудрѣйшій изъ людей: „за все отвѣчаетъ серебро“. „У богатаго много друзей“. (Еккл. 10, 19. Притч. 14, 20).

Но кто, читая притчу, не видитъ ясно, что, въ лучшемъ и высшемъ смыслѣ, богачъ былъ совершенно нищъ. Отнимите у него блага міра сего, и у него не останется ничего, —ничего послѣ смерти, ничего за могилой, ничего въ мірѣ загробномъ. При всемъ его богатствѣ, у него не было сокровища на небесахъ. При всей роскоши его порфиры и виссона, у него не было брачной одежды спасенія. При всемъ множествѣ друзей, у него не было Друга и Заступника у престола Божія. При всемъ излишествѣ явствъ, онъ никогда не вкусилъ хлѣба жизни. У него были пышные хоромы на землѣ, но не было обители на небесахъ. Безъ Бога, безъ Христа, безъ вѣры, безъ благодати, безъ прощенія, безъ святости, онъ живетъ для себя самаго нѣсколько короткихъ годовъ и потомъ безнадежно нисходитъ въ бездну. Какъ пусто, какъ кратко, какъ не существенно было его благополучіе! Богачъ по внѣшности былъ очень бѣденъ внутри.

Лазарь, какъ видно, не имѣлъ ровно ничего. Трудно представить себѣ болѣе тяжкія нужду и лишенія; у него не было ни дома, ни пищи, ни одежды, ни денегъ, ни здоровья. Онъ изображенъ неизгладимыми чертами, лежащій у воротъ богача, покрытый струпьями, „желая напитаться крошками, падающими со стола богача; и псы, приходя, лизали струпья его“. Истинно сказалъ премудрый: „бѣдный ненавидимъ бываетъ даже ближнимъ своимъ“, — „бѣда для бѣдныхъ — скудость ихъ“. (Притч. 14, 20 и 10, 15).

Но кто, прочитавъ притчу до конца, не увидитъ, что, въ высшемъ смыслѣ, Лазарь не былъ совершенно бѣденъ? Онъ

былъ чадо Божіе, наслѣдникъ славы, владѣтель истинныхъ сокровищъ. Его имя было вписано въ книгу жизни; мѣсто на небѣ было ему уготовано. У него было лучшее одѣяніе,—одѣяніе правды Христовой, лучшій изъ друзей,—Самъ Богъ былъ его частію. И все это онъ имѣлъ навсегда. Эти богатства были опорою въ его жизни; они не оставили его и въ смерти, но послѣдовали за нимъ въ жизнь загробную. Въ этомъ отношеніи Лазарь былъ богатъ.

Читатель, ты хорошо сдѣлаешь, если будешь измѣрять людей мѣрою Божіею,—не по величинѣ ихъ дохода, а по состоянію ихъ души. Когда Господь Богъ призираетъ съ высоты небесъ своихъ на сыновъ человѣческихъ, Онъ не обращаетъ вниманія на многое, что такъ высоко цѣнятъ люди. Онъ не смотритъ на ихъ имущество, званіе и положеніе; Онъ взираетъ на состояніе души ихъ и судитъ о нихъ согласно съ этимъ. Потщись и ты дѣлать также,—цѣнить плоды благодати Божіей въ человѣкѣ несравненно болѣе, чѣмъ всѣ его земныя преимущества.

Не будемъ считать богатство и земное величіе признаками благоволенія Божія. Напротивъ, онѣ часто оказываются сѣтью и препятствіемъ на пути человѣка, привлекая сердце его къ міру и отвлекая отъ Бога. Не даромъ говорилъ царь Соломонъ: „не заботься о томъ, чтобы нажить богатство". (Прит. 23, 4). Не даромъ внушилъ тоже ап. Павелъ: „желающіе обогатиться впадаютъ въ искушеніе и въ сѣть и во многія безразсудныя и вредныя похоти, которыя погружаютъ людей въ бѣдствіе и пагубу". (1 Тим. 6, 9).

Не будемъ также считать бѣдность и испытанія доказательствами гнѣва Божія. Онѣ, напротивъ того, нерѣдко бываютъ скрытыми благословеніями, которыя посылаетъ высшая мудрость и любовь. Онѣ отвлекаютъ сердце отъ міра и научаютъ помышлять о горнемъ, а не о земномъ. Онѣ обличаютъ нашу грѣховность и побуждаютъ вѣрующаго приносить болѣе плода: „блаженъ человѣкъ, котораго вразумляетъ Богъ, и потому наказаніе Вседержителя не отвергай"; (Іова 5, 17), говоритъ Св. Писаніе. „Господь, кого любитъ, того наказываетъ", (Евр. 12, 6), говоритъ ап. Павелъ. Терпѣливое, довольное настроеніе духа много содѣйствуетъ къ нашему счастью въ этой жизни. Но постараемся не забывать, что здѣсь на землѣ не мѣсто награды. Время возмездія еще не наступило. Не будемъ судить ни о чемъ прежде времени, помня мудрыя слова: „если ты увидишь въ какой области притѣсненіе бѣдному и нарушеніе суда и правды, то не удивляйся этому: потому что надъ высокимъ наблюдаетъ высшій, а надъ ними еще Высшій". (Еккл. 5, 7). Настанетъ день суда и поставитъ всякаго на свое мѣсто. Тогда будетъ великое различіе между боящимся Бога и не боящимся Его.

III. Замѣтимъ также, что всѣ одинаково нисходятъ въ могилу. Богачъ умеръ и Лазарь также. Какъ ни различна была ихъ жизнь, смерть поднесла имъ одну и туже чашу. Они были прахъ и въ прахъ возвратились. Всѣмъ людямъ суждено умереть; послѣ всѣхъ трудовъ, стараній, предпріятій, открытій и ученыхъ изысканій,—остается одинъ непобѣдимый и необезоруженный врагъ,—смерть. Книга Бытія въ 5-й главѣ разсказываетъ намъ повѣсть долгой жизни допотопныхъ людей, Маѳусала и другихъ, но каждая кончается двумя словами: „онъ умеръ". И теперь, послѣ столькихъ вѣковъ, что болѣе можно сказать о величайшемъ изъ людей?—Конецъ всякаго величія: „онъ умеръ".—

Смерть всѣхъ равняетъ, ни съ кѣмъ не церемонится, никого не ждетъ; ее не удержишь замками и запорами. Ѣздитъ ли кто по легкой дорогѣ въ красивѣйшемъ изъ богатыхъ экипажей, или идетъ съ трудомъ по торной тропѣ,—оба направляются къ тому же концу. Имѣетъ ли кто, какъ Авессаломъ, 50 человѣкъ для прислуги, или не имѣетъ ни одной души, готовой услужить ему, оба лягутъ одиноко въ могилу. Обладаетъ ли кто несмѣтнымъ богатствомъ, или не имѣетъ и рубля въ карманѣ, оба не унесутъ ни копѣйки въ другой міръ. У одного могутъ быть обширнѣйшія помѣстья, у другаго и огорода негдѣ развести. Обоимъ будетъ достаточно одной сажени земли. Одинъ тѣшитъ и украшаетъ свое тѣло самою роскошной и мягкой одеждой и питаетъ его самою изысканною пищей. Другому часто нечего ѣсть и нечего надѣть; но оба съ каждымъ днемъ подвигаются къ тому времени, когда прахъ возвратится въ прахъ и земля въ землю, и черезъ 50 лѣтъ никто не отличитъ кости богача отъ кости нищаго.

О, еслибы люди жили, не забывая, что имъ надо умереть! Дѣйствительно жалкій трудъ—работать только для земли и для ея преходящихъ радостей, мѣнять всю вѣчность на нѣсколько короткихъ дней! Мы здѣсь трудимся, изнуряемся, хлопочемъ для пустаго, суетимся какъ муравьи на муравейникѣ; а черезъ нѣсколько лѣтъ все поколѣніе изчезнетъ и его замѣнитъ другое. Читатель, живи для вѣчности. Ищи для себя ту часть, которая не отнимется отъ тебя. Кто хочетъ жить хорошо, тотъ долженъ сдружиться съ днемъ своей смерти.

IV. Замѣтимъ еще, какъ драгоцѣнна предъ Богомъ душа вѣрующая.

Богачъ нашей притчи умеръ и похоронили его. Похоронили вѣроятно съ пышностью, но за тѣмъ мы ничего о немъ не слышимъ до той минуты, какъ онъ сталъ мучиться въ аду.

Нищій также умеръ, но о похоронахъ его намъ ничего не сказано. За то мы знаемъ, что онъ отнесенъ былъ ангелами на лоно Авраама,—въ мѣсто покоя и отрады.

Какъ много утѣшительнаго, трогательнаго въ этомъ выраженіи притчи! Если обратимъ на него вниманіе, то увидимъ, какой свѣтъ слова эти проливаютъ на отношеніе вѣрующаго къ Богу и Отцу его. Какую заботу прилагаетъ Царь царей о смиреннѣйшемъ изъ послѣдователей Христа. У кого такіе друзья и спутники какъ у вѣрующаго? Ангелы радуются *въ день* его рожденія свыше отъ Духа Святаго; Ангелы Господни ополчаются вокругъ него во время странствованія его по пустыни; Ангелы пекутся о душѣ его въ смерти и относятъ ее въ горнюю обитель. Какъ бы ни былъ онъ ничтоженъ и негоденъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, попеченіе Отца Небеснаго о малѣйшемъ изъ вѣрующихъ превосходитъ всякое разумѣніе. Господь сталъ его пастыремъ и онъ ни въ чемъ не будетъ нуждаться. Сатана можетъ удручать его, какъ Іова; но только на сколько Богъ это попуститъ. Все содѣйствуетъ къ его благу. Стопы его направлены отъ благодати къ славѣ. Онъ оставленъ на землѣ, доколѣ созрѣетъ для неба. Когда окончится дѣло его на землѣ, ангелы пошлются къ нему какъ къ Лазарю, и отнесутъ въ мѣсто вѣчной радости и покоя.

V. Наконецъ обратимъ вниманіе на то, какой губительный и страшный грѣхъ: себялюбіе.—Въ какомъ безнадежномъ состояніи находится богачъ нашей притчи! Какая начальная картина погибшей души! Вы встрѣчаете его, одѣтаго въ порфиру и виссонъ. Вы оставляете его въ адскихъ мученіяхъ.—Между тѣмъ изъ разсказа не видно, чтобы этотъ человѣкъ былъ убійца или воръ, или прелюбодѣй или лжецъ. Нѣтъ повода предполагать, чтобы онъ былъ богоотступникъ или нечестивецъ. Но мы знаемъ, что онъ погибъ. Страшная мысль! Мы имѣемъ передъ собою человѣка богатаго, пышно одѣтаго, дающаго пиры и праздники. О немъ не говорится намъ ничего такого, чтобы въ наше время нельзя было сказать о сотняхъ и тысячахъ людей, которые пользуются уваженіемъ другихъ. А между тѣмъ онъ въ аду. Обратимъ на это серьезное вниманіе и научимся, какъ опасно жить только для себя. Недостаточно того, чтобы мы поступали справедливо и отдавали каждому должное; недостаточно исполнять свои обязанности и наружныя требованія религіи. Остается еще вопросъ важный, требующій отвѣтъ отъ каждаго: „для кого я живу, для себя или для Христа? Какая главная цѣль, какой двигатель моей жизни? Пусть люди считаютъ не нужнымъ рѣшать подобный вопросъ. Мы находимъ одинъ удовлетворительный на него отвѣтъ въ словахъ ап. Павла: „Христосъ за всѣхъ умеръ, чтобы живущіе уже не для себя жили, но для умершаго за нихъ и воскресшаго". И выводимъ заключеніе, что если, какъ богачъ нашей притчи, мы живемъ только для себя, мы погубимъ душу свою.

Въ этомъ разсказѣ мы видимъ также, какъ важны грѣхи опущенія. Недостаточно остерегаться зла, слѣдуетъ не пропускать случая дѣлать добро. Лазарь лежалъ у воротъ богача и этотъ оставилъ его безъ вниманія. Отсюда слѣдуетъ прямое заключеніе, что если мы не будемъ обращать вниманія на нуждающихся, то грѣхи опущенія могутъ погубить нашу душу.

Я думаю, что изъ этого разсказа мы видимъ также, какую особенную опасность приноситъ съ собою богатство. Богатство, котораго всѣ такъ добиваются, для котораго тратятъ жизнь и силы;—изъ котораго дѣлаютъ себѣ идола,—какой опасности подвергаетъ оно тѣхъ, кто имъ обладаетъ. Оно ожесточаетъ душу, охлаждаетъ ее, приводитъ въ окамененіе. Оно ослѣпляетъ глаза для всего духовнаго и приводитъ нерѣдко къ забвенію Бога. Все сказанное, совершенно согласно съ Св. Писаніемъ. Господь говоритъ: „Какъ трудно имѣющимъ богатство войти въ царствіе Божіе! Удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царствіе Божіе"! Ап. Павелъ говоритъ: „Корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе, которому предавшись, нѣкоторые уклонились отъ вѣры, и сами себя подвергли многимъ скорбямъ". Въ Св. Писаніи сребролюбіе часто упоминается, какъ причина зла и грѣха. За деньги Ахавъ подвергъ пораженію войско Израильское, а себя самого смерти. За деньги Валаамъ согрѣшилъ противъ свѣта, думая проклинать народъ Божій. Далида продала Самсона Филистимлянамъ. За деньги Гіезій солгалъ Неесману и Елисею и подвергся проказѣ. За деньги Ананія и Сапфира сдѣлались первыми лицемѣрами въ церкви и лишились жизни. За деньги Іуда Искаріотскій продалъ Христа и погубилъ себя на вѣки. Всѣ эти факты громко говорятъ за себя.

Богатство дѣйствительно самое неудовлетворяющее пріобрѣтеніе. Оно избавляетъ отъ нѣкоторыхъ заботъ, но за то приноситъ съ собою другія. Оно достается съ трудомъ; сберегается со страхомъ; употребляется среди искушеній. Много зла находится въ неправильномъ употребленіи его; много печали при потерѣ его; много недоумѣній въ распредѣленіи его. Двѣ трети всѣхъ ссоръ, непріятностей и тяжбъ въ мірѣ возникаютъ изъ-за денегъ. Деньги опутываютъ и измѣняютъ сердце; издали онѣ привлекательны, но оказываются ядомъ въ рукахъ нашихъ. Никто не можетъ оградить душу свою отъ вліянія богатства, если оно неожиданно выпадетъ ему на долю. Многіе, которые „шли хорошо", когда были бѣдны, забыли Бога, когда разбогатѣли. Изъ этого мы выводимъ то заключеніе, что богатые, живя въ такой опасной атмосферѣ для души своей, должны вдвое болѣе о ней заботиться и поступать осторожно. Ап. Павелъ указываетъ намъ, что себялюбіе особенно разовьется въ послѣднее время: „знай, что въ послѣдніе дни наступятъ времена тяжкія. Ибо люди будутъ самолюбивы, сребролюбивы, горды и пр." Все это должно служить намъ предостереженіемъ противъ этого вкрадчиваго и повсюду распространеннаго грѣха. Мы должны внимательно разсмотрѣть, что говоритъ Св. Писаніе о сребролюбіи и самолюбіи. Не даромъ Господь Іисусъ обличилъ, въ 12-й гл. Ев. Луки, безумнаго богача, который „собиралъ сокровища для себя, а не въ Бога богатѣлъ". Не даромъ, въ притчѣ о сѣятелѣ, Господь говоритъ что „обольщеніе богатства заглушаетъ слово и оно бываетъ въ тѣсной душѣ безплодно". Не даромъ запрещаетъ Онъ „пріобрѣтать друзей богатствомъ неправеднымъ", и говоритъ: „когда дѣлаешь обѣдъ или ужинъ; не зови друзей своихъ, ни братьевъ твоихъ, ни родственниковъ твоихъ, ни сосѣдей богатыхъ, чтобы и они тебя когда не позвали и не получилъ ты воздаянія. Но когда дѣлаешь пиръ; зови нищихъ увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ: и блаженъ будешь, что

они не могутъ воздать тебѣ; ибо воздастся тебѣ въ воскресеніе праведныхъ“. — Не даромъ говоритъ Господь еще: „продавайте имѣнія свои и давайте милостыню. Приготовляйте себѣ влагалища невѣтшающія, сокровище неоскудѣвающее на небесахъ, куда воръ не приближается, и гдѣ моль не свѣдаетъ“. Не даромъ сказалъ Онъ: „блаженнѣе давать, нежели принимать“. Не даромъ предостерегаетъ Онъ насъ примѣромъ священника и левита, которые видѣли израненнаго путешественника на дорогѣ и прошли мимо; и хвалитъ милосердаго самарянина, съ самоотверженіемъ оказавшаго милость ближнему. Не даромъ Ап. Павелъ ставитъ любостяжаніе на ряду съ самыми грубыми грѣхами и называетъ его „идолопоклонствомъ“. Какое различіе между его словами и общепринятыми понятіями о пріобрѣтеніи денегъ. Пусть разсудитъ всякій, знающій свѣтъ.

Взвѣсимъ же внимательно всѣ приведенныя мѣста Св. Писанія. Справедливо, что роздавъ „все имѣніе нищимъ, но не имѣя любви, — мы ровно ничто“ (1 Кор. 13, 3); но не будемъ впадать въ другую крайность и думать, что если деньги не спасаютъ насъ, то ихъ вовсе не слѣдуетъ давать.

Читающій эти строки, если ты богатъ, берегись любостяжанія; помни, что ты несешь грузъ на пути твоемъ къ небу, грузъ, который можетъ замѣдлить бѣгъ твой. Ты, безъ сомнѣнія, можешь быть спасенъ какъ и другіе. Богу все возможно. Аврамъ, Іовъ, Давидъ обладали богатствомъ и были спасены, не смотря на это. Но будь остороженъ. Деньги — полезный слуга, но никуда негодный властелинъ. Положи себѣ на сердцѣ слова Господа Іисуса: „какъ трудно богатому войти въ царствіе Божіе“. —

Если же ты бѣденъ, то незавидуй богатымъ. Молись за нихъ и снисходи къ ихъ недостаткамъ, помня, что на высокихъ мѣстахъ голова кружится. Остерегайся сребролюбія и не думай, что бѣдность спасетъ тебя. Чтобы быть съ Лазаремъ въ раю, недостаточно раздѣлять его бѣдность. Надо быть, какъ онъ, участникомъ въ благодати Божіей.

Если ты желаешь узнать, какое средство исцѣляетъ отъ себялюбія, которое погубило душу богача и которое прирожденно каждому изъ насъ, какъ наша плоть; я скажу тебѣ, что есть только одно средство и на немъ ты долженъ сосредоточить все твое вниманіе. Страхъ ада не поможетъ, надежда рая не поможетъ. Чувство долга не поможетъ. Корень слишкомъ глубоко вросъ въ душу человѣка и этими средствами его не вырвешь. Ничто не поможетъ, кромѣ познанія любви Божіей, явленной намъ въ искупительной смерти Христа. Нужно сознать нашу виновность и состояніе погибели, въ которомъ, по природѣ своей грѣховной, мы находимся. Нужно испытать на себѣ силу искупительной крови Христовой, исцѣляющей смертельно больнаго и очищающей его совѣсть. Нужно испытать сладость примиренія съ Богомъ чрезъ Іисуса Христа и чувствовать, что любовь Божія излилась въ сердце Духомъ Святымъ. Тогда только себялюбіе будетъ поражено въ самомъ корнѣ. Тогда, сознавая все, что для насъ сдѣлалъ Христосъ, мы почувствуемъ, что нѣтъ ничего драгоцѣннаго и любимаго, чѣмъ бы мы не пожертвовали для Него. Видя, какою любовію Онъ возлюбилъ насъ, когда мы ничего не стоили, и мы полюбимъ отъ всего сердца и воскликнемъ: „Что воздамъ Господу за всѣ благодѣянія Его ко мнѣ!“ Чувствуя, какія великія благодѣянія мы получили незаслуженно, мы будемъ считать великимъ преимуществомъ сдѣлать что либо въ угожденіе Господу, Которому мы всѣмъ обязаны. Зная, что мы куплены дорогою цѣною и что мы не свои, мы будемъ стараться „прославлять Бога и въ тѣлахъ нашихъ и въ душахъ нашихъ, которыя суть Божіи“.

Повторяемъ, нѣтъ другаго, дѣйствительнаго средства противъ себялюбія, кромѣ любви Христовой, воспринятой сердцемъ и воззрѣваемой всѣми подвигами христіанскаго благочестія. Другія средства временно заглушаютъ болѣзнь. Это одно исцѣляетъ ее. Добрый нравъ прикрываетъ себялюбіе, искательство похвалы людской искусно прячетъ его, притворное самопожертвованіе можетъ обмануть людской глазъ, но ничто не вырываетъ его изъ сердца, кромѣ любви Христовой, открытой намъ Духомъ Святымъ.

Читатель, болѣзнь, погубившая богача нашей притчи, можетъ быть исцѣлена. Но помни, что есть только одно средство. Если не хочешь жить для себя, живи для Христа, по Его святымъ заповѣдямъ и совѣтамъ (Матѳ. 19, 18—21). Помни, что недостаточно знать это средство, надо употребить его; недостаточно слышать о немъ, надо примѣнить его въ жизни, подъ живымъ руководствомъ Церкви Христовой (Матѳ. 28, 19—20).

Въ заключеніе, мы бы желали убѣдить каждаго, читающаго эти строки, въ необходимости само-испытанія. — Притча эта должна, казалось бы, пробудить въ каждомъ сердечную исповѣдь. „Куда иду я, какимъ путемъ? Что я дѣлаю, для чего живу? Гдѣ буду по смерти? Готовъ ли я разстаться съ міромъ? Есть-ли у меня убѣжище въ томъ, лучшемъ мірѣ?“... Подобные вопросы возникаютъ невольно, при чтеніи этой притчи. Да углубитъ ихъ Духъ Святый въ душѣ нашей такъ, чтобы они не остались безъ отвѣта.

Воспитывать и обуздывать.

«Научи отрока при началѣ пути его».
Пр. Сол. 22. 6.

„Какъ съ вами возятся, друзья мои!“ сказалъ мимоходомъ вѣтеръ цвѣтамъ въ красивомъ саду одной дачи. „Право, меня очень удивляетъ, какъ это вы такъ терпѣливо сносите все, что съ вами дѣлаютъ! Я все это время слѣдилъ за вашимъ опекуномъ-садовникомъ и теперь, когда онъ наконецъ оставилъ васъ въ покоѣ, мнѣ очень любопытно знать ваше мнѣніе о томъ противуестественномъ воспитаніи, которое онъ вамъ даетъ“.

— „Отчего же противуестественномъ?“ спросилъ великолѣпный вьюнокъ, съ высокаго шеста, вокругъ котораго онъ былъ обвитъ, одѣвая его своими висячими, блестящими цвѣтами.

„Мнѣ смѣшонъ твой вопросъ“, отвѣчалъ вѣтеръ. „Неужели ты думаешь, что это естественно тянуться вокругъ длиннаго, голаго шеста? Конечно нѣтъ. Твоя родня, дикій вьюнокъ, который я видѣлъ утромъ въ полѣ, увѣряю тебя, ничѣмъ подобнымъ не занимается. Онъ тянется и вьется, какъ ему вздумается: то изгибается по землѣ, то ползетъ по забору, заигрывая съ птичками, и, извиваясь туда и сюда, влѣзаетъ иногда на самый верхъ, накрывая его пеленою своихъ листьевъ и бѣлыхъ цвѣтковъ. Ну, а твоя жизнь совсѣмъ другое дѣло подъ глазами у садовника, который придерживаетъ тебя все на одномъ мѣстѣ, подвязываетъ ростки и мучитъ постояннымъ запретомъ: не суйся туда, не лѣзь сюда! Бѣдняжка! Мнѣ больно за тебя, но и смѣшно. Ты такъ чванишься своею красотою, что и не видишь, въ какихъ тискахъ живешь!“

Слова эти заставили вьюнка смутиться; онъ вспомнилъ какъ ему пришлась по сердцу похвала его красотѣ, сказанная утромъ садовникомъ. Онъ опустилъ еще ниже свои цвѣты-головку и ничего не отвѣчалъ.

— „Все, что ты говоришь“, сказала, вмѣшиваясь въ разговоръ, мохровая гвоздика, „можетъ быть и справедливо, но ужь никакъ не можетъ относиться *ко мнѣ*. У меня нѣтъ родни между полевыми цвѣтами; мнѣ же самой необходимы заботы, которыми меня окружаютъ. Этотъ холодный и сырой климатъ не по мнѣ. Моимъ молодымъ росткамъ нужно тепло, безъ котораго они не могутъ жить, а наши горшки спасаютъ насъ отъ гадкихъ червей, лакомыхъ на наши корни“.

“О, я вижу, что ты смыслишь дѣло и согласенъ съ тобою на счетъ сырости, холода и червей“, возразилъ вѣтеръ, кружась вокругъ клумбы, „но всетаки настаиваю на томъ, что разъ ты выросла и окрѣпла, садовникъ могъ бы тебя оставить въ покоѣ и дать тебѣ жить и рости, какъ сама знаешь. Однако нѣтъ, онъ то и дѣло, что подрѣзаетъ и прилаживаетъ каждый листочекъ, который ростетъ не въ ту сторону, куда ему хочется. Почему-бы не позволить тебѣ убираться въ твой красивый нарядъ по твоей волѣ? Зачѣмъ привязывать къ шесту твои нѣжные цвѣты именно тогда, когда они начинаютъ распускаться? Право, красота и миловидность, которыми природа тебя надѣлила, стоятъ того, чтобы дать тебѣ жить на свободѣ“.

Слова эти поколебали увѣренность гвоздики и цвѣтъ ея заигралъ ярче, отъ негодованія, при мысли о томъ, какъ съ нею, въ самомъ дѣлѣ, по-дѣтски обращаются. „Право, съ моею красотою и миловидностью“, сказала она сама себѣ, „мнѣ могли бы дать больше свободы“.

Съ вѣтромъ не была, однако, согласна роза и настаивала на необходимости заботъ садовника, сознавая, на сколько эти заботы давали ей преимуществъ передъ подобными же ей розами, ростущими дико въ лѣсу. Какая разница величины, цвѣта и запаха!

На это вѣтеръ возразилъ ей, что онъ и не думалъ оспаривать выгодъ жизни въ саду, на хорошей землѣ, но что, по его мнѣнію, и въ саду можно жить свободнѣе и что садовнику очень стыдно приневоливать такимъ образомъ розу, лишая ее свободнаго употребленія природныхъ силъ. „Что можетъ быть возмутительнѣе, напримѣръ“, сказалъ вѣтеръ, „какъ прививка розы къ другой розѣ? Подумай только“, продолжалъ вѣтеръ, „какому мученію подвергаютъ розу, чтобы придать бѣдняжкѣ полноту и пышность, которыми такъ любуются. За что срѣзать каждую красивую вѣтку, если она только не совсѣмъ прямо ростетъ? Зачѣмъ бы не позволить розовому кусту рости свободно, въ роскошномъ разнообразіи? Зачѣмъ мѣшать его милымъ уклоненіямъ или сдерживать его возвышенныя стремленія? Можетъ ли онъ быть слишкомъ хорошъ, слишкомъ роскошенъ, или грѣшить избыткомъ цвѣтовъ?. Прекрасная роза, ты знаешь всѣ твои преимущества, ты знаешь, что это невозможно!“

Роза знала это очень хорошо и въ первый разъ непріятно вспомнила о прививкѣ, которой она подвергалась каждую весну и осень, и обо всѣхъ тѣхъ вѣточкахъ, которыя у нея каждый годъ отнимали и увозили въ тачкѣ.

— „Мнѣ кажется, что это, въ самомъ дѣлѣ, варварскій и жестокій обычай!“ сказала она.

Послѣ этого, вѣтеръ, обѣжавъ еще разъ садъ, прилетѣлъ къ большой бѣлой лиліи и шепнулъ ей на ухо о своемъ недоумѣніи, зачѣмъ крѣпкій и твердый стволъ ея прислоненъ къ неуклюжему, глупому шесту, и о томъ, какъ больно ему это видѣть. „Неужели“, сказалъ онъ, „такое прелестное созданіе — какъ ты, думаетъ, что природа, одарившая его красотою, прославленною во всемъ мірѣ, могла въ то же время не дать ему силъ, чтобы безъ поддержки жить въ положеніи наиболѣе для него пріятномъ? Непонятная привычка постоянно все сдерживать и приневоливать!“ продолжалъ вѣтеръ, съ порывомъ досады; „можетъ быть это и предубѣжденіе съ моей стороны, но какъ лишеніе свободы было бы для меня равносильно смерти, то моя душа возмущается при взглядѣ на рабство, въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось“.

— „Ужь конечно не больше моей души“, живо сказала гордая лилія, напрягаясь, чтобы ослабить привязь, державшую ее у шеста. Усиліе было напрасно, — она не могла высвободиться.

Встрѣтивъ это безсиліе громкимъ и обиднымъ смѣхомъ, вѣтеръ отправился смущать тѣми же ядовитыми рѣчами прислоненную къ забору каприфолію. Однимъ словомъ, вѣтеръ не оставилъ ни одного цвѣтка въ покоѣ. Онъ нашептывалъ всѣмъ имъ тѣ же рѣчи, подсмѣивался надъ жасминомъ, насмѣшливо предполагалъ, что душистый горошекъ находитъ невыразимое удовольствіе рости правильнымъ кружкомъ, вдоль кривыхъ палокъ и обѣщалъ всѣмъ имъ расхваливать повсюду ихъ примѣрную покорность и безусловное послушаніе.

Тутъ лилія не выдержала и съ сердцемъ закричала вѣтру, что онъ совершенно на ихъ счетъ ошибается. Если они подчиняются такому унизительному стѣсненію, то это совершенно по неволѣ, не имѣя силъ отъ него освободиться, но что

они охотно избавятся хотя отъ нѣкоторой части этихъ жестокихъ стѣсненій, если только вѣтеръ поможетъ имъ въ этомъ.

Видя, что подстрекательство его имѣло успѣхъ, злонамѣренный вѣтеръ обѣщалъ похлопотать въ ихъ пользу и удалился, тѣшась возбужденнымъ имъ неудовольствіемъ.

Всю ночь послѣ этого, простодушные цвѣточки горевали о своей неволѣ и рвались на свободу; въ своемъ нетерпѣніи, они начинали бояться, что вѣтеръ только подшутилъ надъ ними и вовсе не думаетъ исполнить свое обѣщаніе. Однако, они ошиблись. На зарѣ уже послышались вдали стоны и завыванія, а съ восходомъ солнца, тучи побѣжали по небу и деревья закачались во всѣ стороны.

Вѣтеръ вернулся, и вернулся сильный и гнѣвный, опрокидывая и ломая все, что у него было на пути.

„Настало ваше время, прелестные цвѣточки!" крикнулъ онъ, подбѣгая къ саду.

— „Настало наше время", повторили дрожащимъ голосомъ цвѣты, въ трепетномъ ожиданіи его прихода.

Вѣтеръ принялся за дѣло очень ловко. Облетѣвъ вихремъ вокругъ сада, онъ повалилъ шестъ у вьюнка, сорвалъ привязки, державшія въ неволѣ бѣлую лилію и гвоздику, растрепалъ розовый кустъ и сбросилъ на землю душистый горошекъ. Однимъ словомъ, въ полчаса онъ разорилъ весь садъ и, когда дѣло было кончено, полетѣлъ дальше, чваниться своимъ разрушительнымъ подвигомъ.

Что же сталось, между тѣмъ, съ цвѣтами?

Едва улетѣлъ вѣтеръ, полилъ сильный дождь, превратившій все въ какой-то хаосъ, но къ вечеру прояснѣло и наши друзья-цвѣты стали осматриваться.

Лилія стояла еще довольно прямо, хотя ея гибкій стволъ лишился дружеской опоры, но, увы, поддерживать себя въ такомъ положеніи ей стоило невѣроятныхъ усилій. Вѣтеръ и дождь нагнули ее слишкомъ сильно, и небольшой надломъ ствола предвѣщалъ ея скорое паденія на землю.

Положеніе вьюнка было еще хуже. Бѣдняжку повалило вмѣстѣ съ его шестомъ, и размытая дождемъ, по скату клумбы, земля задавила его прелестные цвѣты. Онъ стоналъ подъ тяжестью мокрой, черной грязи, впившейся въ его чудные, бархатные колокольчики, чувствуя свое безсиліе освободиться отъ этого гнета. Какъ ему хотѣлось теперь обвиваться, по прежнему, вокругъ своего шеста! Каприфолію постигла не лучшая участь; а гвоздика готова была умереть отъ досады, что столь желанная свобода послужила только къ тому, чтобы смѣшать ее съ грязью.

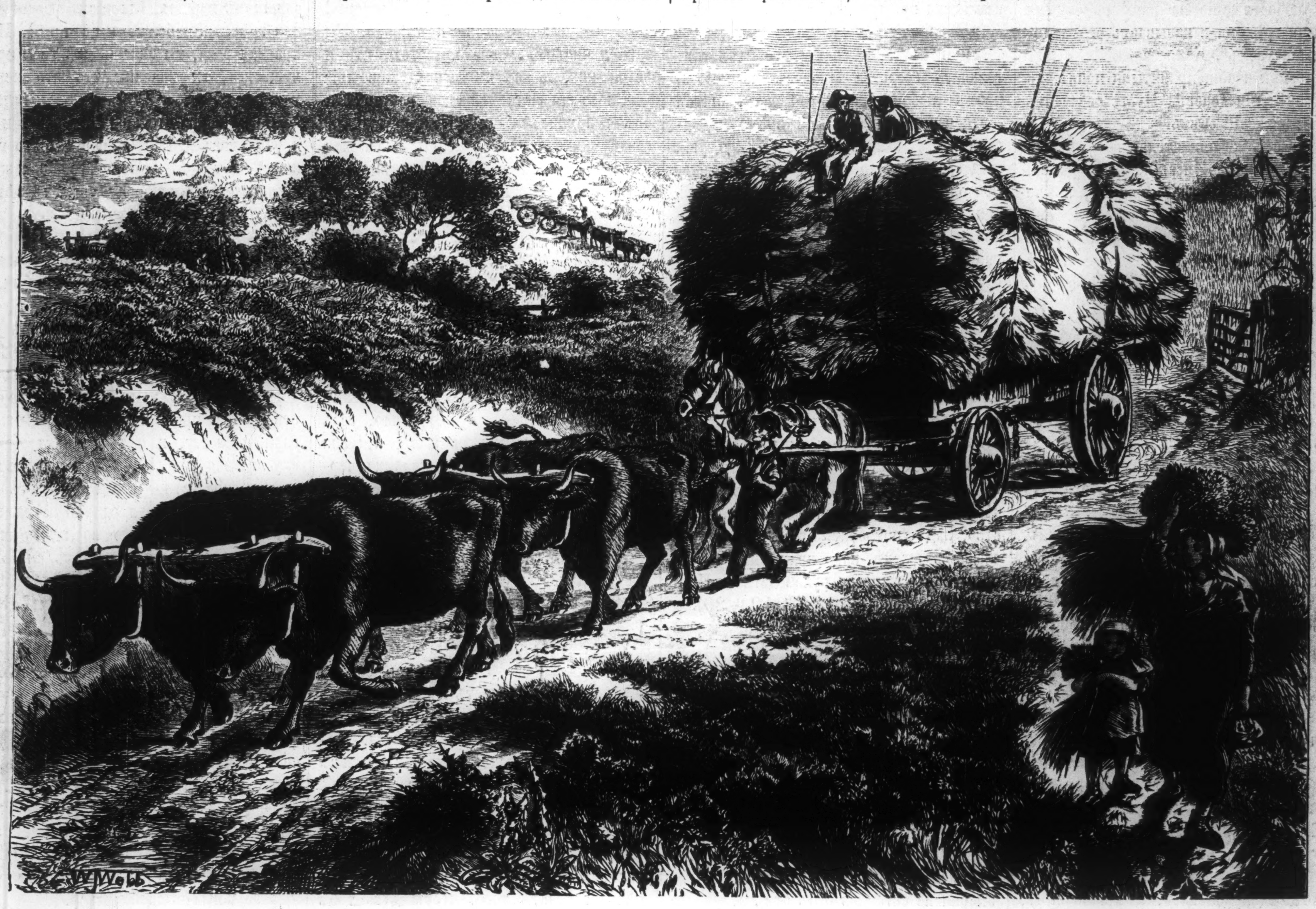
Передъ вечеромъ, садовникъ, возвращаясь домой, напѣвая, зашелъ взглянуть на своихъ питомцевъ. Онъ полагалъ, что буря сломала два или три цвѣточка, или порвала нѣсколько привязокъ, но никакъ не ожидалъ того, что представилось его глазамъ. Пораженный, онъ не могъ выговорить ни слова и началъ молча приподнимать, по очереди, головки запачканныхъ и помятыхъ цвѣтовъ. „Все пропало", сказалъ онъ наконецъ жалобно. „Барыня и молодая барышня пожалуютъ на дняхъ, и къ тому времени съ этими цвѣтами ничего не подѣлаешь". Онъ ушелъ, грустно покачивая головой.

Слова садовника сбылись. Черезъ нѣсколько дней, подломанные гвоздики покрылись ржавчиной, лежа на мокрой землѣ. Лилія увядала на своемъ надломанномъ стволѣ. Цвѣты вьюнка, покрытые грязью, были неузнаваемы. Каприфолія лежала, разбросанная по землѣ, вмѣстѣ съ душистымъ горошкомъ, пахучія головки котораго грустно смотрѣли изъ подъ покрывавшей ихъ земли. Розовый кустъ хотя не погибъ весь, но уцѣлѣвшія вѣтки были слабы и не обѣщали цвѣтовъ. Между тѣмъ, сорныя травы забрались на клумбы и заглушили садъ, нѣкогда полный красоты и благоуханія.

Разъ утромъ, дворовая собака весело залаяла и прислуга засуетилась. Хозяйка дома вернулась, и ея молоденькая дочь побѣжала взглянуть на свой садикъ. Прыгая и весело напѣвая, она прибѣжала къ знакомымъ ей клумбамъ, но тутъ вдругъ остановилась и горько заплакала. Медленно и грустно обходила она клумбы и, при видѣ каждаго цвѣтка, глаза ея снова наполнялись слезами. Подъ конецъ она опустилась на траву и, закрывъ лице руками, громко зарыдала. Она долго оставалась въ этомъ положеніи, пока рука подошедшей матери, тихо положенная на ея плечо, не заставила ее очнуться.

— „Какъ грустно въ самомъ дѣлѣ, что садикъ и цвѣты въ такомъ видѣ", сказала мать.

„Мнѣ не цвѣтовъ и не садика жаль", отвѣчала дочь, грустно глядя на мать глазами, полными слезъ, „мы пожалуй посадимъ новые цвѣты, и можетъ быть даже нѣкоторые изъ этихъ поправятся, но, при видѣ этихъ цвѣтовъ, мнѣ стало грустно, что въ самомъ дѣлѣ, какъ ты часто мнѣ говоришь, въ этомъ бѣдномъ мірѣ, и насъ, какъ и цвѣты, нельзя предоставить самимъ себѣ, а надо постоянно воспитывать, обуздывать и направлять. Прежде мнѣ казалось иногда, что цвѣты, выросшіе на волѣ, по прихоти *природы*, уже по этому самому должны имѣть и наилучшій видъ; но теперь я вижу другое: вотъ, они растутъ на волѣ, безъ ухода, и вотъ мой прекрасный *садикъ* заглохъ и сталъ *пустыремъ*".

Быки со снопами.

Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Августа 1880 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

Трубочистъ.

„Истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное“.

Однажды, на улицѣ подняли бѣднаго мальчика, попавшаго подъ телѣгу. Его отвезли въ больницу и положили рядомъ съ другимъ мальчикомъ, находившемся въ послѣднемъ градусѣ чахотки. У вновь прибывшаго мальчика обѣ ноги оказались переломленными.

Нѣкоторое время, оба мальчика лежали молча. Наконецъ, чахоточный мальчикъ спросилъ у своего новаго сосѣда:

— „Какъ тебя зовутъ?“

— „Вася“, отвѣчалъ тотъ.

— „Вася“, продолжалъ первый, „слышалъ-ли ты когда нибудь объ Іисусѣ Христѣ?“

— „Нѣтъ, не слыхалъ“, сказалъ Вася.

— „Я слышалъ въ школѣ, что Онъ любитъ дѣтей, и что, когда я умру, Онъ возьметъ меня къ Себѣ, на небо. Тамъ не будетъ ни болѣзни, ни голода. Правда, хорошо?“

— „Хорошо“, отвѣчалъ Вася, „но кто Онъ такой?

— „Онъ, — Сынъ Божій“.

— „Я бы никогда не посмѣлъ заговорить съ Сыномъ Божіимъ“, сказалъ, печально, Вася, „да и Онъ не поглядѣлъ-бы на такого нищаго оборвыша“.

— „Напротивъ, я слышалъ, что Онъ очень, очень милостивъ; всякій можетъ къ Нему пріити и съ Нимъ говорить. Развѣ тебѣ не хочется быть тамъ, гдѣ никогда не голодаютъ?

— „Какъ-же не хочется; чего-жъ лучше?“

— „Ну такъ скажи объ этомъ Іисусу Христу“.

— „Какъ-же я скажу? я не знаю гдѣ Онъ; да еслибъ и зналъ, какъ я пойду къ Нему съ переломленными ногами?

— „Послушай Вася, я слышалъ, что Іисусъ Христосъ часто Самъ къ намъ приходитъ, только мы Его не видимъ. Можетъ быть, Онъ придетъ сегодня. Старайся все думать о Немъ, тогда ты узнаешь когда Онъ прійдетъ.

— „Мнѣ трудно думать, и трудно глаза открывать; я скоро умру; такъ и докторъ сказалъ.

— „Тогда, знаешь что, Вася, подыми руку. Онъ замѣтитъ и остановится и узнаетъ, что ты хочешь Его просить, чтобы Онъ взялъ тебя къ Себѣ, туда гдѣ не голодаютъ“.

Бѣдный Вася попробовалъ поднять руку, но не могъ удержать ее въ такомъ положеніи. Онъ еще разъ попробовалъ и рука снова опустилась. Онъ заплакалъ и сказалъ:

— „Не стоитъ и пробовать; не удержать руки“.

— „Постой, Вася, я тебѣ устрою“, сказалъ маленькій сосѣдъ Васи; „вотъ подушка моя, я безъ нея могу обойтись; я подложу ее подъ твою руку и, тогда, она будетъ держаться“. — Съ этими словами больной мальчикъ слѣзъ съ кровати, съ большимъ усиліемъ, и изъ своей подушки устроилъ подпору для руки товарища. — Ночью, маленькій Вася умеръ съ поднятой рукой. Іисусъ Христосъ проходилъ мимо и взялъ Свою овечку домой, туда, гдѣ не голодаютъ.

„Кто умалится, какъ это дитя; тотъ и больше въ Царствѣ Небесномъ“. (Матѳ. 18. 4).

Береги Ваню.

(Часть 2-я)

Всѣми правдами и неправдами трудно было бѣдному Федѣ прокормить себя и брата и въ тоже время платить за уголъ. Однако, онъ протянулъ весну и лѣто. — Къ зимѣ, здоровье Вани стало ослабѣвать. Дурной воздухъ подвала и недостаточная пища дѣлали свое дѣло. — Однажды, Федя возвратясь домой къ обѣду, съ кускомъ ситника для Вани, нашелъ его тамъ-же, гдѣ оставилъ утромъ, на соломенной постелѣ, подъ старымъ одѣяломъ. Ребенокъ спалъ, разбросавъ по подушкѣ худенькія, грязныя ручки. Федя поцѣловалъ его въ горячую головку. Ваня открылъ глаза.

— „Это ты, Федя, спросилъ онъ, поглядѣвъ на брата съ удивленіемъ. Я думалъ, это мама пришла за мной“.

— „Ты вѣрно во снѣ видѣлъ, Ваня. Хочешь ты кушать?“ спросилъ Федя.

— „Я пить хочу“, сказалъ Ваня. — Федѣ стало грустно.

— „Я принесъ сегодня вкусный обѣдъ, поешь, Ваня, немножко“.

— „Я только пить хочу“ повторилъ Ваня, вздохнувъ; Федя схватилъ кружку и побѣжалъ за водой. Онъ былъ радъ случаю, чтобы Ваня не замѣтилъ, что слезы душили его. Что, если онъ умретъ, думалъ Федя, на бѣгу, и дрожь пробѣжала по его сердцу. Страшно стало ему; Ваня, въ послѣднее время такъ измѣнился.

Когда Федя вернулся, Ваня припалъ губами къ кружкѣ съ свѣжей водой и напившись до сыта сказалъ:

— „Вотъ, это хорошо“. Потомъ прилегъ опять и закрылъ глаза.

— „Теперь, тебѣ надо поѣсть“, сказалъ Федя, стараясь казаться веселымъ. „Ты и въ школѣ не былъ сегодня?“

— „Я ужъ больше не пойду“; сказалъ Ваня.

— „Больше не пойдешь? Что случилось? съ удивленіемъ спросилъ Федя.

— „Аннушка мнѣ сказала сегодня утромъ“.

— „Что она тебѣ сказала?“ спросилъ Федя, живо.

— „Она сказала, что я умру; ты не сердись, Федя, это ничего. Я сперва поплакалъ о тебѣ, а теперь думаю тебѣ будетъ легче безъ меня“.

— „Нѣтъ, не будетъ легче“, сказалъ Федя съ горечью. „Ну ужъ эта дѣвчонка, попадись она мнѣ, такъ ей достанется“.

— „Федя, пожалуйста, пусть она приходитъ; она поетъ мнѣ то, что мы выучили пѣть въ школѣ, про небо“.

Федя не могъ устоять противъ умоляющаго взгляда Вани.

— „Хорошо“, сказалъ онъ, „пусть она приходитъ сколько хочетъ, только съ условіемъ чтобы ты съѣлъ кусочекъ бѣлаго хлѣба и половину пирожка, который я принесъ“.

— „Я не могу съѣсть теперь“, сказалъ Ваня, „я попробую немного погодя. Оставь подлѣ меня. Скажи Аннушкѣ, чтобы пришла пѣть“, добавилъ Ваня, видя, что братъ надѣваетъ свой латокъ, чтобы уйти.

Въ сердцѣ своемъ, Федя сердился на дѣвочку за ея ужасныя слова, и охотно бы побилъ ее; но желанія Вани сдѣлались для него закономъ. Онъ забѣжалъ въ сосѣдній домъ и позвалъ Аннушку. Маленькая, оборванная дѣвочка явилась на порогѣ, сиротка, усыновленная пьяной теткой, которой она служила. Аннушка обрадовалась приглашенію и, въ одинъ прыжокъ, очутилась въ подвалѣ.

Федя ранѣе обыкновеннаго вернулся домой. Что-то не давало ему покоя и влекло къ Ванѣ. Подходя къ своему жилищу онъ ясно слышалъ голосъ Аннушки, звонкій какъ колокольчикъ, и къ нему примѣшивался слабенькій голосокъ Вани. Они пѣли:

Выше свѣтилъ небесныхъ
И тьмы земной,
Въ тѣни кущей чудесныхъ,
Нашъ край родной.

Когда Федя вошелъ, онъ удивился, глядя, какою радостью дышало оживленное лицо Вани. Дѣвочка испугалась Феди, который слылъ за большаго сорванца, и хотѣла тотчасъ-же уйти.

— „Не уходи“, сказалъ Ваня и поманилъ къ себѣ брата. Обвивъ его шею рученками и видя что онъ смотритъ на нетронутую тарелку, Ваня добавилъ: „я не могъ съѣсть этого; позволь мнѣ отдать Аннушкѣ; она такъ голодна“.

Федя, молча, толкнулъ тарелку дѣвочкѣ.

— „Неужели ты и не вставалъ сегодня?“ спросилъ онъ у брата.

— „Я былъ очень нездоровъ“, сказалъ Ваня.

— „Онъ былъ ужасно боленъ“, вмѣшалась Аннушка, съ полнымъ ртомъ хлѣба. „Дама была здѣсь изъ пріюта и обѣщала привести доктора; ему стало лучше незадолго до того какъ ты пришелъ“.

Холодъ пробѣжалъ по жиламъ Феди и сердце замерло; онъ преодолѣлъ себя и сказалъ спокойно: „тебѣ надо чаю дать, я знаю, тебѣ вѣрно хочется“. Не часто бѣднымъ дѣтямъ приходилось чай пить, но во время болѣзни матери, они обзавелись чайникомъ и кружками и Федя помнилъ, что она охотно пила чай. Онъ послалъ Аннушку купить щепотку чаю и немного сахару, а самъ поставилъ кипятить воду въ сосѣдней кухнѣ.

Въ это время дверь распахнулась и вошелъ докторъ съ дамой изъ школы.

— „Да тутъ и собакѣ нездорово жить не только ребенку“, сказалъ докторъ, затыкая носъ платкомъ.

— „Ему какъ будто лучше, теперь“ замѣтила дама.

— „Лучше? Только чудомъ можетъ быть лучше въ такомъ мѣстѣ“. Онъ пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ языкъ, и задумался молча.

— „Онъ долго будетъ боленъ?“ спросилъ Федя, выступая изъ угла.

— „Нѣтъ, не долго“, отвѣчалъ докторъ, значительно взглянувъ на свою спутницу.

— „Онъ сильно кашляетъ по ночамъ“ прибавилъ Федя,“ и не спитъ отъ этого почти до утра“.

— „Я ему дамъ средство для этого, и также для того, чтобъ онъ спалъ. Больше для него нельзя и сдѣлать“, добавилъ онъ, обращаясь къ дамѣ.

Они вышли и Федя, нѣсколько утѣшенный словами доктора, сталъ снова заниматься чаемъ.

Слабенькій, безцвѣтный чай былъ выпитъ очень скоро, но хлѣбъ опять остался нетронутымъ у Вани.

— „Посиди подлѣ меня, поближе“, сказалъ Ваня, когда кружки были приняты. „Какъ ты думаешь Федя, когда я прійду на небо, я скоро тамъ отъищу маму?“

— „Да ты не умрешь, Ваня, докторъ сказалъ“; отвѣчалъ Федя и губы его дрожали.

— „Онъ не знаетъ, Федя, а я знаю, потому что я сегодня видѣлъ ангеловъ во снѣ“.

— „Ангеловъ?“ спросилъ Федя съ удивленіемъ.

— Да. Сказано въ Евангеліи: „пустите дѣтей, и не препятствуйте имъ приходить ко Мнѣ: ибо таковыхъ есть царство небесное“. Я это выучилъ въ школѣ. Теперь, Господь скоро пошлетъ за мной ангеловъ, чтобы я жилъ у Него“. сказалъ Ваня съ радостной улыбкой.

— „Ты, значитъ, радъ уйти и оставить меня“, — обиженно замѣтилъ Федя.

Маленькія, худыя ручки обняли его тотчасъ-же, и слабый голосокъ прошепталъ:

— „Я очень, очень люблю тебя, Федя, но, когда Господь зоветъ, я долженъ идти“.

Федя молчалъ, а Ваня добавилъ:

— „Только, Федя, какъ мнѣ хочется, чтобы ты тоже туда пришелъ!“

— „Какъ я туда приду?“ отвѣчалъ Федя, едва сдерживая слезы; „я туда не гожусь“.

— „Господь приметъ тебя, если ты попросишь Его“, живо отвѣтилъ Ваня.

— „Я объ Немъ ничего не знаю; разскажи мнѣ про Него“, сказалъ Федя изъ желанія утѣшить Ваню, болѣе чѣмъ изъ какого либо другаго побужденія. — Но, по мѣрѣ того, какъ Ваня разсказывалъ, своимъ дѣтскимъ языкомъ, все, что онъ слышалъ и запомнилъ о земной жизни Спасителя и о любви Его къ грѣшникамъ, Федя былъ пораженъ и слушалъ все съ большимъ вниманіемъ. Особенно поразило его то, что Богъ видитъ каждый его поступокъ и слышитъ всякое слово. Если это такъ, подумалъ Федя, то Богъ видѣлъ многое въ моей жизни, чего никто не видалъ, всѣ пороки и проступки, которые я такъ усердно скрывалъ отъ Вани. И первый разъ въ жизни, чувство страха овладѣло имъ при мысли о святости и благости Божіей.

Маленькій Ваня, слабый, умирающій, исполнялъ вѣрно, самъ того не подозрѣвая, свое земное назначеніе. Никого бы не сталъ слушать Федя, такъ, какъ слушалъ его въ эту минуту. И когда, немного спустя, Ваня рѣшился сказать ему, что онъ слышалъ о воровствѣ, сдѣланномъ Федей, дни два тому назадъ, бѣдный Федя, вмѣсто того, чтобы разсердиться и отойти отъ своего кроткаго обвинителя,

опустилъ голову молча, и залился слезами.

— „Ты больше не будешь этого дѣлать, неправда-ли?“ сказалъ Ваня, стараясь утѣшить брата „я знаю, тебѣ жаль теперь, и Богу тоже жаль, что ты такъ грѣшилъ. Онъ проститъ тебя, если ты будешь просить Его. Федя, ты обѣщаешь мнѣ, никогда больше не воровать; обѣщай мнѣ Федя“.

— „Я не могу“, отвѣчалъ Федя, стараясь встряхнуть тяжелое впечатлѣніе.

— „Я бы желалъ сказать мамѣ, когда увижу ее тамъ, на небѣ, что ты бросилъ всѣ твои дурныя привычки. Ты такой былъ ко мнѣ добрый, Федя, сдѣлай еще это для меня, прежде чѣмъ я уйду“.

— „Ваня“, началъ было Федя, и замолчалъ. Онъ хотѣлъ было сказать: „я ради тебя воровалъ, чтобы спасти тебя отъ голоду“, но онъ понялъ, что это сильно огорчитъ Ваню, и потому, подумавъ немного, онъ сказалъ:

— „Хорошо Ваня, я обѣщаю“.—И въ сердцѣ своемъ, онъ рѣшился исполнить обѣщаніе.

Радостная улыбка пробѣжала по лицу Вани: „я бы хотѣлъ, чтобы ты обѣщалъ мнѣ еще одну вещь“, сказалъ онъ, вкрадчиво.

— „На сегодня довольно будетъ“, отвѣчалъ Федя.

— „Это обѣщаніе поможетъ сдержать то“, прошепталъ Ваня, „тебѣ не такъ скучно будетъ одному, если ты будешь ходить въ школу“.

При словѣ школа, вся гордость Феди возмутилась, и дѣтское краснорѣчіе Вани съ трудомъ преодолѣло его предубѣжденіе. Однако, побѣда была наконецъ одержана и усталый Ваня протянулся на постели чтобы отдохнуть. Дѣло его было окончено, и, глядя на его просвѣтленное, мирное личико, можно было подумать, что онъ самъ сознавалъ это, и только ждалъ небесныхъ посланныхъ, чтобы улетѣть съ ними на небо. Сидя подлѣ него, Федя понималъ, что докторъ хотѣлъ только скрыть отъ него истину; онъ боялся лечь и заснуть, чтобы, проснувшись, не найти Ваню умершимъ. Но къ его радости, едва онъ открылъ глаза на слѣдующее утро, Ваня попросилъ его пѣть.

— „Вѣдь я не умѣю, Ваня“, сказалъ Федя, съ сожалѣніемъ.

— „Я бы такъ хотѣлъ послушать, какъ ты поешь, прежде чѣмъ я уйду. Что, еслибъ ты пошелъ въ школу сегодня?“ спросилъ Ваня.

Федѣ очень не хотѣлось: онъ боялся оставить Ваню, да и спички надо было продать хоть на хлѣбъ.

— „Не бойся меня оставить“, сказалъ Ваня съ увѣренностью.“ Я не уйду отъ тебя прежде чѣмъ не услышу какъ ты поешь: „нашъ край родной“.

Нечего было дѣлать; побѣдивъ стыдъ и гордость Федя отправился.—Въ школѣ его приняли ласково и когда узнали, что онъ хотѣлъ выучиться пѣть любимую пѣснь Вани, дѣти, по приказанію учительницы, нѣсколько разъ пропѣли ее, чтобъ онъ могъ затвердить и голосъ и слова.

Съ этого дня, начался переворотъ въ жизни Феди. Онъ постоянно посѣщалъ школу въ память Вани, умершаго вскорѣ послѣ того какъ онъ, съ помощью Аннушки, въ первый разъ пропѣлъ ему про „край родной“. Федю, жалѣя его одиночество взяли въ пріютъ и онъ сталъ честнымъ и полезнымъ человѣкомъ. Вспоминая прошедшее, онъ любилъ говорить, что маленькій братъ Ваня спасъ его отъ гибели душевной и тѣлесной.

Не всякій взрослый можетъ похвастать такимъ результатомъ своей жизни.

Какъ ваше здоровье?

— „Какъ ты поздно вернулся, сегодня“ сказала Лёля, встрѣчая въ передней отца своего, доктора, и освобождая руки его отъ шляпы и зонтика.

— „Много больныхъ было у меня въ пріемной, дитя мое. Въ это время года всегда больше разныхъ повѣтрій въ воздухѣ.

— „Пойди въ кабинетъ, папа, я зажгла твой каминъ; ты отдохнешь у огня въ большомъ креслѣ“.

Докторъ съ улыбкой повиновался распоряженіямъ своей маленькой, десятилѣтней хозяйки и сѣлъ въ кресло. Лёля, по обыкновенію, помѣстилась на ручкѣ.

„Много было дѣла въ больницѣ!“ спросила она.

„Да, много дѣла, но и утѣшенія много, когда удастся облегчить страданіе или прервать болѣзнь“.

„Какая отличная вещь здоровье“, сказала съ увлеченіемъ Лёля. „Мнѣ кажется, никто не можетъ сдѣлать столько добра, какъ добрый и искусный докторъ. Какъ люди толпятся тамъ, гдѣ надѣятся получить облегченіе отъ своихъ болѣзней! А ужъ сколько въ мірѣ разныхъ болѣзней и страданій, страшно и подумать! Кажется, первое, что у всѣхъ на умѣ, это здоровье, оттого люди когда встрѣчаются всегда первое что спрашиваютъ: какъ ваше здоровье? Они думаютъ, что когда здоровье хорошо, такъ и все должно быть хорошо“.

— „Да, не странно-ли, сказалъ докторъ, задумчиво глядя въ огонь, что мы гораздо болѣе заботимся о тѣлесномъ здоровьи, нежели о душевномъ?“

— „Что это значитъ душевное здоровье?“ спросила Лёля.

— „Душа, — та часть насъ самихъ, которая думаетъ, надѣется, страшится, любитъ; — душа, созданная, чтобы жить вѣчно, — подвержена столькимъ-же различнымъ болѣзнямъ какъ и наше смертное тѣло, и не трудно было-бы найти между душевными и тѣлесными болѣзнями нѣкоторое сходство: мы и такъ часто говоримъ о лихорадкѣ страстей, слѣпотѣ невѣжества, безуміи пьянства. Но не смотря на то, что болѣзни души несравненно страшнѣе тѣхъ, которыя нападаютъ на тѣло наше, мы прибѣгаемъ ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы сохранить здоровье тѣла, но не думаемъ и спросить себя: здорова-ли наша душа“?

— Я думаю, еслибы „какъ ваше здоровье?“ значило, „здорова-ли душа ваша?“ люди навѣрно обижались бы и сердились, когда-бы ихъ объ этомъ спрашивали.

— „Но какой-бы это былъ важный вопросъ, и какое глубокое имѣлъ-бы значеніе! Онъ-бы значилъ другими словами: въ безопасности-ли душа ваша? Нашла ли она міръ и покой? Избавлена-ли отъ угрызеній совѣсти? Отъ страха вѣчной смерти? Прибѣгли-ли вы къ истинному Врачу и исцѣлилъ-ли Онъ васъ, на вѣки?

— „Мнѣ кажется, многіе и не подозрѣваютъ что ихъ душа можетъ нуждаться въ исцѣленіи“, замѣтила Лёля.

— „А между тѣмъ, какъ описываетъ Св. Писаніе состояніе души нашей, по природѣ: „вся голова въ язвахъ, и все сердце исчахло. Отъ подошвы ноги до темени головы нѣтъ здороваго мѣста; язвы, пятна, гноящіяся раны“. (Исаіи 1. 5, 6).

— „А какъ можетъ быть исцѣлена душа?“ спросила Лёля.

— „Господь Спаситель, Который на крестѣ умеръ за души наши, Онъ одинъ можетъ исцѣлить страждущую душу. Въ словѣ Его святомъ можно найдти средство для всякой болѣзни, отъ которой можетъ страдать душа. Прошлую, ночь мнѣ приснился странный сонъ, который заставилъ меня какъ-то особенно глубоко задуматься о больныхъ душахъ. Глядя на матерей, приносившихъ въ пріемную своихъ исхудалыхъ, блѣдныхъ дѣтей, на больныхъ съ трудомъ передвигавшихъ ноги, приходившихъ за совѣтомъ и лекарствомъ, я думалъ: что, еслибы они также усердно искали помощи для души, лекарства отъ грѣховъ, такъ смертельно поражающихъ душу“!

— „А какой ты видѣлъ сонъ?“ спросила Лёля.

— „Я видѣлъ какъ будто я сижу въ пріемномъ покоѣ, на моемъ обыкновенномъ мѣстѣ, и принимаю приходящихъ больныхъ. Вокругъ меня не было ни леларствъ, ни инструментовъ. На столѣ лежала Библія и какой-то странный свѣтъ покоился на ней. Толпа людей ждала у дверей; кто веселый и съ здоровымъ видомъ, кто печальный и задумчивый, но я зналъ что тѣ и другіе опасно больны, могутъ умереть вѣчною смертію; а между тѣмъ, для каждаго изъ нихъ въ Библіи есть средство, способное исцѣлить самую упорную болѣзнь“.

— „Какой странный сонъ!“ замѣтила Лёля.

— „Я все видѣлъ ясно, какъ вижу тебя въ эту минуту“, продолжалъ докторъ, „способности мои такъ усилились, что я могъ, взглянувъ только, сказать какою душевною болѣзнію страдали стоявшіе передъ мною люди“.

— „Разскажи мнѣ о нихъ“, просила Лёля.

— „Первая была веселая, красивая дѣвушка, въ пестромъ нарядѣ, въ лентахъ и цвѣтахъ, съ развязнымъ видомъ, показывавшимъ ясно, что она очень любитъ веселье. Она и не подозрѣвала своей болѣзни, но я видѣлъ ясно что она больна вѣтренностью и легкомысліемъ, которыя, если не будутъ исцѣлены во время, доведутъ ее до весьма опаснаго состоянія. Я открылъ Библію и выписалъ для нея: „не любите міра, ни того, что въ мірѣ: кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей“. (1 Іоан. 2. 15).

— „Что-же, она взяла записку и исцѣлилась?“ съ любопытствомъ спросила Лёля.

— „Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, мнѣ не дано было видѣть дѣйствія написаннаго мною средства“, отвѣчалъ докторъ, „я предлагалъ его больному, но не имѣлъ власти заставить его воспользоваться имъ. Ему предлагалась жизнь или смерть, болѣзнь или выздоровленіе, онъ самъ долженъ былъ избрать то или другое. Есть, къ сожалѣнію, многіе, которые не желаютъ исцѣлиться отъ грѣха, — они любятъ свою болѣзнь, хотя и знаютъ, что она ихъ погубитъ“.

— „А еще какой больной приходилъ?“ спросила Лёля.

— „Слѣдующая больная была худая, истощенная женщина съ печальнымъ, озабоченнымъ лицомъ, съ рѣзкими чертами лица и впалыми глазами. Она была еще не стара, но въ волосахъ ея пробивалась сѣдина и на лицѣ были морщины. Видно было, что на сердцѣ ея лежало постоянно тяжелое бремя заботъ и страданій. Я ясно понималъ, во снѣ, что передо мной было несчастное существо, испытавшее сильное горе, но не научившееся заботы свои приносить къ Господу и оставлять ихъ у ногъ Его. Она, съ каждымъ днемъ, теряла силы и впадала все болѣе въ мрачную тоску, отъ которой самая жизнь была ей въ тягость.

— „Такъ вѣдь это несчастіе, а не грѣхъ“, сказала Лёля.

— „Грѣхъ—въ недовѣріи къ Богу, дитя мое, въ томъ что мы“ оставляемъ упованіе наше“, когда Богъ повелѣлъ намъ уповать на Него во всякое время. Съ чувствомъ глубокаго состраданія и съ молитвой я написалъ этой страждущей слова Спасителя: „пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“. (Матѳ. 11. 28).

„Затѣмъ, я увидалъ двоихъ, входившихъ вмѣстѣ въ пріемную, сестру и брата. Послѣдній, очевидно, шелъ неохотно, но его тащила за собой сестра. На лицѣ его выражалось тупое упрямство, глаза красные, налитые кровью, платье въ лохмотьяхъ, тѣло въ синякахъ; даже еслибы я и не былъ одаренъ во снѣ особенною способностью проникать въ тайны жизни человѣческой, я бы не могъ сомнѣваться что передъ мной—несчастная жертва пьянства.

„Я привела къ вамъ несчастнаго безумца“, сказала сестра, тономъ негодованія и презрѣнія. Я сомнѣваюсь, чтобы можно было излѣчить его, но хотѣла попробовать, на всякій случай. Посмотрите какъ онъ, въ припадкѣ пьянства, разодралъ одежду и обезобразилъ лицо объ фонарный столбъ. Его нельзя оставлять одного, онъ какъ бѣсноватый!“

„О гибельное безуміе“, подумалъ я, „оно влечетъ тысячи за тысячами въ бездну погибели!“ Съ глубокимъ вздохомъ я написалъ предостереженіе изъ слова Божія: „трезвитесь, бодрствуйте, потому что противникъ вашъ діаволъ ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить. Противустойте ему твердою вѣрою“. (1 Петр. 5. 8. 9). Подавая записку, я поднялъ глаза и посмотрѣлъ не на брата, а на сестру. Приличная по наружности женщина, съ такимъ негодованіемъ отзывавшаяся о грѣхѣ, и почитавшая себя внѣ опасности и въ полномъ здоровьи,

была совершенно слѣпа. Я видѣлъ ясно, что хотя она и не сознавала этого, она была также достойна сожалѣнія какъ и братъ ея.

— „Ваша душа также нуждается въ исцѣленіи“, сказалъ я.

— „Моя душа совершенно здорова“ отвѣтила она рѣзко, „и нечего о ней безпокоиться. Я исполняю мои обязанности и никому не дѣлаю зла“.

— „Но здѣсь и для васъ есть средство; дай вамъ Богъ имъ воспользоваться!“ ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ. Совѣтую тебѣ купить у меня золото, огнемъ очищенное, чтобы тебѣ обогатиться, и бѣлую одежду, чтобы одѣться; и глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видѣть“. (Откр. 3. 17. 18).

— „Отецъ, сказала Лёля съ удивленіемъ“, какой грѣхъ этой женщины; — что значитъ слѣпота душевная?“

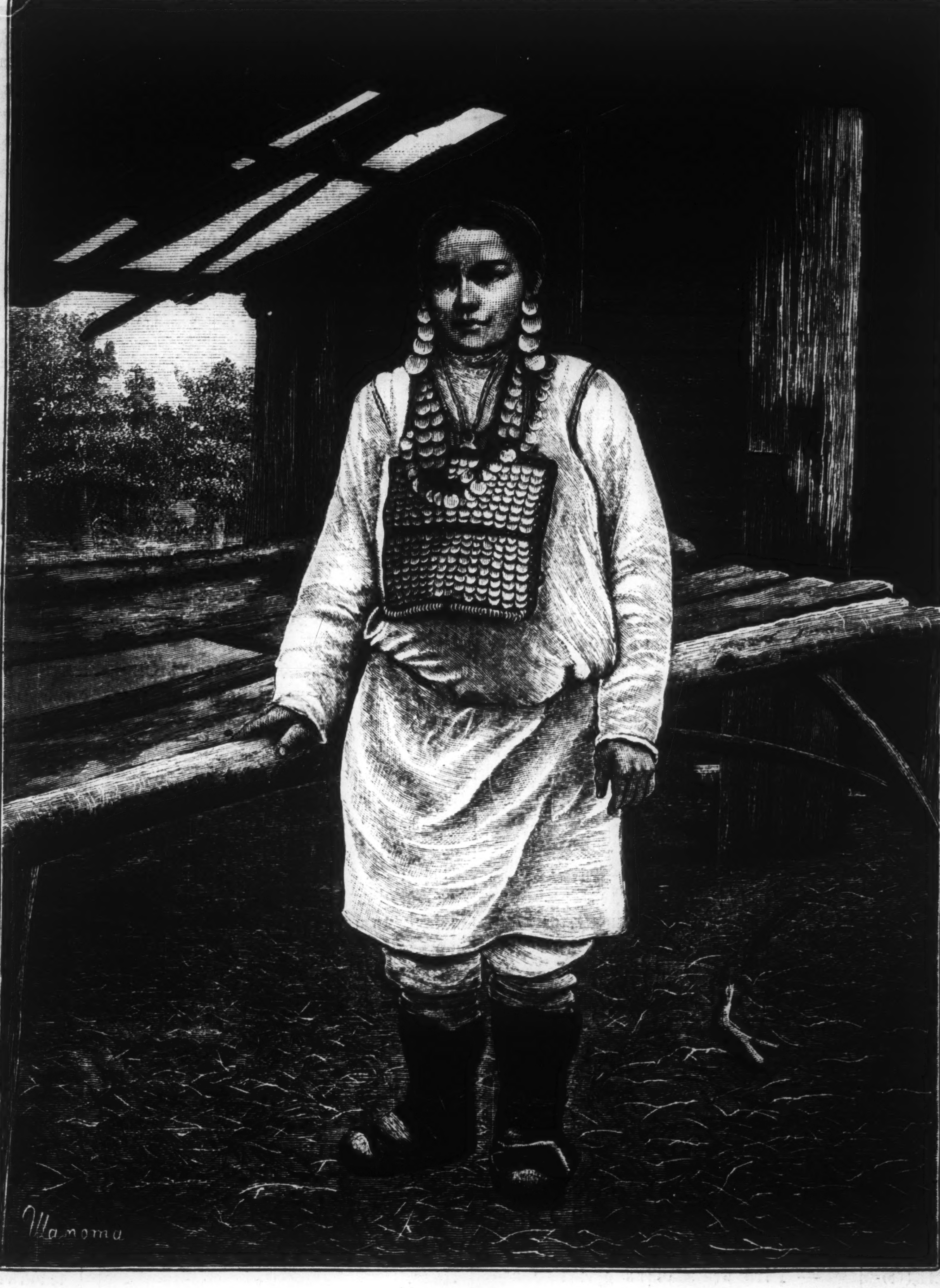
— „Самообольщеніе, желаніе постановить собственную праведность, которая скрываетъ отъ нея опасность, въ которой она находится. Она не сознаетъ себя грѣшницей и потому не взираетъ на Христа, Котораго заслугами мы только и можемъ быть спасены. Если кто либо говоритъ, что онъ не нуждается въ исцѣленіи, душа его слѣпа; ее окружаетъ мракъ невѣжества“.

— „А еще были больные„?

— „Да; еще вошелъ молодой человѣкъ, тотчасъ послѣ ссоры съ однимъ изъ сосѣдей. Щеки его раскраснѣлись, брови были сдвинуты, онъ скрежеталъ зубами. Я зналъ, что кровь его разгорячилась въ порывѣ гнѣва и разнузданныхъ страстей. Я протянулъ ему Библейское средство, прося его прочитать въ болѣе спокойную минуту, когда гнѣвъ его уляжется: „Всякое раздраженіе и ярость, и гнѣвъ, и крикъ, и злорѣчіе со всякою злобою да будутъ удалены отъ васъ; но будьте другъ къ другу добры, сострадательны, прощайте другъ друга, какъ и Богъ во Христѣ простилъ васъ“. (Ефес. 4. 31, 32). Затѣмъ, вошла женщина съ видомъ безнадежности и унынія. Она не искала и не ждала исцѣленія; одѣта она была бѣдно и небрежно, лице ея было печально; она не подымала глазъ. Глубокое горе было сокрыто подъ этой наружностью. Она, очевидно, почитала себя неизлѣчимою. Никто, на землѣ, не заботился о душѣ ея и она сама перестала о ней заботиться. На нее нашло онѣмѣніе отчаянія. Казалось, она не въ силахъ была протянуть руки за милостью, еслибы милость и была предложена ей. Она не разъ слыхала о любви Спасителя, но не могла вѣрить, чтобы любовь эта простиралась и на такую грѣшницу какъ она. Съ душевнымъ волненіемъ и тревогой я написалъ ей драгоцѣнныя слова, которыя, когда они приняты, усвоены вѣрою, даютъ жизнь гибнущей душѣ: „ко Мнѣ обратитесь и будете спасены“. (Исаіи 45, 22). „Приходящаго ко Мнѣ, не изгоню вонъ“. (Іоан. 6. 37). Я такъ быстро двинулся впередъ, чтобы подать ей записку и возбудить вниманіе страждущей женщины, что движеніе пробудило меня и сонъ мой кончился!“

— „Какой странный сонъ“, замѣтила Лёля, „и сколько въ немъ правды! Ты точно заглянулъ за занавѣску, которая скрываетъ отъ насъ настоящее состояніе нашихъ ближнихъ. Теперь, когда мнѣ случится быть въ толпѣ, я непремѣнно вспомню о больныхъ душахъ и подумаю, что бы каждая изъ нихъ отвѣтила на вопросъ: какъ ваше здоровье? въ переносномъ смыслѣ.

— „Лучше-же, дитя мое, сказалъ докторъ, ласково глядя на милое лицо дѣвочки,“ лучше предложи этотъ вопросъ самой себѣ. Въ какомъ состояніи твоя душа въ глазахъ Божіихъ? Остерегайся малѣйшаго признака зарождающейся болѣзни. Если ты почувствуешь дрожь равнодушія, тягость лѣни или небрежности, пылъ гнѣва или жгучую боль зависти, не засыпай въ безпечной увѣренности, что душа твоя здорова. Пекись и заботься о ней, потому что она драгоцѣнна. Береги ее отъ заразы дурныхъ подругъ и друзей, отъ вредной пищи дурныхъ книгъ. А главное, ежедневно прибѣгай, вѣрою и молитвою, къ всеблагому Врачу, который „прощаетъ всѣ беззаконія твои, исцѣляетъ всѣ недуги твои, избавляетъ отъ могилы жизнь твою, вѣнчаетъ тебя милостью и щедротами; насыщаетъ благами желаніе твое; обновляется, подобно орлу, юность твоя“. (Пс. 102. 3—5.

Чувашка.

Обѣщанія лукаваго.

Сатана обѣщаетъ самую лучшую плату и даетъ самую худшую. Онъ обѣщаетъ почетъ, а платитъ безчестіемъ; обѣщаетъ веселье, а платитъ страданьемъ; обѣщаетъ барышъ, а платитъ убыткомъ; обѣщаетъ жизнь и платитъ смертію.

Всѣ обѣщанія Божіи вѣрны, какъ Онъ Самъ. „Всѣ обѣтованія Божіи въ Немъ да и въ Немъ аминь“. (2 Кор. 1,20).

Правда груба—Богу люба. (Русская пословица).

—

Худыя сообщества развращаютъ добрые нравы. (1 Кор. 15, 33).

—

Кто разумѣетъ дѣлать добро и недѣлаетъ, тому грѣхъ. (Іак. 4, 17).

—

Послѣ смерти—нѣтъ покаянія. (Русская пословица).

—

Пословицы, существующія на различныхъ языкахъ по поводу пьянства, доказываютъ какъ вѣрно народный здравый смыслъ разпозналъ его вредъ и дурныя послѣдствія. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ пословицъ, какъ наши русскія такъ и чужеземныя:

„Водка входитъ, разумъ уходитъ“.

„Что у трезваго на умѣ—у пьянаго на языкѣ“.

„Пьянаго кошелекъ-бутылка“.

„Пьянство очки, чтобы видѣть діавола и всѣ дѣла его“.

„Пьянство яйцо, изъ котораго вылупляются всѣ пороки“.

„Пьянство выгоняетъ человѣка изъ самаго себя и замѣщаетъ его животнымъ“.

„Въ чемъ пьянымъ провинился,—въ томъ трезвымъ поплатишься“.

Условія подписки: „Русскій Рабочій“ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (Сергіевская ул. № 20) и въ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна годовой подписки безъ доставки 60 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ..... 75 к.
Съ пересылкою иногороднымъ....... 1 р.

Подписавшіеся на 50 и болѣе экземпляровъ за пересылку не платятъ.

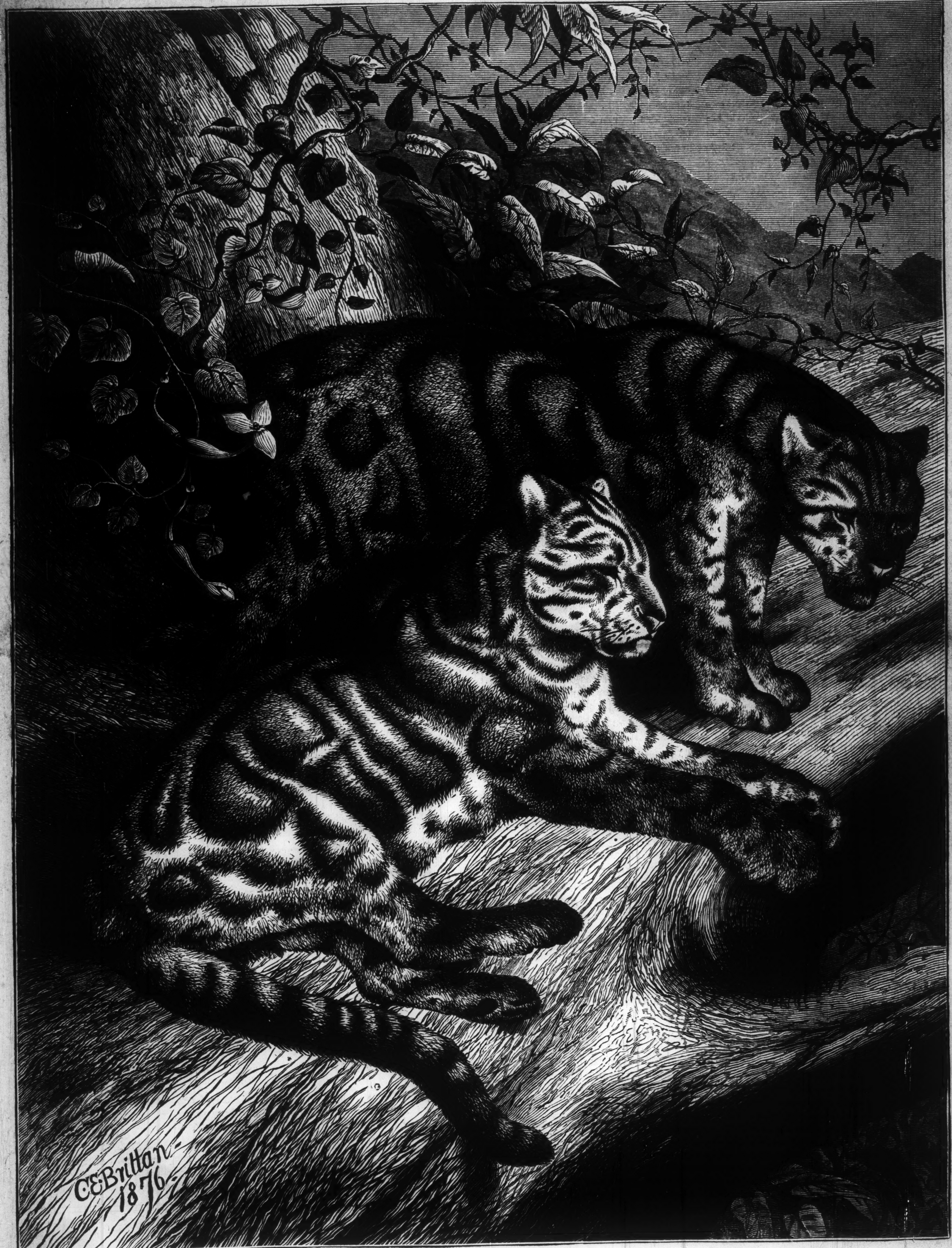
Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

Редакторъ М. Г. Пейкиръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Ноября 1880 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

№ 10. 1880 г. РУССКІЙ РАБОЧІЙ. Годъ 6.

Тигры.

Почему лавка закрылась.

Было воскресенье. Позавтракавъ плотно, Василій Терентьевичъ сошелъ въ свою лавку, съ трубкой въ зубахъ, немытый и нечесанный. Нельзя ему было и не сойдти въ лавку, разъ онъ не хранилъ дня Господня, по христіанскому обычаю, и въ церковь не ходилъ, чтобы не пропустить покупателей. Народъ заходилъ то за чаемъ, то за сахаромъ, то за селедкой, то за солеными огурцами, и мелкія деньги сыпались въ конторку. Между покупателями былъ господинъ, спокойно наблюдавшій за всѣмъ, что происходило, и ожидавшій, казалось, своей очереди. Когда всѣ ушли, хозяинъ повернулся къ нему:

— „А вамъ, сударь, что угодно“?

— „Самая цѣнная вещь въ вашей лавкѣ привлекла меня войдти“, отвѣчалъ тотъ.

Хозяинъ окинулъ взглядомъ всѣ полки съ недоумѣніемъ, и спросилъ:

— „Что же это такое?“

— „Ни одна изъ этихъ вещей. Вамъ дана на храненіе драгоцѣнность, которая не уничтожается, какъ всѣ эти товары“.

— „Не знаю, право, что вамъ нужно; но, кажется, вамъ по вкусу здѣсь ничего не найдется.

— „У васъ есть душа, о которой вы забываете; безсмертная душа, которой предстоитъ или спасеніе вѣчное или вѣчная погибель. Знаете-ли вы ей цѣну?“

— „Я вамъ скажу, что я знаю; я знаю, что не люблю проповѣдей у себя въ лавкѣ, и что мнѣ нѣкогда ихъ слушать“.

— „Я не умѣю проповѣдывать. Я пришелъ предостеречь васъ, съ братскою любовью, и спросить дорого-ли вы цѣните вашу безсмертную душу“?

Эти слова смягчили немного Василія и онъ отвѣчалъ:

— „Я не мастеръ разсуждать, да и не охотникъ. Вы, я знаю, намекаете на то, что у меня лавка открыта въ Воскресный день, а я вамъ скажу, что мнѣ надо много маленькихъ ртовъ накормить, кромѣ нашихъ съ женой, и что мнѣ не приходится терять покупателей“.

— „Я понимаю, совершенно; но вѣренъ-ли у васъ разсчетъ? Не требуетъ-ли онъ повѣрки? Начнемъ съ начала: скажите мнѣ, не обижаясь вопросомъ, сколько вамъ лѣтъ?“

— „Что-жъ тутъ обиднаго? я скажу кому угодно, что мнѣ сорокъ два года“.

— „Сорокъ два; вы имѣете видъ старѣе вашихъ лѣтъ. И не удивительно, если, вмѣсто шести дней, вы трудитесь семь дней въ недѣлю, не давая отдыха, ни уму, ни тѣлу, не измѣняя направленія мыслей и чувствъ. Истощая силы болѣе, нежели опредѣлено Создателемъ, вы, естественно сокращаете свою жизнь“.

— „Что вы говорите такое? Я не понимаю“; сказалъ лавочникъ, съ видимымъ безпокойствомъ.

— „Я дѣлаю разсчетъ, больше ничего“, отвѣчалъ посѣтитель“. Пятьдесятъ два дня разумнаго отдыха, на триста шестьдесятъ пять дней, составляютъ большую разницу для здоровья. Притомъ, если кто играетъ все только на одной струнѣ, струна должна порваться скорѣе, чѣмъ у тѣхъ, кто играетъ на нѣсколькихъ струнахъ, поочередно. Продолжая такимъ образомъ, вы не можете разсчитывать на долгую жизнь. Прикопили-ли вы денегъ на то время, когда вамъ придется оставить работу“?

— „Прикопилъ! Что вы, помилуйте, я, едва-едва, свожу концы съ концами“.

— „Въ самомъ дѣлѣ? А я бы могъ вамъ показать человѣка, который вашихъ лѣтъ, но имѣетъ видъ моложе васъ. Онъ работаетъ круто всю недѣлю, но, за золото, не станетъ терять день Воскресный. Дѣти его воспитываются очень дѣльно и капиталъ небольшой отложенъ на непредвидѣнный случай. Такъ что, какъ видите, вы немного выиграли, излишней работой, и даже трудитесь чисто въ убытокъ, если положите на вѣсы ваши воскресные барыши съ одной стороны, а съ другой, здоровье, силы, отдыхъ и, главное, благословеніе Божіе, которыхъ вы себя лишаете“.

— „Я объ этомъ никогда не думалъ, признаться. Конечно, если нѣтъ прибыли, то это чистая глупость, работать больше чѣмъ нужно. И если другой успѣваетъ лучше, не работая, то отчего-же и мнѣ не имѣть своего дня отдыха и развлеченія?“

— „Я не сказалъ, что это „вашъ день“; это день Господень и недостаточно провести его въ отдыхѣ или развлеченіи, чтобы исполнить заповѣдь Божію. „Ищите прежде всего Царствія Божія и правды Его“, и цѣните мудрость, сходящую свыше, дороже серебра и золота“.

— „Прекрасно; но вѣдь вы же говорите, что если я не буду торговать по воскреснымъ днямъ, то все будетъ въ порядкѣ, и душа моя спасется“.

— „Нѣтъ, этого я не говорю, но я говорю, что ищущій спасенія души не станетъ сидѣть въ лавкѣ, въ день Господень“.

— „Мнѣ кажется, вы не можете утверждать подобныхъ вещей; это значитъ судить ближняго, а въ Евангеліи сказано, что судить не слѣдуетъ“.

— „Но тамъ же сказано: „по плодамъ ихъ познаете ихъ“. Я знаю, что любящіе Бога не лишаютъ себя радости провести день въ молитвѣ и общеніи съ Богомъ. Они находятъ сладость въ исполненіи заповѣди, повелѣвающей посвятить этотъ день Богу и дѣламъ Царствія Его“.

— „Долженъ вамъ сказать правду: если-бы я и закрылъ лавку въ Воскресенье, то не для той цѣли, о которой вы говорите, а для отдыха, который считаю, дѣйствительно, полезнымъ, и для развлеченія, которое также необходимо. А о законѣ Божіемъ разсуждать, не мое дѣло“.

— „Не ваше дѣло? Скажите, пожалуйста, этотъ мальчикъ, что бѣжитъ по лѣстницѣ, сынъ вашъ?“

— „Да; одна изъ шести причинъ, заставляющихъ меня дорожить покупателями“.

— „Предположите, что мы его позовемъ сюда, вмѣстѣ съ остальными дѣтьми вашими, и скажемъ: Господь далъ намъ откровеніе, въ которомъ указалъ намъ путь добра и правды, путь къ счастію, на землѣ, и спасенію вѣчному. Въ законѣ Его, между прочимъ, сказано: „чти отца твоего и мать твою“. Но это не ваше дѣло знать волю Божію, вы можете и не почитать вашего отца, если не хотите. Онъ не желаетъ знать Божіихъ заповѣдей, а потому и вы можете обойтись безъ нихъ.

— „Позвольте, позвольте; это совсѣмъ не то; моимъ дѣтямъ слѣдуетъ почитать и слушать меня“.

— „По какому закону?“

— „По закону природы, наконецъ, если ужъ не по чему другому“.

— „А кто создалъ эту природу? кому она повинуется? Спросите себя, не слѣдуетъ-ли вамъ чтить Бога и повиноваться Ему такъ же, какъ вы находите должнымъ и естественнымъ, для вашихъ дѣтей, почитать и слушаться васъ?“

Странно, какъ все шло криво и косо въ этотъ день! Василій Терентьевичъ задумался не на шутку, а въ это время, трубочка его погасла. Онъ пошелъ на верхъ и кликнулъ жену, чтобы она сошла въ лавку вмѣсто него. Но у нея тоже было свое дѣло; она-боялась, чтобы пирогъ не подгорѣлъ, да и въ комнатѣ еще было не убрано: „Вася, ступай ты“, сказала она старшему сыну.

Вася ничего не имѣлъ противъ этого занятія, покуда его оставляли въ лавкѣ одного. Онъ тотчасъ же проглотилъ яблоко, потомъ, полѣзъ на полку за ячменнымъ сахаромъ, но, опуская пальцы въ банку, онъ увидѣлъ, какъ, въ щелку, съ завистью, смотрѣлъ на него маленькій братишка. Нечего дѣлать, надо было позвать его и подѣлиться леденцомъ, чтобы онъ не разболталъ свои наблюденія.

Въ это время, пришелъ мальчикъ изъ булочной, за изюмомъ. Васѣ не хотѣлось позвать отца, покуда у него за щекой торчалъ леденецъ, а у маленькаго брата на лицѣ текли сладкіе потоки и губы чмокали сахаръ. Онъ рѣшилъ самъ отвѣсить изюмъ, но неосторожно задѣлъ банку, хотѣлъ подхватить ее, упалъ, разсыпалъ изюмъ, и ушибся! Покуда онъ, въ испугѣ, потиралъ руку, мальчикъ изъ булочной собралъ съ полу разсыпанный изюмъ и убѣжалъ, съ тремя копѣйками въ карманѣ. Шумъ въ лавкѣ привлекъ сверху всю семью, и вотъ, передъ ними Вася, съ заплаканными глазами, съ уликой на лицѣ и съ разбитой банкой въ рукахъ; подъ ногами у него, грязный изюмъ и поломанные леденцы! Началась брань, слезы, оханья, улики, посреди которыхъ маленькій Миша невозмутимо сосалъ свой леденецъ. Когда успокоился шумъ и дѣтей увели на верхъ, Василій Терентьевичъ мысленно сосчиталъ убытокъ и подумалъ, что, пожалуй, утренній посѣтитель его былъ правъ. Ему захотѣлось уйдти изъ дому и подумать, на свободѣ.

— „Жена“, закричалъ онъ, надѣвая пальто, „я ухожу“.

— „А мнѣ, значитъ, сидѣть въ лавкѣ“, замѣтила та, сердито.

— „Можешь и закрыть ее, если хочешь; судя по началу, мы только наживемъ убытку сегодня.

— „Шутишь милый, цѣлую недѣлю будешь попрекать, если я закрою“.

— „Закрой, тебѣ говорятъ, и лучше дѣтьми займись; сама видишь какіе сорванцы ростутъ“.

Съ этими словами, разговоръ кончился, и супруга Василія Терентьевича, закрывъ за нимъ дверь, тотчасъ же заперла ставни въ лавкѣ, и отправилась на верхъ, размышляя, какъ бы ей воспользоваться неожиданной свободой. И что ей за радость, въ праздничный, день запереться въ кухнѣ, съ шестью дѣтьми, съ которыми нѣтъ никакого сладу. Лучше принарядиться и отправиться въ гости.

Такъ она и сдѣлала: наказавъ дѣтямъ не шалить, она заперла ихъ въ кухнѣ, и сама очутилась на улицѣ.

Василій Терентьевичъ, гуляя, зашелъ къ пріятелю, котораго не видалъ уже давно. Пріятель былъ также купецъ, человѣкъ очень набожный, но любившій прежде всего барыши, которые набѣгали у него, часто, и въ большихъ размѣрахъ. Однако, онъ не торговалъ по Воскреснымъ днямъ, и ходилъ въ церковь аккуратно, а потому и Василій Терентьевичъ почиталъ его благочестивѣе себя и пошелъ къ нему нарочно, чтобы потолковать объ этомъ предметѣ. Онъ нашелъ своего пріятеля, Ивана Андреевича, въ большомъ креслѣ, исхудалаго, блѣднаго, но съ какимъ-то новымъ выраженіемъ лица. Онъ поправлялся, послѣ долгой и тяжкой болѣзни.

— „Что, какъ идутъ дѣла?“ спросилъ, усѣвшись, Василій Терентьевичъ.

— „Дѣла? Какія дѣла?“ спросилъ больной.

— „Ваши дѣла, торговыя, разумѣется; кое-что упущено, по болѣзни, пожалуй“.

— „Объ этихъ дѣлахъ, что толковать въ Воскресный день“, сказалъ больной, „о нихъ потолкуемъ и въ будніе дни. Когда я лежалъ, день за днемъ, какъ пластъ, и передо мной, великая вѣчность простиралась, мало отрады дали они мнѣ, эти земныя дѣла. Что, хоть деньги и лежатъ въ конторкѣ, да ими себѣ покоя не купишь, здоровья не купишь, грѣха единаго не искупишь“.

— „Все-же, денегъ наживши, можно много добра сдѣлать“.

— „Добра сдѣлать, да, пожалуй; да, во-первыхъ, чтобы ихъ нажить приходится часто зло и неправду дѣлать, а во-вторыхъ, надо еще, чтобы сердце къ нимъ не пристрастилось, къ этому мамону неправедному, а въ третьихъ, сколько-бы ихъ ни было, грѣховъ ими не выкупить, говорю тебѣ“.

— „Отчего-же вы такъ думаете?

— „А вотъ отчего: покуда я лежалъ больной, пришелъ ко мнѣ одинъ бѣдняга, которому пришлось помогать, иной разъ. Онъ отослалъ жену отдохнуть, а самъ попросился, ночью, за мной походить. Я согласился: вижу, что у него радѣніе большое. Усѣлся онъ въ уголку, подъ лампадкой, сидитъ смирно, не шелохнется. Лицо такое благообразное стало, и глаза кверху подняты, въ молитвѣ. Я уснулъ; просыпаюсь около полуночи, смотрю, бѣдняга мой на колѣняхъ уже, слезы льются, а лицо радостное, и губы шевелятся. Экая, думаю, глубина,—душа человѣка,

кто въ нее проникнетъ! Вотъ этотъ, на улицѣ, и смотрѣтъ не на что; а здѣсь, точно ангелъ Божій. Должно быть, я шевельнулся, только онъ всталъ и подходитъ, тихонько.

— „О чемъ ты такъ молишься, Аѳанасій?“ спросилъ я. — „О тебѣ“, говоритъ, молился: „у меня здѣсь на землѣ ничего нѣтъ, а тамъ есть сокровище, на небѣ, а у тебя здѣсь много, а тамъ ничего нѣтъ“.

— „А почему ты знаешь?“

— „Потому что, гдѣ сокровище, тамъ и сердце, а сердце твое на землѣ“.

— „Да если сердце не на землѣ, такъ и дѣла не сдѣлаешь никакого. Дѣло, заботой да трудомъ, преуспѣваетъ“.

— „А ты то подумай, Иванъ Андреевичъ, что если сердце не на небѣ, теперь, пока ты живъ, то оно никогда тамъ не будетъ. А если не тамъ......“

Лицо его помрачилось; онъ не договорилъ. И мнѣ стало страшно. Началъ я раздумывать, какъ бы мнѣ съ совѣстью сладить и Бога умилостивить. А Аѳанасій точно подслушалъ мои мысли и говоритъ:

„Отвѣть-ка ты на вопросъ Господа Іисуса; Онъ спрашиваетъ: „какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?“

Замолчали мы оба; и я задремалъ. Вижу во снѣ, что мы съ Аѳанасіемъ, оба стоимъ у дверей Царствія Божія; онъ спокойный, радостный и въ свѣтлой одеждѣ, а я, въ страхѣ великомъ, и въ одеждѣ испачканной. Въ дверяхъ стоитъ ангелъ пресвѣтлый и вѣсы, въ рукѣ его. На вѣсахъ, съ одной стороны грузъ страшнѣйшій, такъ что, ни на волосъ, чаша отъ земли не поднимается; а на другой сторонѣ, какъ есть ничего. „Что ты сюда положишь“? спрашиваетъ ангелъ, указывая перстомъ на пустую чашку. Я ошеломѣлъ: „не припасъ, говорю, ничего“. — „Ступай-же на землю, еще на время“, говоритъ ангелъ, „ищи драгоцѣннѣйшую жемчужину, въ выкупъ за душу твою“. — Подошелъ Аѳанасій, и уже новый грузъ, но гораздо меньше моего, лежалъ въ лѣвой чашкѣ. „Ты что положишь?“ спросилъ ангелъ. Изъ самаго сердца своего, казалось, Аѳанасій досталъ что-то, и положилъ на вѣсы, которые, тотчасъ, перетянули весь грузъ и онъ, поднимаясь, разсыпался въ порошокъ; а въ это время, врата распахнулись, передъ Аѳанасіемъ. Я взглянулъ въ чашу вѣсовъ и увидалъ на ней, чистую, алую каплю крови. Ангелъ, съ любовію глядя на Аѳанасія, произнесъ: „кровь Іисуса Христа очищаетъ отъ всякаго грѣха“.

Проснулся я, и сердце такъ сильно билось, что я улежать не могъ. Аѳанасій сидитъ и тихо дремлетъ, а лицо его точно такое, какъ я видѣлъ во снѣ. Я сталъ горько плакать и разбудилъ его.

— „Что съ тобой, батюшка, Иванъ Андреевичъ? Никакъ, что пригрезилось?“ спрашиваетъ онъ, съ участіемъ.

— „Не состоятеленъ я, обанкрутился, и спасенья нѣтъ“.

— „Слава Богу“, сказалъ Аѳанасій, глядя вверхъ.

— „Гдѣ мнѣ взять жемчужину драгоцѣннѣйшую, и гдѣ выкупъ найдти? Все мое богатство ни къ чему“.

— „Слава Богу“, сказалъ Аѳанасій.

— „Погибъ я, погибъ на вѣки“.

— „Слава Богу“, повторялъ Аѳанасій.

— „Какъ слава Богу? что ты твердишь одно и то же? я говорю, что я погибъ“.

— „А я говорю, отвѣчалъ Аѳанасій“, слава Богу, потому что Христосъ „пришелъ взыскать и спасти погибшее“. Если ты не состоятеленъ, Иванъ Андреевичъ, то Христосъ состоятеленъ, и если тебѣ нечѣмъ выкупить душу, то взгляни на крестъ, и ты увидишь, что Онъ уже искупилъ ее честною кровію Своей: „кровь Іисуса Христа очищаетъ отъ всякаго грѣха“.

Какъ сказалъ онъ эти слова, такъ мнѣ все прояснилось и на душѣ стало легче, и взоръ отъ креста не отрывался.

„Помолись за меня, Аѳанасій, точно небо спускается мнѣ въ душу“.

Аѳанасій сталъ опять молиться, и я молился съ нимъ, внутренно, и казалось мнѣ, что грузъ грѣховъ моихъ кто-то поднялъ съ меня, и голосъ съ неба говорилъ мнѣ, ясно: „Я умеръ за тебя, живи ты для Меня, Я далъ выкупъ за душу твою, Я драгоцѣннѣйшая жемчужина, Я твое сокровище, на небесахъ“.

Вотъ съ той поры, братецъ мой, сталъ я поправляться тѣломъ, а духомъ чувствую, что я тотъ, да не тотъ; новыя мысли, новыя чувства, душа стремится къ тѣмъ вратамъ, что мнѣ приснились, и земное все опостыло. Повѣрь мнѣ, напрасно человѣкъ трудится для того, что не насыщаетъ и отдаетъ силы свои на то, что такъ непрочно“.

Старикъ замолчалъ. Василій Терентьевичъ тоже не нашелъ что сказать. Онъ попрощался и вышелъ. У дверей дома своего онъ встрѣтилъ супругу свою, сіяющую отъ неожиданнаго развлеченія и вкуснаго кофе, которымъ поподчивала ее пріятельница. На верху, слышался страшный крикъ, дѣтскій, и топотъ дѣтскихъ ногъ, но, къ удивленію жены и дѣтей, Василій Терентьевичъ не сказалъ ни слова.

Подали чай, напоили дѣтей и послали спать. Супруги остались одни, у самовара.

— „Есть, гдѣ-нибудь въ домѣ, Евангеліе?“ спросилъ Василій Тереньевичъ.

— „Есть у Васи, для школы; тамъ спрашиваютъ“, отвѣчала жена его.

— „Принеси сюда“.

Она отправилась, пожимая плечами.

— „Ты, сегодня, совсѣмъ съ ума сошелъ“, сказала жена, подавая Евангеліе.

— „Кто знаетъ, можетъ быть на умъ набрелъ“, сказалъ, не обижаясь, Василій Терентьевичъ; „мнѣ хочется одинъ вопросъ найдти“.

— „Какой вопросъ?“

— „Какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?“

— „Да что тебѣ, съ этимъ вопросомъ?“

— „Надо на него, когда-нибудь, отвѣтить.

— „Такъ когда-нибудь, а не теперь“.

— „А кто знаетъ, когда это „когда-нибудь“ настанетъ. Вотъ, Иванъ Андреевичъ чуть было не умеръ, на прошлой недѣлѣ. Лучше быть готовымъ“.

— „Есть тутъ время быть готовымъ; бѣгаешь, какъ угорѣлая, отъ одного дѣла къ другому, цѣлый день и всякій день, такъ что голова трещитъ“.

— „Да, это правда, чистая мельница. Сегодня, заходилъ сюда одинъ человѣкъ, который говорилъ, что мы ничего не потеряемъ, а напротивъ, выиграемъ, если будемъ закрывать лавку, по Воскресеньямъ. И, кажется, Вася оправдалъ его слова“.

— „Да что съ тобой, сегодня?“ воскликнула, совсѣмъ озадаченная, мать семейства.

— „Я, по правдѣ сказать, самъ не знаю; переломъ въ жизни насталъ. Думаю о смерти, и знаю, что не готовъ, да и ты тоже“.

— „Если закрывать лавку, по Воскреснымъ днямъ, поможетъ дѣлу, — я не прочь. Мнѣ тоже не мѣшаетъ отдохнуть и развлечься, разъ въ недѣлю“.

— „Нѣтъ, это не поможетъ дѣлу, и развлеченіемъ не отвѣтишь на вопросъ о выкупѣ души“.

Наступилъ понедѣльникъ, и вся недѣля быстро прошла, въ обычныхъ занятіяхъ. Въ субботу вечеромъ, за чайнымъ столомъ, Василій Терентьевичъ возобновилъ разговоръ съ женой:

— „Всю недѣлю думалъ я, и рѣшилъ, что нечего намъ долѣе противиться“.

— „Чему противиться?“

— „Заповѣди Божьей; шесть дней дѣлай, а седьмой Господу Богу Твоему. Надо и о своихъ душахъ позаботиться и дѣтямъ добрый примѣръ подать. А то, не ихъ вина будетъ, если они выростутъ для каторги“.

На слѣдующій день, лавка была заперта. Сосѣди не могли надивиться. Одни говорили, что Василій Терентьевичъ умеръ, другіе, что разорился... Но нѣтъ; ни то, ни другое не было правда; онъ только что начиналъ жить и богатѣть. Разоряется тотъ, „кто собираетъ сокровища для себя, а не въ Бога богатѣетъ“.

Василій Терентьевичъ пошелъ, съ женою, въ церковь, а вернувшись, увидалъ на улицѣ своего знакомаго незнакомца, который, глядя на закрытую дверь его лавки, видимо радовался. Онъ зазвалъ его къ себѣ и долго у нихъ шла бесѣда о Царствіи Божіемъ и правдѣ Его. „Боящіеся Бога говорили другъ другу и внималъ Господь и предъ лицемъ Его писалась памятная книга о боящихся Господа и чтущихъ имя Его“.

Всякое Воскресенье, лавка была закрыта, и въ домѣ Василія Терентьевича стали чтить имя Божіе.

Все хорошо, на своемъ мѣстѣ.

Пила хорошая вещь, но не для того, чтобы ею бриться. Пріятель нашъ взялъ пилу и сталъ бриться. Конечно, онъ отрѣзалъ не одни волосы, а прихватилъ и щеку, — а потомъ сталъ винить пилу. Значитъ, у него надъ бородой, не хватило мозгу, чтобы понять, что пилой можно только поранить себя. Для всякаго дѣла, надо разумно выбирать свои орудія: изъ свинаго хвоста не сдѣлаешь стрѣлы, и изъ свинаго уха, кошелька. И полезная вещь не годится, если она не на своемъ мѣстѣ, и полезный человѣкъ, если онъ не при своемъ дѣлѣ. Одинъ лучше въ городѣ, а другой, въ деревнѣ; одинъ въ лавкѣ, а другой, на полѣ. Улитка никого не перегонитъ, на бѣгу, и мышь не потащитъ пушку. Идти противъ природы и наклонностей, то же, что грести противъ вѣтра и теченія. Говорятъ, будто глупца надо хвалить, покуда выхвалишь изъ него пользу. Правда-ли это, еще вопросъ; а то правда, что тупымъ ножомъ, скорѣе обрѣжешь палецъ себѣ, и тупымъ топоромъ бѣды надѣлаешь. Не ставьте человѣка на дѣло, къ которому онъ неспособенъ, онъ его никогда не сдѣлаетъ хорошо. Не вбивайте круглый клинъ въ четырехъугольную дыру; не заводите часовъ штопоромъ. Поставьте человѣка на его мѣсто, и дѣло пойдетъ у васъ, какъ коньки по льду. Не заставляйте кота караулить рыбу, не приставляйте вора къ деньгамъ, а то не увидите ни рыбы, ни денегъ. Грѣхъ вводитъ людей въ искушеніе.

Если хочешь, чтобы дѣло было сдѣлано, сдѣлай его самъ, а если хочешь сдѣлать его хорошо, толково выбирай свои орудія. Если ты бьешься объ закладъ, чтобы выиграть деньги, то твое орудіе плохое, и ты самъ срѣжешься; если ты играешь въ карты, въ надеждѣ обогатиться, то ты дѣлаешь ту же глупость, что нашъ пріятель, который взялъ пилу, чтобы побриться, и изранилъ самого себя. Честный трудъ и жизнь безъ прихотей — вотъ бритва; а картежная игра — пила.

Есть вещи, которыя надо дѣлать тихонько; напримѣръ, обличать людей въ ихъ проступкахъ. Вѣдь ты не пойдешь за топоромъ, чтобы разбить яйцо, и не возьмешь булыжникъ, чтобы убить муху. Не раздувай же и вину сосѣда, до небесъ. Не заряжай ружья, чтобы убить комара, и не подымай крику изъ-за пустяковъ.

Не бросай, однако, пилы, потому что она не бритва; пилой отпилишь кость, хоть и не обрѣжешь волосъ. Точильный камень не рѣжетъ, но точитъ ножъ, который рѣжетъ. Спичка не много свѣтитъ, но зажигаетъ свѣчу, которая свѣтитъ. Употребляй все и всѣхъ, со смысломъ, и будетъ толкъ.

Выбирая орудіе, смотри не на красу его, а на пригодность. Хорошій рабочій и съ дурнымъ инструментомъ сладитъ, какъ храбрый солдатъ съ дурнымъ оружіемъ; но всеже, лучше выбрать удобное, чѣмъ красивое, и полезное, чѣмъ блестящее. Лучше ѣхать на клячѣ, которая везетъ, чѣмъ на рысакѣ, который брыкается; лучше копать старой лопатой, чѣмъ новой штукой, которую не понимаешь.

Если тебѣ жаль людей, и ты бы хотѣлъ помочь имъ, въ ихъ скорбяхъ и нуждахъ, знай, что лучшее орудіе для этого — Слово Божіе, т. е. Священное Писаніе. Вѣ человѣческія измышленія и умствованія — пила, которая ранитъ, а не помогаетъ. Слово Божіе — бритва острая, „мечь острый съ обѣихъ сторонъ“, который проникаетъ въ душу и исполняетъ въ ней дѣло любви Божіей, безъ ошибки.

„Всему свое время, и время всякой вещи подъ небомъ“.

„Кто наблюдаетъ вѣтеръ, тому не сѣять; и кто смотритъ на облака, тому не жать".

„Всякое дѣло Богъ приведетъ на судъ, и все тайное, хорошо-ли оно или худо". Екклезіастъ. Гл. 3. 1. 11. 4. и 12. 14.

Городъ убѣжища.

Лѣтнее солнце, палящими лучами, жгло поля и долины земли Іудейской. Толпы жнецовъ отдыхали, въ тѣни; роскошныя кисти винограда созрѣвали въ виноградникахъ, на склонѣ горъ. Миръ и изобиліе царствовали повсюду, въ благословенной Богомъ странѣ, о которой, съ такой благодарной радостью, воспѣвалъ Богу царь Давидъ: „Ты вѣнчаешь лѣто благости Твоей, и стези Твои источаютъ тукъ; источаютъ на пустынныя пажити, и холмы препоясываются радостію. Луга одѣваются стадами и долины покрываются хлѣбомъ; восклицаютъ и поютъ".

Но вотъ, посреди этой картины мирнаго отдыха, появляется человѣкъ, бѣгущій, изо всѣхъ силъ, по дорогѣ. Онъ сбросилъ верхнее платье, капли пота струятся по лицу его, выражающему страхъ. Онъ пробѣгаетъ мимо жнецовъ, не останавливаясь, и, на ихъ удивленныя лица, отвѣчаетъ словомъ „убѣжище!" Проводивъ его глазами, они оборачиваются назадъ, съ ужасомъ, какъ-бы ожидая чего-то; и, дѣйствительно, тамъ вскорѣ, появляется другой человѣкъ, бѣгущій по слѣдамъ перваго. Это мститель за кровь, догоняющій несчастнаго, совершившаго неумышленное убійство. Онъ бѣжитъ, по слѣдамъ его, съ обнаженнымъ мечемъ, въ рукахъ и, на лицѣ его, выражается и печаль о погибшемъ и жажда мщенія.

Но, послѣдуемъ, еще, за бѣглецомъ: мучимый жаждою, съ вожделѣніемъ, смотритъ онъ на мимотекущій источникъ, но остановиться не смѣетъ! Тѣнь деревьевъ манитъ его, своею прохладою; но онъ не смѣетъ и взглянуть на нее; жизнь его въ опасности. Всѣмъ встрѣчнымъ, онъ повторяетъ одно слово: „убѣжище", и бѣжитъ далѣе. Вотъ, дорога раздѣляется; не ошибется-ли онъ, которую избрать? Нѣтъ, одного взгляда, на бѣгу, достаточно, чтобы прочитать на столбѣ надпись: „убѣжище".

Солнце садится. Со стѣнъ города, часовой смотритъ на долину, и его равнодушный взоръ вдругъ оживляется; онъ видитъ, на небольшомъ разстояніи, бѣгущаго и преслѣдующаго, и убійцу и мстителя. Первый, усталый, изнеможенный, — почти у самыхъ воротъ, въ тѣни стѣнъ желаннаго города; другой — неотступно, слѣдуетъ за нимъ, по пятамъ. Съ горячимъ участіемъ, часовой, со стѣны, ободряетъ бѣгущаго. Еще послѣднее усиліе и открытые врата достигнуты! Пробѣжавъ еще нѣсколько шаговъ, несчастный падаетъ, обезсиленный. Но, теперь, онъ въ безопасности; онъ достигъ города „убѣжища", за стѣны котораго мститель не можетъ проникнуть. Не достигнувъ цѣли, тотъ замедляетъ шагъ, и кладетъ мечь въ ножны, зная, что онъ, на вѣки, потерялъ свою жертву.

Городъ убѣжища.

Читатель, разсказъ этотъ напоминаетъ тебѣ, какъ, при раздѣленіи земли Ханаанской, между колѣнами Израилевыми, Господь повелѣлъ избрать шесть городовъ, для убѣжища, въ которые позволено было „убѣгать убійцѣ, убившему человѣка неумышленно". И будутъ у васъ города сіи убѣжищемъ отъ мстителя за кровь".

Въ то же время, разсказъ этотъ изображаетъ грѣшника, который, въ сознаніи вины своей, стремится взяться за предлежащую надежду, ища убѣжища въ Іисусѣ Христѣ. Покрытый грѣхами, убѣжденный въ строгости праведнаго закона Божія, который онъ нарушилъ, онъ знаетъ, что ему грозитъ неминуемая погибель и, что онъ долженъ бѣжать отъ грядущаго гнѣва. Но бѣжать куда? Какая радость для него и для всѣхъ страждущихъ подъ гнетомъ грѣха, что слово Божіе, указывающее на опасность, указываетъ, въ то-же время, и на вѣрное убѣжище отъ заслуженнаго гнѣва Божія. Туда стремится онъ, не обращая вниманія на земные голоса, останавливающіе его, на земныя связи, удерживающія его, на земныя радости, прельщающія его. Станетъ-ли онъ медлить, когда погибель надъ головою; нѣтъ, онъ стремится впередъ. Передъ нимъ, прямая дорога; „идущіе этимъ путемъ, даже неопытные, не заблудятся"; наставленіе для пути просто: „вѣруй въ Господа Іисуса Христа и спасешься"; онъ не можетъ терять времени; надежда привлекаетъ его къ блаженному убѣжищу. Наконецъ, каковъ бы ни былъ путь, онъ достигаетъ его. Онъ входитъ во врата; онъ безопасенъ. Правосудіе не преслѣдуетъ его болѣе, ибо „нѣтъ нынѣ никакого осужденія тѣмъ, которые во Христѣ Іисусѣ".

Читатель, достигъ-ли ты этого убѣжища? Ты знаешь, что правда Божія подписала твой смертный приговоръ. Какъ избѣжишь ты, вознерадѣвъ о столь великомъ спасеніи?

Благодари Бога, что Имъ данъ Спаситель, сильный, и жаждущій спасти тебя, Который, приходящаго къ Нему не изгоняетъ вонъ, Который былъ вознесенъ на крестъ, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную.

> „ЛЮБОВЬ НЕ ДѢЛАЕТЪ БЛИЖНЕМУ ЗЛА; И ТАКЪ, ЛЮБОВЬ ЕСТЬ ИСПОЛНЕНІЕ ЗАКОНА".
>
> Рим. 13, 10.

Сѣять и пожинать.

Не всѣ плачущіе блаженны. Блаженны тѣ, которые плачутъ о грѣхахъ своихъ, о страждущихъ ближнихъ, о погибающихъ душахъ. Самъ Господь зналъ эти слезы и проливалъ ихъ.

Христіанинъ, нерѣдко, со слезами и тяжелымъ сердцемъ, восходитъ, тернистымъ путемъ, къ желанной цѣли. Его собственная грѣховность и частыя паденія причиняютъ ему наибольшее горе. Но эти слезы драгоцѣнны, въ глазахъ Божіихъ: „у Тебя исчислены мои скитанія" говоритъ Давидъ въ 55-мъ Псалмѣ, „положи слезы мои въ сосудъ у Тебя, — не въ книгѣ-ли онѣ Твоей?"

Нерѣдко также, трудясь въ виноградникѣ Божіемъ, на безплодной и неблагодарной почвѣ, христіанину кажется, что напрасно сѣетъ онъ доброе сѣмя! Но если только онъ сѣетъ вѣрою и поливаетъ слезами, то, навѣрно, соберетъ драгоцѣнные колосья и будетъ радостно восклицать во время жатвы: „не осталось не исполнившимся ни одно слово изъ всѣхъ добрыхъ словъ, которыя Господь говорилъ; все сбылось".

Что сѣешь ты, читатель? Слезы твои лились-ли, когда-либо, о грѣхахъ твоихъ? Обливалъ-ли ты слезами, какъ Марія, ноги Спасителя твоего? Если нѣтъ, то пора тебѣ плакать, пора сѣять для вѣчности „дабы плодъ твой былъ святость, а конецъ жизнь вѣчная".

„Не обманывайтесь; Богъ поругаемъ не бываетъ. Что посѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ". Гал. 6. 7.

„Оравшіе нечестіе и сѣявшіе зло, пожинаютъ его". Іова 4. 8.

„Такъ какъ они сѣяли вѣтеръ, то и пожнутъ бурю". Осіи 8. 7.

„Сѣющій въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ тлѣніе". Гал. 6. 8.

„Сѣющему правду — награда вѣрная". Притч. 11. 18.

„Сѣющій въ духъ, отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную. Дѣлая добро да не унываемъ; ибо, въ свое время пожнемъ, если не ослабѣемъ". Гал. 6. 8, 9.

Мнѣ пришлось, однажды, слышать длинный разговоръ вѣрующаго съ невѣрующимъ, и у меня врѣзались послѣднія слова, сказанныя вѣрующимъ: „Вы имѣете весьма слабое понятіе о Богѣ, если не можете положиться на Него".

Условія подписки: „Русскій Рабочій" выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (Сергіевская ул. № 20) и въ книжныхъ магазинахъ.
Цѣна годовой подписки безъ доставки 60 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .... 75 к.
Съ пересылкою иногороднымъ .... 1 р.
Подписавшіеся на 50 и болѣе экземпляровъ за пересылку не платятъ.

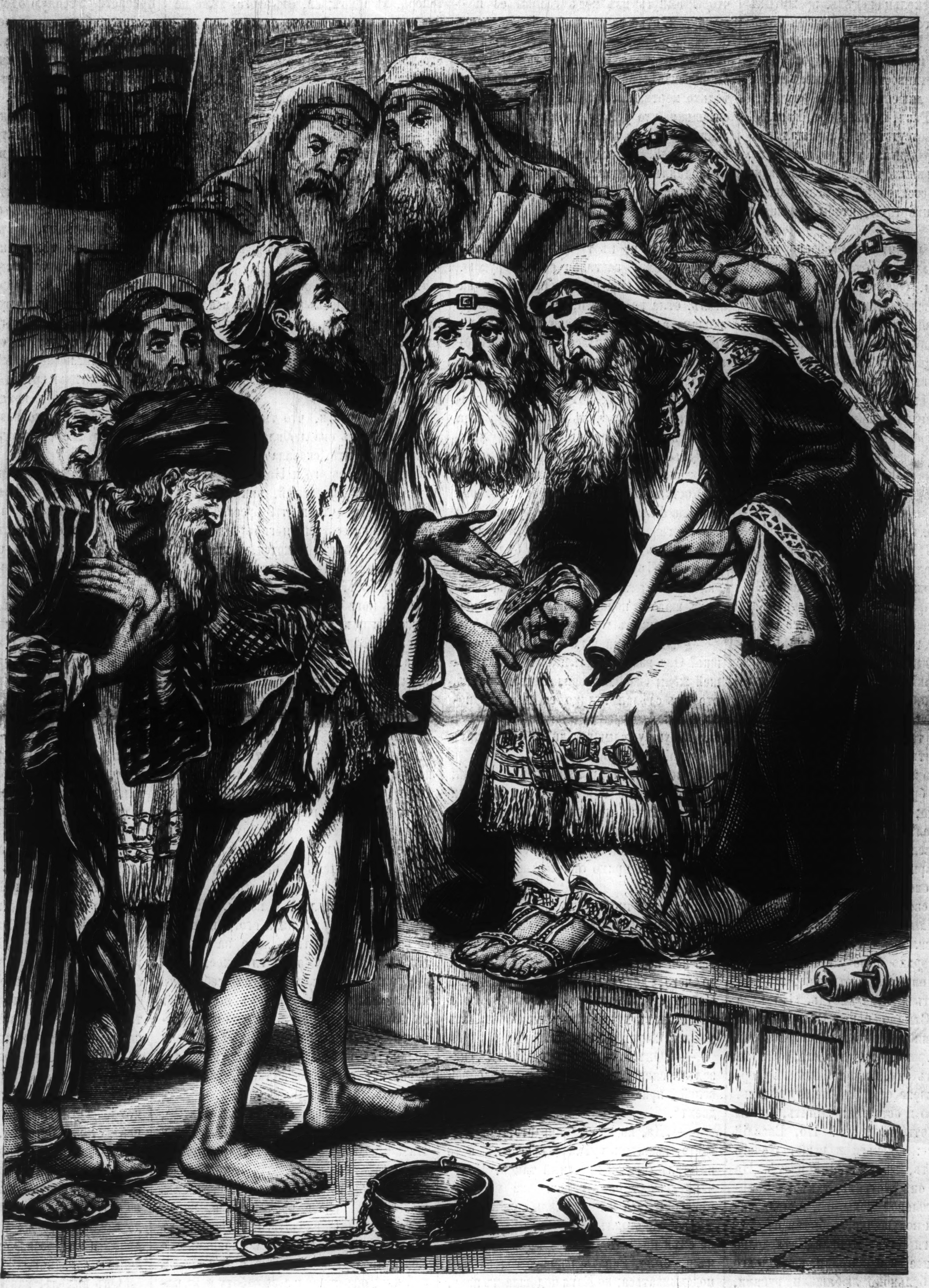
Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Февраля 1881 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

№ 11. 1880 г. РУССКІЙ РАБОЧІЙ. Годъ 6.

Слѣпорожденный передъ фарисеями.
(Ев. Іоанна гл. 9.)

„ОДНО ЗНАЮ, ЧТО Я БЫЛЪ СЛѢПЪ; А ТЕПЕРЬ ВИЖУ."

Черные дни.

(*Продолженіе.*)

Прошло нѣсколько недѣль, прожитыхъ въ холодѣ и голодѣ Наташей и ея больной матерью. Василій пропадалъ по цѣлымъ днямъ; и еслибы не добросердечіе сосѣдей и заботливость Кати, жена и дочь его были бы лишены даже и скуднаго куска хлѣба. Разъ, подъ вечеръ, Василій, послѣ долгаго отсутствія, возвращался домой, еле передвигая трясущіяся ноги. Онъ, съ большимъ трудомъ, взошелъ на лѣстницу и обезсиленный, прислонился къ двери своей квартиры, чтобы перевести дыханіе.

Внутри, было что-то особенно тихо: не слышно было ни дѣтскаго голоса, ни кашля матери. Онъ растворилъ дверь и медленно вошелъ. Комната была пуста! Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось ему, съ перваго взгляда; но, когда онъ посмотрѣлъ вокругъ себя, взоръ его упалъ на безмолвную, неподвижную фигуру, лежащую на лавкѣ; и, подлѣ нея, прислоненную объ стѣну, крышку отъ гроба! Содрогнулся несчастный пьяница, и, съ трепетомъ, подошелъ къ умершей. Она лежала такая мирная, успокоенная, одѣтая въ бѣлое платье добрыми сосѣдками, которыя закрыли ей глаза и приняли послѣдній вздохъ ея. Глухой стонъ вырвался изъ устъ Василія; онъ бросился на колѣни, и долго, долго стоялъ, опустивъ голову на сложенныя руки почившей. Наконецъ, онъ приподнялся, и посмотрѣлъ въ лицо жены своей. Сошли съ него слѣды страданія и горя; отерта была, Рукою Божіею, послѣдняя слеза; остался одинъ только глубокій миръ; кроткія уста точно улыбались. Она снова казалась молодою и прекрасною, какъ въ тотъ день, когда онъ такъ горячо любилъ ее и клялся любить и беречь всю жизнь. Какъ хорошо было имъ, тогда, вмѣстѣ! А, потомъ? Онъ бросилъ ее, для постыднаго грѣха своего; бросилъ ее, въ нищетѣ и горѣ и довелъ ее до скорбнаго конца! Да; онъ довелъ ее до этого; онъ убилъ ее также вѣрно, хотя болѣе жестокою и медленною смертью, чѣмъ еслибы обагрилъ руки свои кровію ея. Въ глазахъ Божіихъ, если не въ глазахъ людей, онъ убійца! Василій все стоялъ и смотрѣлъ; и горько, горько было у него на душѣ. Наконецъ, ему стало страшно; захотѣлось вырваться куда-нибудь. Но куда дѣваться? Стыдно показаться на глаза хоть кому-нибудь изъ сосѣдей: всѣ они станутъ укорять, осуждать его; станутъ разсказывать ему, въ какой нищетѣ умерла бѣдная жена его. Что-же ему дѣлать? Одно только и остается: выпить, чтобы забыться хоть на время! Но, Василій пропилъ все: и деньги и вещи. Нечего болѣе искать, въ жалкой комнатѣ. На что же это онъ смотритъ, такъ пристально? Подъ головой жены его, лежала чистая, бѣлая подушечка, добытая на трудовыя деньги Кати. Добрая Катя долго копила на нее свои копѣйки, и незадолго до смерти больной, любящими руками, положила ее подъ усталую голову. Хозяинъ трактира, по знакомству, пожалуй, согласился бы обмѣнять эту мягкую, почти новую подушку на водку, и далъ бы за нее напиться, вдоволь. Василій, сначала, ужаснулся при одной мысли потревожить послѣдній покой жены своей для того, чтобы вынуть изъ подъ головы ея подушку, и отнести въ кабакъ! Но, мало по малу, имъ стала овладѣвать какая-то отчаянная тоска и рѣшимость. Наташа была неизвѣстно гдѣ; въ комнатѣ, одна только мертвая, страшная тишина; такая страшная, что у Василія ноги подкашивались и сердце замирало. Онъ нагнулся къ умершей, протянулъ дрожащія руки, приподнялъ неподвижную голову, и вытащивъ подушку, бросился, съ нею, вонъ изъ комнаты.

Нѣсколько минутъ спустя, дверь опять растворилась и, въ ту же комнату, тихими шагами, застилая свѣчку рукою, вошла Катя. Она поставила свѣчку на столъ, сѣла на лавку и, опустивъ голову, заплакала; потомъ, встала, подошла къ умершей и наклонилась, чтобы поцѣловать ее. Голова была опрокинута назадъ, и подушки не было! Катя вскрикнула и всплеснула руками; потомъ, вдругъ, точно догадалась въ чемъ дѣло, набросила платокъ на голову и выбѣжала на улицу.

Дальше и дальше бѣжала Катя, пока добѣжала до знакомаго трактира; тутъ, она остановилась! Сквозь окошко, она увидѣла Василія: онъ стоялъ у прилавка и протягивалъ руку за чаркой, а хозяинъ держалъ въ рукахъ знакомую бѣлую подушечку! Другихъ посѣтителей было еще мало. Катя смѣло растворила дверь, твердымъ шагомъ подошла къ хозяину и яснымъ, громкимъ голосомъ, сказала.

— „Знаете-ли вы, откуда эта подушка? Онъ взялъ ее изъ подъ головы умершей жены своей; и она, точно, знаетъ, что онъ сдѣлалъ: лицо ея не такъ покойно, какъ утромъ было. Онъ взялъ отъ нея подушку, слышите-ли? а она лежитъ мертвая!“

Голосъ Кати дрожалъ отъ волненія; присутствующіе окружили ее и слушали съ участіемъ; а хозяинъ поблѣднѣлъ отъ испуга и выронилъ подушку изъ рукъ.

— „Мертвая!“ повторилъ онъ. „Какъ? эта подушка прямо отъ мертвой перешла ко мнѣ!“

„Да, да; прямо отъ нея“, отвѣчала Катя“; она, бѣдная голубушка, любила и вспоминала его, до конца; а онъ взялъ отъ нея подушку и сюда принесъ. Вотъ, до чего, доводятъ, здѣсь, человѣка! Поятъ его, поятъ до тѣхъ поръ, пока онъ станетъ хуже животнаго. А онъ былъ добрый, хорошій, прежде.

— „Онъ самъ виноватъ, дѣвица“, сказалъ хозяинъ“; вѣдь онъ своей доброй волей приходитъ; мы его не принуждаемъ“.

— „Да, но вы заманиваете, упрашиваете, тѣшитесь грѣхомъ другого; — а то не сталъ бы мой крестный такой. Подумайте, вѣдь онъ, раньше, за мной въ рѣку бросился и мнѣ жизнь спасъ“.

Василій стоялъ поотдаль, въ смущеніи, не смѣя поднять глазъ. Окружающіе начали, было, кивать на него головами и подсмѣиваться; но Катя подошла къ нему, взяла его за руку, какъ-бы въ защиту, и насмѣшки замолкли.

— „Всѣ вы такіе-же“, вскричала она, оглядывая присутствующихъ, сверкающими глазами“, вы отнимаете хлѣбъ у дѣтей вашихъ; и это не лучше, чѣмъ взять подушку отъ умершей жены. Она, теперь, въ покоѣ; ей, отъ этого, хуже не будетъ; а ваши дѣти терпятъ у васъ холодъ и голодъ, каждый день. Не вамъ его попрекать“.

Она стала пробираться къ двери и тащила Василія за собою, когда хозяинъ позвалъ ее, чтобы взять назадъ подушку.

— „Взять ее изъ такого мѣста“, воскликнула она, съ негодованіемъ; „и положить ее опять *ей* подъ голову, послѣ того какъ онъ, за нее, водку пилъ. Нѣтъ, нѣтъ; оставьте ее у себя; всѣмъ разскажите, какую плату вамъ за вашъ товаръ приносятъ. Я лучше себѣ руки отрѣжу, чѣмъ взять ее назадъ“.

Необыкновенное мужество бѣдной дѣвушки приходило къ концу; она вся тряслась отъ волненія, и вытащивъ крестнаго отца своего за дверь, — зарыдала. Онъ началъ было, несвязными словами, оправдываться въ своемъ поступкѣ, — но она прервала его:

— „Не говори, что ты не виноватъ; подумай, какъ она любила тебя; передъ самымъ концомъ, сказала мнѣ: „Смотри, Катя, не оставь его и Наташу“. И я не оставлю тебя, крестный, никогда. Буду молить Бога, чтобы ты бросилъ пить, пока еще не совсѣмъ погибъ“.

— „Да ужъ я, кажется, совсѣмъ погибъ“, простоналъ несчастный.

— „Нѣтъ, пока еще живъ, такъ не совсѣмъ погибъ. Не поздно еще образумиться, и объ Наташѣ подумать. Сколько она, бѣдненькая, горя и нужды видѣла! Она у тебя, теперь, одна осталась; пожалѣй ты ее; брось пить!“

— „Брошу, брошу“, отвѣчалъ Василій; „непремѣнно брошу“; и онъ продолжалъ твердить: „брошу, брошу“, пока они дошли до дому. Но Катя его на верхъ не пустила. „Не ходи туда“, сказала она, „тебѣ тамъ тяжело будетъ. Войди сюда къ сосѣдкѣ, которая взяла Наташу переночевать къ себѣ; а я пойду на верхъ, просижу около нея послѣднюю ночь“.

Василій вошелъ въ квартиру сосѣдки, которая ласково впустила его и, молча, притаился въ уголку, у печки. Наташа подошла къ нему и обняла его. Онъ взялъ ее на руки, и опустивъ лицо на головку дѣвочки, погрузился въ глубокое, тяжелое раздумье. Онъ ненавидѣлъ себя; онъ проклиналъ свой грѣхъ; онъ негодовалъ на тѣхъ, которые такъ искусно и настоятельно соблазняли его. Ахъ, еслибы они только слышали, что вырывалось, теперь, изъ груди несчастнаго, разбитаго грѣхомъ, пьяницы!

Послѣ похоронъ, Катя, тотчасъ же, приняла на себя попеченіе о Васильѣ и Наташѣ. Каждый вечеръ, она, по окончаніи работы на фабрикѣ, заходила къ нимъ прибрать комнату и приготовить ужинъ; и, первое время, дѣла, какъ-будто, стали поправляться. У Василія въ сердцѣ еще живо было воспоминаніе о женѣ; пробудилась, также и жалость къ ребенку; онъ принялся за работу и въ кабакѣ просиживалъ недолго; а если засиживался, то Катя съ Наташей приходили звать его домой, и онъ, обыкновенно, возвращался съ ними. Понемногу, Наташины лохмотья замѣнились чистымъ платьемъ, — которое усердно стирала и чинила Катя, — и отецъ даже обѣщалъ припасти ей теплую одежду. Но, до этого кажется, было еще далеко. Работы было мало; и исполнялась она медленно, нетвердыми, дрожащими руками; кромѣ того, часть заработка, все-таки, уходила на питье. Тѣмъ не менѣе, до прежняго, безчувственнаго состоянія Василій не доходилъ; и Катя съ Наташей радовались. Онъ, казалось, побѣдилъ своего врага, въ томъ отношеніи, что имѣлъ силу не поддаваться ему вполнѣ; имѣлъ твердость выйдти изъ кабака, не оставивъ тамъ послѣдней копѣйки, и съ презрѣніемъ уже смотрѣлъ на тѣхъ, которые не могли оторваться отъ чарки. Нечѣмъ было еще гордиться, однако: квартира, несмотря на старанія Кати, была пуста и бѣдна; Наташа чахла отъ дурнаго воздуха и недостаточной пищи; и самъ онъ, слабый, обрюзглый, неспособный къ труду, носилъ на себѣ слѣды грѣха, отъ котораго пробовалъ отстать по немногу. Да; понемногу; а врагъ пользовался этимъ самообманомъ, и все держалъ его въ оковахъ своихъ!

Когда настала сырая, дождливая осень, Катя захворала и, нѣсколько недѣль, не могла навѣщать Василія и Наташу. Некому было все привести въ порядокъ; некому было потѣшить одинокаго ребенка, и ласковыми, веселыми словами, удержать и отца, дома. Мало по малу, прежняя страсть снова и, казалось, съ новымъ остервѣненіемъ овладѣла имъ.

Онъ „построилъ домъ свой на пескѣ, и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и онъ упалъ!“

День за днемъ, Василій возвращался домой, въ неистовомъ отъ вина состояніи, и, своимъ свирѣпствомъ, приводилъ въ ужасъ маленькую дочь свою, которая пряталась отъ него въ темныхъ углахъ комнаты и не смѣла пошевелиться, чтобы онъ не замѣтилъ ее. Когда Катя поправилась, она опять стала приходить ежедневно, но и это ужъ не помогло! Разъ, даже, въ порывѣ гнѣва, Василій схватилъ ее за плечи и вытолкнулъ за двери, со словами: „Убирайся, и не смѣй больше приходить!“ Но послѣдняя просьба умирающей звучала громче этихъ словъ, въ сердцѣ Кати, и она опять вернулась.

Мрачные, черные дни проводила Наташа. Отецъ или запиралъ ее, на цѣлые часы, одну въ комнатѣ, покуда самъ пьянствовалъ, до безчувствія; или, лежалъ дома, а ее посылалъ за водкой. Разъ, утромъ, онъ лежалъ въ полудремотѣ, растянувшись на лавкѣ, и подлѣ него, стояла бутылка, которую онъ, отъ времени до времени, подносилъ къ губамъ. Глаза его были полуоткрыты, и, безсмысленно, смотрѣли въ даль. Онъ смутно видѣлъ, какъ Наташа, согнувшись почти до земли, съ трудомъ, приподняла полѣно дровъ и подбросила его въ печь, растопленную сосѣдкой.

Онъ видѣлъ, какъ затрещало полѣно, какъ посыпались отъ него искры, видѣлъ, какъ одна изъ нихъ упала на изношенное платье дѣвочки, и платье вспыхнуло!

Ужасъ охватилъ его; онъ попробовалъ

подняться, но не могъ. Дѣвочка, сперва протянула къ нему руки за помощью, потомъ кинулась мимо него, на лѣстницу. Онъ слышалъ крики ея и восклицанія сбѣжавшихся сосѣдей; и, все-таки, не имѣлъ силы пошевелиться. Холодный потъ выступилъ у него на лбу, и вся душа точно застыла!..

Сколько времени прошло, — онъ не зналъ;—цѣлымъ вѣкомъ мученія показалось оно ему, когда вдругъ дверь растворилась и блѣдное, испуганное лицо женщины заглянуло въ комнату.

— „Сгорѣло дитя ваше!“ крикнула она; „и вамъ отвѣчать придется, передъ судомъ. Ее-то не жаль; ей тамъ лучше, чѣмъ съ вами было; а васъ бы за это повѣсить стоило. Извергъ, злодѣй; вотъ что!“

Она захлопнула дверь; а Василій опять остался одинъ, въ своемъ безпомощномъ терзаніи. Сгорѣла Наташа, по его винѣ! Внутреннее мученіе придало ему силы: онъ приподнялся, подползъ къ двери и растворилъ ее. Внизу, на дворѣ люди громко говорили: разсказывали другъ другу ужасное происшествіе. Онъ слышалъ имя Наташи, имя свое, произнесенное съ негодованіемъ.

Неужели Наташа, въ самомъ дѣлѣ, умерла! Гдѣ-же она? Отчего не несутъ ее къ нему? Вотъ, сейчасъ принесутъ ее, холодную, мертвую, сгорѣвшую, по его винѣ, и положатъ около него! При этой мысли, у него въ глазахъ потемнѣло, голова закружилась и онъ, въ безпамятствѣ, опустился на землю.

Когда онъ пришелъ въ себя, было уже совершенно темно. Шумъ умолкалъ, на улицѣ, и въ домѣ было тихо. Онъ всталъ на ноги, вышелъ изъ комнаты и сталъ прокрадываться внизъ по лѣстницѣ.

Теперь, ему можно будетъ выйдти; никто не увидитъ, никто не остановитъ— куда-же пойти? Прямо къ рѣкѣ; — и тамъ, покончить несчастную жизнь свою. Для чего ему больше жить? И Наташи больше нѣтъ, на свѣтѣ! И, передъ нею, поздно уже загладить вину свою! Медленно приближался онъ къ рѣкѣ; издали, виднѣласъ она, и мерцающіе огни, на противуположномъ берегу. Вся хмѣль у него прошла, теперь. Онъ ясно сознавалъ, что случилось и что намѣренъ былъ сдѣлать. Но душа его не содрогалась въ виду ужаснаго конца; напротивъ того, онъ чувствовалъ нѣкоторое успокоеніе при мысли, что скоро, скоро приметъ его холодная могила и быстрое теченіе унесетъ его за собою.

Вотъ, ужъ онъ дошелъ до уединеннаго, безлюднаго мѣста. Еще нѣсколько шаговъ; и можно броситься въ воду! Никого близко нѣтъ; никто даже плеска воды не услышитъ. Но вдругъ, онъ задѣлъ ногою за тумбу, зашатался, упалъ головой на камень и лишился чувствъ! Черезъ нѣсколько минутъ, городовой поднялъ его и отвезъ въ ближайшую больницу. Тамъ, его положили въ кровать. Онъ сталъ бредить, метаться и вскорѣ, появились всѣ признаки сильнѣйшей горячки.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Св. Апостолъ Павелъ.

I.

Мученикъ.

Толпа Евреевъ, съ неистовыми криками, влекла, за стѣны Іерусалима, человѣка, кроткаго, какъ агнецъ, котораго единственное преступленіе состояло въ томъ, что онъ вѣровалъ въ Іисуса Христа, распятаго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ томъ-же городѣ.

Миновавъ городскія ворота, злодѣи остановились на полянѣ, и тамъ, снявъ верхнее платье, стали побивать камнями свою жертву. Мученикъ, на колѣняхъ, повторялъ: „Господи Іисусе! пріими духъ мой. Господи! не вмѣни имъ грѣха сего. И сказавъ сіе, почилъ“.

Этого мученика звали Стефаномъ. Онъ занималъ, въ первой церкви, должность діакона, т. е. служителя, и, преимущественно, служителя бѣдныхъ. Имя Стефанъ, значитъ вѣнецъ, и дѣйствительно, онъ первый принялъ вѣнецъ, обѣщанный Богомъ неустрашимымъ поборникамъ Евангельской истины.

Въ числѣ зрителей смерти Стефана, былъ молодой человѣкъ, у ногъ котораго была сложена одежда убійцъ. Мужество и кротость Стефана, казалось, не тронули его; онъ одобрялъ убійство его, и ожесточился до того, что самъ сталъ ревностно гнать и преслѣдовать христіанъ. Онъ входилъ въ дома, силою выводилъ изъ нихъ мужчинъ и женщинъ и ввергалъ ихъ въ темницу. Его звали Савломъ. Онъ принадлежалъ къ строгой сектѣ фарисеевъ, былъ ученикомъ извѣстнаго тогда Гамаліила, строго исполнялъ законъ Моисеевъ, посѣщалъ храмъ и считалъ себя безпорочнымъ. Несмотря на все это, онъ пылалъ ненавистью къ ученикамъ Христовымъ, онъ обратился въ кровожаднаго тигра, ищущаго добычи, онъ не хотѣлъ новаго ученія и, въ своемъ полномъ заблужденіи, гналъ его, думая этимъ служить Богу. Онъ не подозрѣвалъ, что вся эта жестокость и ярость происходили отъ того, что тихая, торжественная смерть Стефана невольно тревожила его совѣсть, представляясь его памяти. Онъ думалъ, строгостью къ другимъ исповѣдникамъ Христовымъ, заглушить это воспоминаніе и испросилъ себѣ позволеніе и письма отъ первосвященника, чтобы идти въ Дамаскъ, чтобы и тамъ преслѣдовать учениковъ Господа и, въ цѣпяхъ, влачить ихъ въ Іерусалимъ, на казнь.

Господь допустилъ это путешествіе, но встрѣтилъ Савла, на пути.

II.

Обращеніе.

Изо всѣхъ, существующихъ нынѣ городовъ, Дамаскъ одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ. Онъ знаменитъ своимъ мѣстоположеніемъ красивымъ, своими караванами, производствомъ шелковыхъ матерій, шпагъ и другихъ вещей. Но лучшая знаменитость Дамаска, это то чудо, которое Богъ совершилъ, въ его окрестности, недалеко отъ самаго города.

„Дыша угрозами и убійствомъ“, Савлъ отправлялся въ Дамаскъ. Быть можетъ, онъ и спутники его разсуждали на пути о томъ, какъ лучше начать дѣло и завладѣть жертвами ихъ ярости; быть можетъ, и воспоминаніе о Стефанѣ еще тревожило совѣсть преслѣдователя. Внезапно, осіялъ его свѣтъ съ неба; онъ упалъ на землю и услышалъ голосъ, говорящій ему: Савлъ, Савлъ! что ты гонишь Меня? Онъ сказалъ: кто Ты, Господи? Господь же сказалъ: Я Іисусъ, Котораго ты гонишь. Трудно тебѣ идти противъ рожна. Онъ, въ трепетѣ и ужасѣ сказалъ: Господи! что повелишь мнѣ дѣлать? а Господь ему: встань и иди въ городъ; и сказано будетъ тебѣ, что тебѣ надобно дѣлать“.

Савлъ всталъ съ земли, и съ открытыми глазами, никого и ничего не видѣлъ, такъ что его повели за руку въ Дамаскъ. Тамъ, онъ три дня не видѣлъ, не ѣлъ и не пилъ; но Слово Божіе говоритъ намъ, что онъ молился. Въ душѣ его происходило то дѣйствіе благодати Божіей, которое называется, въ Св. Писаніи, „обращеніемъ“—поворотомъ, когда человѣкъ отворачивается отъ грѣха и всего прошлаго, грѣховнаго, и обращается, съ раскаяніемъ и упованіемъ, къ Богу. Черезъ три дня, пришелъ къ Савлу одинъ изъ тѣхъ, которыхъ онъ хотѣлъ вязать и влачить на казнь, одинъ изъ учениковъ Христа, по имени Ананія, и, возложивъ на него руки, сказалъ: „Братъ, Савлъ! Господь Іисусъ, Явившійся тебѣ на пути, которымъ ты шелъ, послалъ меня, чтобы ты прозрѣлъ и исполнился Святаго Духа“. И тотчасъ, какъ-бы чешуя отпала отъ глазъ его; и вдругъ онъ прозрѣлъ, и вставъ, крестился.

Савлъ сталъ другимъ, новымъ человѣкомъ, съ этого времени; человѣкомъ, который могъ сказать про себя: „уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“.

III.

Первыя испытанія.

„Я покажу ему, сколько онъ долженъ пострадать за имя Мое“, сказалъ Господь Ананію о Савлѣ. Это предсказаніе скоро осуществилось.

Когда Савлъ сталъ открыто проповѣдывать Христа въ собраніяхъ Іудейскихъ, Евреи пришли въ неистовство и искали убить новаго Апостола. Начальникъ Дамаска приказалъ стеречь городскія ворота и, казалось, Савлу не было возможности спастись отъ нихъ. Но ученики спустили его ночью, со стѣны въ корзинѣ, и онъ бѣжалъ въ каменистую Аравію и пробылъ тамъ, въ пустынѣ, не мало времени, приготовляясь уединеніемъ и молитвою къ своему будущему служенію. Полторы тысячи лѣтъ предъ тѣмъ, въ этой же пустынѣ, Богъ готовилъ въ уединеніи другого слугу Своего, Моисея, которому надлежало быть предводителемъ народа Еврейскаго. Тамъ, посреди скалъ, Богъ явился Моисею въ незгораемомъ кустарникѣ, давая ему познать Себя, какъ Бога отцовъ его, Авраама, Исаака и Іакова. Тамъ же, быть можетъ, Савлъ былъ восхищенъ до третьяго неба, въ рай, и слышалъ неизреченныя слова, которыхъ невозможно передать. Блаженный Савлъ! Какъ это видѣніе должно было укрѣпить его вѣру и упованіе. Да, но подобная исключительная благодать сопровождаетъ и исключительныя испытанія „жало во плоти, ангелъ сатаны, чтобы удручать“. Какого рода было это испытаніе, неизвѣстно; но извѣстно то, что Ап. Павелъ трижды молилъ Господа объ удаленіи его; но Господь сказалъ ему: „довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается въ немощи“.

Прошло около трехъ лѣтъ, и Савлъ могъ, наконецъ, вернуться въ Іерусалимъ; но какая сильная перемѣна произошла въ немъ, съ тѣхъ поръ! Онъ вышелъ изъ Іерусалима, чтобы преслѣдовать Христа, въ лицѣ учениковъ Его, — онъ возвращается, готовый нести крестъ Его, исповѣдывать Его, безбоязненно, передъ Евреями, готовый стать смѣло на сторону послѣдователей Іисуса Христа и подать имъ руку общенія. Но и тутъ его ожидало новое испытаніе: ученики чуждались его, не вѣрили, что прежній гонитель сталъ послѣдователемъ Христа. Тяжело было Савлу выносить ненависть Евреевъ и недовѣріе Христіанъ, но онъ не ослабѣлъ въ вѣрѣ и не колебался. Не будемъ же, по его примѣру, изнемогать и мы, когда намъ приходится страдать отъ послѣдствій нашей прежней жизни или поступковъ.

Нашелся, однако, христіанинъ, котораго сердце было привлечено напрасными усиліями Савла сблизиться съ учениками. Его звали Варнавою, что значитъ „сынъ утѣшенія“. Онъ взялъ Савла, привелъ его къ Апостоламъ, разсказалъ имъ его чудесное обращеніе, и удостовѣрилъ ихъ, что онъ, уже въ Дамаскѣ, смѣло проповѣдывалъ во имя Іисуса. Тогда братія приняли его и онъ, вмѣстѣ съ ними, проповѣдывалъ Христа во Іерусалимѣ и состязался съ Еллинами, которые покушались убить его. Узнавъ о семъ, братія отправили его въ Кесарію и препроводили въ его родной городъ, Тарсъ.

IV.

Тарсъ и Антіохія.

Городъ Тарсъ, въ малой-Азіи, лежитъ на берегу рѣки Кидна, извѣстной тѣмъ, что въ ней купался Александръ Македонскій, въ сильный жаръ, и заболѣлъ очень опасно. Тарсъ славился своими школами и роскошью, дошедшею до баснословныхъ размѣровъ. Подобный городъ не могъ привлечь Савла; быть можетъ, посреди его шумнаго движенія, онъ вспоминалъ о пустынѣ, гдѣ слышалъ голосъ Божій. Но привлекали его эти толпы людей, которымъ можно было проповѣдывать благую вѣсть спасенія. Однако, онъ оставался тамъ недолго. Богу угодно было послать его въ городъ еще роскошнѣе и многолюднѣе Тарса—въ Антіохію.

Антіохія, главный городъ Сиріи, былъ построенъ однимъ изъ полководцевъ Александра Македонскаго, Селевкомъ, на развалинахъ Рибли, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Навуходоносоръ велѣлъ ослѣпить Іудейскаго царя Седекію и казнить сыновей его. Въ то время, одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ, Антіохія стала колыбелью христіанства для языческаго міра. Тамъ основалась церковь; и жаждущихъ свѣта евангельскаго, было такое множество, что силы проповѣдниковъ не достигали всѣхъ, и потому Варнава отправился въ Тарсъ, за Савломъ.

Савлъ послѣдовалъ за нимъ, и цѣлый годъ оставался въ Антіохіи. Труда было много для исповѣдниковъ Христовыхъ, но и плодъ былъ обильный. Тамъ, впервые, послѣдователи Іисуса стали называться „христіанами“. Имя, первоначально данное въ насмѣшку и оскорбленіе, стало лучшимъ и почетнѣйшимъ именемъ на землѣ. Оно вошло во всеобщее употребленіе, и теперь, къ сожалѣнію, многіе изъ тѣхъ, которые его носятъ и имъ гордятся, по сущности его не заслуживаютъ. Антіохійская церковь быстро росла и распространялась и, какъ всякая живая церковь, проявляла дѣлами благими вѣру свою. Такъ, она отправила Павла и Варнаву въ Іерусалимъ, отнести туда собранныя ею деньги для помощи нуждающимся братьямъ. Другой разъ, эта же церковь отправила ихъ обоихъ на проповѣдь евангельскую въ другія мѣстности языческія, содѣйствуя такимъ образомъ и вещественному и духовному благу ближнихъ. Прекрасный примѣръ и для нашего времени; да научитъ онъ насъ молить Господа, чтобы Онъ выслалъ дѣлателей на ниву Свою и посылалъ, повсюду, Своихъ „сыновъ утѣшенія“.

V.

Первое миссіонерское путешествіе.

Савлъ, Варнава и Маркъ, напутствуемые молитвами Антіохійскихъ христіанъ, радостно предприняли дѣло, къ которому были призваны Духомъ Святымъ. Изъ Антіохіи они отправились въ Селевкію, на разстояніи не болѣе 25 верстъ. Тамъ они сѣли на корабль и отплыли въ Кипръ, одинъ изъ самыхъ живописныхъ и плодоносныхъ острововъ. Въ то время, какъ другіе путешественники любуются его масличными рощами, виноградными садами, окаймленными душистымъ жасминомъ, ученики Христа огорчены развращенными нравами и идолопоклонствомъ его жителей. Но не для вздоховъ они присланы, а для того, чтобы внести свѣтъ въ эту тьму и слово Евангелія въ самое сердце языческихъ заблужденій. Съ одного края острова до другого, они шли возвѣщая всѣмъ, кто имѣлъ уши, чтобы слышать, что „Богъ такъ возлюбилъ міръ, что отдалъ Сына Своего, единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“.

Въ Пафѣ, какой-то волхвъ, лжепророкъ, вздумалъ имъ препятствовать, и былъ мгновенно лишенъ зрѣнія. Проконсулъ Сергій Павелъ обращенъ къ Богу, дивясь ученію Евангельскому, преподанному ему миссіонерами. Съ этого времени, Савлъ принялъ имя Павла и слово Божіе не называетъ его болѣе Савломъ. Изъ Кипра, Павелъ и его спутники прибыли въ Пергію. Тутъ Маркъ (онъ же Іоаннъ) отдѣлился отъ нихъ, и вернулся въ Іерусалимъ. Павелъ же и Варнава, продолжая путешествіе, прибыли въ Антіохію Писидійскую. Этотъ городъ, хотя именемъ своимъ и напомнилъ имъ Антіохію Сирійскую, гдѣ они оставили столько друзей, но духомъ жителей вовсе не походилъ на тотъ городъ. Евреи сильно противудѣйствовали проповѣди Павла и возмутили народъ, такъ что, несмотря на то, что многіе изъ язычниковъ приняли слово съ радостію, Павелъ и Варнава „отрясши прахъ отъ ногъ своихъ“ пошли въ Иконію, гдѣ ожидала ихъ та же участь. Изъ Иконіи они направились въ Ликаонію „землю волковъ“, названную такъ, потому, что волки, большими стадами, опустошали эту страну. Тамъ, первый городъ, встрѣтившійся имъ на пути, былъ Листра, гдѣ они нашли хорошій пріемъ. Павелъ исцѣлилъ хромого и жители города, принимая его и Варнаву за боговъ, хотѣли совершить имъ жертвоприношеніе. Апостолы, съ трудомъ, могли остановить ихъ, возвѣщая имъ Бога живаго, единаго всемогущаго, сотворившаго небо и землю. Но Іудеи, пришедшіе изъ Антіохіи и Иконіи, возбудили народъ противъ проповѣдниковъ и черезъ минуту камни посыпались на тѣхъ самыхъ людей, которымъ только что хотѣли поклоняться.

Обезсиленнаго, изнеможеннаго Павла вытащили за городскія ворота, почитая его мертвымъ. Но спустя нѣсколько времени, окруженный учениками, онъ оправился, вошелъ въ городъ и, на другой день, неутомимый и безстрашный слуга Христовъ отправился съ Варнавою въ Дервію. Въ Дервіи проповѣдь ихъ обратила многихъ къ Богу и пріобрѣла послѣдователей Христу. Оттуда, Апостолы предприняли обратный путь и посѣтили снова Листру, Иконію и Антіохію, повсюду утверждая учениковъ, увѣщевая ихъ пребывать въ вѣрѣ, и поучая, что „многими скорбями надлежитъ намъ войти въ Царствіе Божіе“. Прошедши чрезъ Писидію, Памфилію, Пергію, они сошли въ Атталію и оттуда отплыли въ Антіохію Сирійскую, куда вернулись, послѣ слишкомъ трехлѣтняго странствованія.

Легко себѣ представить, съ какою радостію, встрѣтили ихъ Антіохійскія братія и, съ какимъ участіемъ, слушали ихъ разсказы о всемъ, „что сотворилъ Богъ съ ними, и какъ Онъ отверзъ дверь вѣры язычникамъ“. Вмѣстѣ съ ними, воздадимъ славу Богу за Его чудныя дѣла и за Его великое спасеніе, явленное намъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

VI.

Второе путешествіе.

Между первымъ и вторымъ миссіонерскимъ путешествіемъ Ап. Павла прошло около двухъ лѣтъ; въ это время онъ проповѣдывалъ Евангеліе въ Антіохіи и былъ въ Іерусалимѣ, посланный братіями, вмѣстѣ съ Варнавою, для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ. Послѣ сего Павелъ пожелалъ посѣтить церкви, насажденныя имъ въ Малой Азіи. Варнава захотѣлъ взять съ собою родственника своего Марка; Павелъ же полагалъ не брать его, такъ какъ онъ отсталъ отъ нихъ въ Памфиліи во время перваго ихъ путешествія. Произошло разногласіе, вслѣдствіе котораго они раздѣлились. Варнава съ Маркомъ отплыли въ Кипръ, а Павелъ взявъ съ собою Силу и сопровождаемый молитвами братіевъ сталъ проходить Сирію и Киликію, утверждая церкви. Въ Листрѣ Павелъ сблизился съ молодымъ ученикомъ, именемъ Тимоѳеемъ. Воспитанный въ страхѣ Божіемъ матерью и бабкой, Тимоѳей былъ обращенъ проповѣдью Павла и заслужилъ доброе свидѣтельство братіевъ. Его Павелъ взялъ съ собою какъ помощника въ его миссіонерскихъ трудахъ. Проходя по городамъ, и укрѣпляя повсюду вѣрующихъ, они втроемъ уже теперь дошли до Азіи, гдѣ главнымъ городомъ былъ Ефесъ.

Но Духъ Святый явнымъ образомъ указывалъ имъ другой путь. Они направились на Сѣверъ въ Виѳинію, но и туда не допустилъ ихъ Духъ Святый. Они миновали Мисію и сошли въ Троаду, достигнувъ такимъ образомъ границы Азіи. Что-же имъ теперь дѣлать? Длинный путь совершенъ; не вернуться-ли назадъ въ Антіохію? Павелъ имѣлъ ночью видѣніе: предъ нимъ предсталъ Македонянинъ и просилъ его, говоря: „пріиди въ Македонію и помоги намъ“.

Возблагодаримъ Бога за это видѣніе! До этого времени, земля Іафета, наша бѣдная Европа не имѣла никакого понятія о Богѣ истинномъ. Весь свѣтъ былъ сосредоточенъ въ Азіи; въ Европѣ была тьма. Этотъ македонянинъ олицетворялъ въ себѣ всю Европу просящую свою долю истины, онъ былъ нашимъ посломъ къ первому миссіонеру христіанской церкви.

За три столѣтія передъ тѣмъ, нѣсколько городовъ Азіи, утомленные игомъ Персіи послали сказать великому Македонянину Александру: „Пріиди въ Азію и помоги намъ“. Александръ высадился въ Троадѣ съ своимъ храбрымъ войскомъ, покорилъ Азію и основалъ государство, продолжавшееся восемь лѣтъ. Павелъ-же великій Апостолъ Христа, по зову Македонянина, переходитъ изъ Азіи въ Европу и основываетъ тамъ, на развалинахъ языческихъ религій, нескончаемое и непоколебимое Царство. Между этими двумя героями разница та, что Александръ трудился для своей славы,—Павелъ—для славы Божіей.

И въ наше время, жители Океаніи, Африки и другихъ языческихъ странъ взываютъ: „пріидите и помогите намъ“. И въ наше время нашлись слуги Христа, откликнувшіеся на этотъ зовъ.

VII.

Павелъ въ Македоніи.

(Продолженіе втораго путешествія).

Малое войско, отправившееся тотчасъ послѣ видѣнія изъ Троады состояло изъ трехъ воиновъ: Павла, Силы и Тимоѳея, воиновъ миролюбивыхъ, вооруженныхъ мечомъ Слова Божія, но безстрашныхъ въ опасности и не дорожившихъ жизнью для спасенія душъ. Къ нимъ присоединился Лука, врачъ возлюбленный и вдохновенный писатель Евангелія и книги Дѣяній.

Городъ Филиппы на рѣкѣ Стримонѣ, былъ первымъ Европейскимъ городомъ, гдѣ остановились путешественники. Можно было бы ожидать, что македоняне съ радостью встрѣтятъ вѣстниковъ Божіихъ и окружатъ ихъ толпою, чтобы слушать проповѣдь ихъ о Богѣ истинномъ; но напротивъ того прошло около недѣли и слушателей не нашлось. Наконецъ, въ субботу, на берегу рѣки, за городомъ, нѣсколько женщинъ слушали внимательно проповѣдниковъ и одной изъ нихъ, по имени Лидія, Богъ открылъ сердце къ воспріятію того, что говорилъ Павелъ. Эта женщина, уроженка города Ѳіатиръ, занималась торговлей пурпуровыхъ тканей. Она, крестившись, приняла Павла и спутниковъ его въ домъ свой.

Не тѣмъ встрѣтили посланниковъ Божіихъ природные жители города Филиппъ. Они сорвали съ нихъ одежды, били ихъ палками и ввергли ихъ въ темницу, за то, что они изгнали духа прорицательнаго изъ одной служанки, пользовавшейся имъ вмѣстѣ съ господами своими, за деньги. Въ темницѣ обошлись съ Павломъ и Силою весьма жестоко. Ихъ спустили во внутреннее, подземное отдѣленіе и ноги ихъ забили въ колоду.

Изнеможенные, избитые, не имѣя возможности перемѣнить положеніе, ожидая казни или новыхъ мученій, узники не унываютъ; они молятся и въ полуночный часъ воспѣваютъ Бога. Странное впечатлѣніе должно было произвести это пѣніе на другихъ заключенныхъ. Вдругъ земля задрожала подъ ними, стѣны потряслись, всѣ двери сами собой отворились, узы и колоды распались. Всѣ узники свободны. Темничный стражъ пробуждается въ испугѣ, и видя отпертыя двери, извлекаетъ мечъ, чтобы умертвить себя, думая, что узники убѣжали. Но Павелъ возгласилъ: „не дѣлай себѣ никакаго зла, ибо всѣ мы здѣсь“. Стражъ потребовалъ огня, вбѣжалъ въ темницу и въ трепетѣ припалъ къ Павлу и Силѣ. Свѣтъ проникъ въ его душу; онъ вывелъ Божіихъ узниковъ и сказалъ: „что мнѣ дѣлать, чтобы спастись?“ „Вѣруй въ Господа Іисуса Христа, и спасешься ты и весь домъ твой“, отвѣчали они и вошедъ въ домъ его проповѣдывали Христа ему и домашнимъ его. Такъ Лидія съ семействомъ своимъ и тюремный стражъ съ домомъ своимъ были начаткомъ церкви въ Филиппахъ, и церковь эта, впослѣдствіи, была одной изъ самыхъ благословенныхъ и самыхъ преданныхъ своему наставнику, Ап. Павлу.

Въ Македоніи Павелъ еще проповѣдывалъ въ Ѳессалоникѣ и Веріѣ. Въ обоихъ мѣстахъ было много увѣровавшихъ, но изъ обоихъ мѣстъ проповѣдники были изгнаны возмущеніями народа, подстрекаемаго злонамѣренными Іудеями.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Блаженъ человѣкъ, котораго сила въ Тебѣ, и у котораго въ сердцѣ стези направлены къ Тебѣ“.

Псаломъ 83 ст. 6.

Съ письмами по дѣламъ журнала и требованіями какихъ-либо разъясненій слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію, по адресу: Сергіевская ул. № 20.

Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Марта 1881 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. О., 9 лин., № 12.)

Рождество.

Рождество.

Кто эти люди, идущіе издалека, путеводимые звѣздою? — Это мудрецы съ дальняго востока, идущіе въ Іудею. Зачѣмъ? Они ищутъ бѣднаго Младенца, только что родившагося въ Виѳлеемѣ, хотятъ поклониться Ему, принести Ему въ даръ лучшія произведенія своей родины: золото, ливанъ и смирну. — Кто же этотъ младенецъ? Въ этомъ весь вопросъ. Кто Онъ для тебя, читатель?

Четыре тысячи лѣтъ еврейскій народъ ожидалъ обѣщаннаго Богомъ Царя и Мессію. Время исполнилось, и Богъ послалъ въ міръ единороднаго, возлюбленнаго Сына Своего. Но міръ не позналъ Его; свои не приняли Его. Маленькій іудейскій городъ закрылъ Ему врата свои, и въ гостинницѣ Виѳлеемской не нашлось мѣста Ему. Небесный младенецъ остался безъ колыбели, Сынъ Божій не нашелъ себѣ мѣста на землѣ.

Кто же были эти „свои“, которые не приняли Его? Евреи, народъ имѣвшій обѣтованія, Писанія и пророчество:—Но, быть можетъ, они не знали, что этотъ Младенецъ и былъ обѣщанный имъ Мессія, Христосъ? — Могли бы знать, если бы хотѣли, еслибы не возлюбили тьму болѣе, нежели свѣтъ, какъ говоритъ о нихъ Св. Писаніе. Они знали путь къ свѣту, они указали мудрецамъ восточнымъ, что въ Виѳлеемѣ должно родиться Христу, они знали время и мѣсто, но сами не пошли къ Нему, а ожесточились противъ Него.

Для чего пришелъ на землю Сынъ Божій? Для чего Онъ уничижилъ Себя и принялъ видъ раба?—Онъ Самъ говоритъ намъ: Онъ „пришелъ взыскать и спасти погибшее“. Онъ пришелъ кровію Своею искупить виновный міръ, жизнію Своею „оживотворить мертвыхъ по преступленіямъ и грѣхамъ“. Онъ уничижилъ Себя, чтобы достигнуть, Своею любовію, самаго падшаго изъ грѣшниковъ и „посадить его на небесахъ“.

Не смотря на это, когда младенецъ Іисусъ родился и мудрецы спрашивали о Немъ въ Іерусалимѣ, „весь Іерусалимъ встревожился“.—Когда, возмужавъ, Іисусъ Христосъ пришелъ въ Назаретъ, въ городъ, гдѣ былъ воспитанъ, Его выгнали вонъ изъ города и повели на вершину горы, чтобы свергнуть Его; въ странѣ Гадаринской весь народъ просилъ Его удалиться отъ нихъ; въ Самаріи не приняли Его; въ Іерусалимѣ хотѣли побить Его камнями. Когда одинъ изъ учениковъ предалъ Его и начальники народа еврейскаго осудили Его, никто не возвысилъ голоса за Него и всѣ „отъ Святаго и Праведнаго отреклись; просили даровать имъ убійцу, а Начальника жизни убили“.

На землѣ не нашлось мѣста Сыну Божію.

Но съ дальняго востока пришли мудрецы поклониться Ему; пастухи слышали о Немъ пѣснь ангельскую и, бросивъ стада свои, пошли искать Его. — Рыбаки галилейскіе оставили лодки и сѣти свои и по повелѣнію Его стали ловцами человѣковъ; мытари и грѣшники, услышавъ, что „Онъ грѣшниковъ принимаетъ“, бросили мзду неправедную и всѣ соблазны грѣха и пошли за Нимъ. Больные приносили Ему свои страданія, женщины свои скорби и немощи, слѣпые недугъ свой и всѣ получали исцѣленіе, прощеніе, спасеніе. И теперь, въ этомъ мірѣ грѣха, тьмы и страданія, въ этомъ мірѣ неправды, сребролюбія и сластолюбія, многіе отреклись отъ Сына Божія, многіе соблазняются Его смиреннымъ видомъ, Его непостижимою для нихъ святостью, многіе побиваютъ Его камнями ожесточенія и невѣрія, многіе просятъ Его удалиться отъ предѣловъ ихъ разума и мнимой учености. Многіе предаютъ Его, многіе киваютъ головой, многіе дѣлятъ ризы Его и не взираютъ на Распятаго.

Но есть и такіе, которые пришли изъ дальней страны, чтобы поклониться Ему, чтобы признать въ Немъ Сына Божія, пришедшаго въ міръ грѣшниковъ спасти, чтобы послѣдовать за Нимъ вѣрою, неся Его поруганіе, чтобы взирать на крестъ Его и видѣть на немъ Агнца Божія, понесшаго грѣхъ міра; чтобы слышать изъ устъ Его, что двери рая, закрытыя грѣхомъ, открылись снова кровію Его, и открылись разбойнику; чтобы повѣрить, что Ему „дана всякая власть на землѣ и на небѣ и, что еще немного, очень немного“ и Онъ снова придетъ во славѣ и возвеличитъ всѣхъ возлюбившихъ явленіе Его.

Кто Онъ для тебя читатель? Если ты еще въ дальней странѣ, то встань и направь стопы твои ко Христу. Пріиди и принеси даръ твой,—хвалу устъ и вѣру сердечную. Для тебя тоже есть звѣзда путеводная,—слово Божіе, „вѣрнѣйшее слово, свѣтильникъ сіяющій въ темномъ мѣстѣ, пока не начнетъ разсвѣтать день“ въ душѣ твоей и не взойдетъ для тебя „солнце правды, съ исцѣленіемъ въ лучахъ своихъ.“

Св. Апостолъ Павелъ.

(*Продолженіе.*)

VIII.

Аѳины, Коринѳъ, возвращеніе.

(Продолженіе и конецъ втораго путешествія).

Въ то время изящнѣйшимъ и самымъ просвѣщеннымъ городомъ Греціи былъ— Аѳины. Тамъ было много людей ученыхъ, разныхъ философовъ, но въ то же время и много пустослововъ, охотно проводившихъ время на площадяхъ, стараясь услышать или сказать что-нибудь новое. Всѣ дорожили тѣмъ, чтобы говорить изящно, и безпощадно осмѣивали всякую ошибку въ греческомъ языкѣ. Казалось, положеніе Павла не легко было въ подобномъ городѣ; одѣтъ онъ былъ не изящно и греческій языкъ зналъ не въ совершенствѣ. Но Павелъ знаетъ, что онъ посланъ Богомъ, и насмѣшки аѳинянъ страшатъ его такъ же мало, какъ и каменья жителей Листры. Духъ его былъ возмущенъ множествомъ идоловъ въ городѣ и духовною тьмою этого просвѣщеннаго народа. Не удовлетворенные своими собственными богами Аѳиняне построили жертвенникъ „невѣдомому Богу“. Эта надпись послужила Павлу для его проповѣди въ ихъ Ареопагѣ: „сего то, котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ“. Такъ началъ Павелъ рѣчь свою предъ знаменитымъ судилищемъ Греціи, куда привлекли его нѣкоторые изъ философовъ изъ любопытства. Этою проповѣдью обращенъ былъ Діонисій Ареопагитъ, и нѣкоторые другіе съ нимъ.

Изъ Аѳинъ, Павелъ отправился въ Коринѳъ, городъ расположенный на перешейкѣ, соединяющемъ Грецію съ полуостровомъ, называемомъ въ то время Пелопонезомъ, а теперь Мореей. Какъ Аѳины были преимущественно городомъ науки,—Коринѳъ — городомъ торговли; въ Аѳинахъ процвѣтали школы, въ Коринѳѣ банки и конторы; въ обоихъ было много увеселеній, театровъ, роскоши и разврата.

Въ Коринфѣ Павелъ поселился у Акилы и Прискиллы, и такъ какъ эта чета навсегда осталась въ самой тѣсной дружбѣ съ Апостоломъ, то не лишнее здѣсь сказать о ней нѣсколько словъ: они были евреи, по ремеслу дѣлатели палатокъ; жили прежде въ Римѣ, но оттуда были изгнаны вмѣстѣ съ своими единоплеменниками, по повелѣнію императора Клавдія. Предполагаютъ, что они уже въ то время были обращены въ христіанство. Оставивъ Римъ они поселились въ Коринѳѣ, но когда Павелъ уѣзжалъ оттуда, они проводили его до Ефеса, и избрали этотъ городъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ; тамъ изъ любви къ Павлу, они не разъ подвергали жизнь свою опасности. Изъ Ефеса они ѣздили въ Римъ на нѣсколько лѣтъ, потомъ опять вернулись въ Ефесъ, гдѣ и жили до конца дней своихъ, съ Тимоѳеѣмъ.

Во время пребыванія своего въ Коринфѣ, Павелъ, вмѣстѣ съ ними, занимался шитьемъ палатокъ. Да научитъ насъ примѣръ самого Господа и Его Апостоловъ не бросать никакого полезнаго ремесла и уважать его въ другихъ, потому что правильное занятіе ведетъ къ порядку и независимости. „Не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я съ тобою?.. у меня много людей въ семъ городѣ“, сказалъ Господь Павлу въ видѣніи; и Павелъ оставался тамъ годъ и шесть мѣсяцевъ; но Іудеи, недовольные обращеніемъ начальника синагоги Криспа, схватили Павла и привлекли его на судъ къ проконсулу Галліону. Галліонъ этотъ былъ братъ извѣстнаго Сенеки, воспитателя Нерона. Не желая вмѣшиваться въ разбирательство о ученіи Павла, Галліонъ отказалъ евреямъ въ своемъ участіи и даже въ защитѣ Сосѳена, на котораго греки напали и избили предъ самымъ судилищемъ.

Оставивъ Коринѳъ Павелъ отплылъ въ Малую Азію; въ Ефесѣ онъ оставилъ Акилуи Прискиллу, пошелъ въ Кесарію, оттуда въ Іерусалимъ и, наконецъ, обратно въ Антіохію.

Это второе путешествіе Павла продолжалось, приблизительно, четыре года. Въ теченіи его, были написаны оба посланія къ Ѳессалоникійцамъ.

IX.

Третье путешествіе Ап. Павла.

Этому путешествію, какъ и предъидущимъ, мѣстомъ отправленія служила Антіохія. Но въ этотъ разъ Павелъ былъ одинъ. Онъ посѣтилъ въ Малой Азіи страну Галатійскую и Фригію; оттуда отправился въ Ефесъ, гдѣ нашелъ вѣрныхъ сотрудниковъ своихъ, Акилу и Прискиллу.

Павелъ уже во второй разъ находился въ Ефесѣ. Тамъ было довольно значительное число учениковъ, но многіе изъ нихъ были такъ несвѣдущи, что „даже не слыхали, есть-ли Духъ Святый?“ Павелъ провелъ тамъ около трехъ лѣтъ. Въ началѣ третьяго года, противъ него вспыхнуло возмущеніе ремесленниковъ, возбужденное серебренникомъ Дмитріемъ, по особенному поводу. Въ Ефесѣ почитали языческую богиню Діану или Артемиду. Ей приносили жертвы, иногда даже человѣческія, называли ее богиней луны, охоты и пр. Въ Тавридѣ, нынѣшнемъ Крыму, жертвами ей были нерѣдко путешественники, выброшенные бурею на берегъ. Въ Ефесѣ поклоненіе ей было менѣе жестоко, но за то необыкновенно роскошно. Знаменитый храмъ Діаны, одно изъ семи чудесъ свѣта, находился въ Ефесѣ. Онъ былъ сожженъ, въ ночь рожденія Александра Македонскаго, однимъ безумцемъ, по имени Еространъ, сдѣлавшимъ это съ цѣлью, чтобы о немъ говорили. На мѣсто прежняго храма былъ воздвигнутъ новый, замѣчательный по архитектурѣ и роскоши; но Ефесяне сожалѣли о первомъ и относились къ нему съ суевѣрною любовію. Для удовлетворенія этого чувства, дѣлались серебренныя, малыя подражанія сожженнаго храма и это изобрѣтеніе было постояннымъ источникомъ дохода для серебренниковъ. Въ этомъ дѣлѣ Дмитрій пользовался извѣстностью и большимъ наживомъ; проповѣдь Павла сильно тревожила его: онъ понималъ, что съ прекращеніемъ языческаго поклоненія серебру и золоту,—онъ раззоренъ; потому собравъ товарищей по ремеслу онъ объяснилъ имъ свои опасенія, свое негодованіе противъ пришельца Павла, ищущаго поколебать древнее вѣрованіе Ефеса, и для большаго успѣха онъ свои личныя виды, прикрывалъ словомъ: „мы“.—„Друзья! сказалъ онъ, вы знаете, что отъ этого ремесла зависитъ благосостояніе наше. Между тѣмъ вы видите и слышите, что этотъ Павелъ своими убѣжденіями совратилъ не малое число людей, говоря, что дѣлаемые руками человѣческими не суть боги. А это намъ угрожаетъ тѣмъ, что ремесло наше придетъ въ презрѣніе“...

Разъяренные слушатели стали кричать: велика Артемида Ефесская! Крикъ и шумъ продолжались около двухъ часовъ; двухъ спутниковъ Павла схватили, самого-же Павла ученики не допустили выйдти къ народу. Одни кричали одно, другіе другое и большая часть изъ собравшихся не знали, зачѣмъ собрались. Наконецъ, одинъ изъ начальниковъ, своимъ благоразуміемъ и мудрой рѣчью успокоилъ народъ.

Изъ Ефеса Павелъ отправился въ Филиппы, оттуда прошелъ всю Грецію до Коринѳа, потомъ вернулся въ Филиппы и оттуда отплылъ въ Троаду. Тутъ, наканунѣ отъѣзда Павла, было собраніе учениковъ, для преломленія хлѣба. Бесѣда Павла продолжалась до полуночи. Молодой человѣкъ, по имени Евтихъ, си-

дѣвшій на окнѣ, уснулъ и, упавъ внизъ изъ третьяго жилья, былъ поднятъ мертвымъ. Но Павелъ сошелъ къ нему и къ утѣшенію братьевъ привелъ его къ жизни.

Ушедъ изъ Троады, Павелъ пошелъ въ Ассонъ и оттуда, сѣвъ на корабль, онъ и спутники его поплыли въ Самосъ и, наконецъ, прибыли въ Милитъ. Павелъ болѣе не возвращался въ Ефесъ, а изъ Милита послалъ за пресвитерами церкви Ефесской, чтобы проститься съ ними. Рѣчь его, при этомъ случаѣ, весьма трогательна; она находится въ 20-й гл. книги Дѣяній, съ 18-го стиха начиная. Послѣ этой рѣчи, Павелъ, преклонивъ колѣна, со всѣми ими помолился. Всѣ много плакали, обнимали и цѣловали Павла, скорбя особенно отъ сказаннаго имъ слова, что они уже не увидятъ лица его. И проводили его до корабля. Въ Тирѣ, Птолемаидѣ, Кесаріи, корабль останавливался и Павелъ имѣлъ утѣшеніе видѣться съ братіями; онъ нуждался въ этомъ подкрѣпленіи братской любви, потому что отправлялся въ Іерусалимъ, городъ, убивающій пророковъ, и побивающій камнями посланныхъ къ нему.

Прибытіемъ въ Іерусалимъ окончилось третье миссіонерское путешествіе Ап. Павла. Оно продолжалось три года; нѣсколько дней спустя началось его пятилѣтнее заточеніе.

Во время этого третьяго путешествія своего, Павелъ написалъ посланіе къ Галатамъ, оба посланія къ Коринѳянамъ, посланія къ Римлянамъ, къ Титу и первое къ Тимоѳею.

X.

Ап. Павелъ въ крѣпости.

Со времени своего обращенія Павелъ былъ въ Іерусалимѣ четыре раза: первый разъ, послѣ пребыванія въ Аравіи; второй разъ, когда онъ, вмѣстѣ съ Варнавою, носилъ въ Іерусалимъ приношеніе антіохійскихъ братіевъ. Въ третій разъ, между первымъ и вторнымъ своими путешествіями, около 50 л. по Рожд. Хр. когда собрался первый соборъ; въ четвертый разъ, послѣ втораго путешэствія. Въ этотъ пятый и послѣдній разъ, Павелъ доставилъ Іерусалимской церкви подаянія церквей греческихъ, и принесъ добрыя вѣсти о успѣхѣ христіанской проповѣди въ Малой Азіи.

Іерусалимскіе братія приняли Павла съ радостію; но были между ними нѣкоторые, сохранявшіе противъ него предубѣжденіе. Они порицали его за то, что, будучи самъ родомъ Еврей, онъ слишкомъ мало придерживался еврейскихъ обычаевъ. Желая успокоить ихъ, Павелъ согласился присоединиться къ четыремъ изъ нихъ, давшимъ обѣтъ принести жертву во храмѣ. Этимъ воспользовались ненавистники его, азіатскіе евреи. Увидавъ Павла во храмѣ, они оклеветали его въ томъ, что онъ „будто-бы, ввелъ въ храмъ иноплеменника, Трофима, что запрещалось закономъ Моисея. Павла схватили, и толпа убила бы его непремѣнно, еслибы не вступился римскій тысяченачальникъ, и не освободилъ его изъ рукъ ихъ. Приказавъ сковать Павла двумя цѣпями. онъ отправилъ его въ крѣпость; воинамъ пришлось нести его, отъ стѣсненія народа. При входѣ въ крѣпость, Павелъ просилъ тысяченачальника дозволить ему говорить къ народу. Тотъ согласился, толпа утихла, и стоя на верху лѣстницы, Павелъ разсказалъ народу свое обращеніе, свое призваніе отъ Господа, возвѣщать язычникамъ путь спасенія. На этомъ они прервали его неистовыми криками: „истреби отъ земли такого, ему не должно жить!“ Тысяченачальникъ повелѣлъ ввести Павла въ крѣпость и подвергнуть его истязанію, чтобы узнать чѣмъ онъ возбудилъ подобную ярость въ народѣ. Павелъ избѣжалъ страшнаго мученія только тѣмъ, что имѣлъ права Римскаго гражданства, а Римскаго гражданина не дозволялось бичевать. На другой день, начальникъ, всё еще недоумѣвавшій въ чемъ дѣло, приказалъ привести узника своего въ синедріонъ, великое собраніе Іудейское. Тамъ первосвященникъ, послѣ первыхъ словъ Павла, велѣлъ близьстоявшимъ бить его по лицу. Павелъ укорилъ его, но узнавъ о его званіи, покорился. Въ судѣ произошла распря, поднялся крикъ „одни обвиняли, другіе защищали, и тысяченачальникъ, боясь, чтобы они не растерзали Павла, повелѣлъ снова отвесть его въ крѣпость. Тамъ Господь, въ ночномъ видѣніи ободрилъ и утѣшилъ своего слугу. Но Іудеи не успокоились, и не хотѣли выпустить свою жертву. Сорокъ изъ нихъ дали обѣтъ не ѣсть и не пить, пока не убьютъ Павла. Они рѣшаются сдѣлать засаду на дорогѣ въ Кесарію, куда Павелъ долженъ былъ быть отосланъ. Молодой племянникъ Павла, узнавъ объ этомъ заговорѣ, сообщилъ его тысяченачальнику. Тотъ снарядилъ 470 воиновъ, конныхъ и пѣшихъ, и подъ охраною этого войска, ночью, отправилъ Павла, совершенно безопасно, въ Кесарію.

Кончая эту главу нельзя не вспомнить словъ Господа Іисуса: „рабъ не больше господина своего. Если Меня гнали; будутъ гнать и васъ: если слово Мое соблюдали; будутъ соблюдать и ваше. Но все то сдѣлаютъ вамъ за имя Мое, потому что не знаютъ пославшаго Меня“. (Іоан. 15. 20).

XI.

Встревоженная совѣсть.

Кесарія, построенная Иродомъ великимъ на берегу Средиземнаго моря, у подошвы горы Кормила, служила мѣстопребываніемъ римскаго правителя. Правитель Феликсъ посадилъ Павла подъ стражу въ Иродовой преторіи. Чрезъ пять дней явились обвинители Апостола, — первосвященникъ Ананія со старѣйшинами Іудейскими. Чтобы вѣрнѣе обвинить Павла и польстить Феликсу, они привели съ собою одного изъ тѣхъ говоруновъ, слова которыхъ, за плату изливаютъ, въ тоже время, и желчъ и мёдъ. Его звали риторомъ Тертулломъ. Онъ первый началъ обвинять Павла, вкрадчиво льстя Феликсу. Выслушавъ его и защиту Павла, Феликсъ отсрочилъ дѣло, и не рѣшилъ ничего; Павла же снова отдалъ подъ стражу.

Феликсъ былъ человѣкъ, не заслуживавшій никакого уваженія; родомъ изъ рабовъ, онъ возвысился, благодаря брату своему Палладію, любимцу Императора Клавдія. Назначенный правителемъ Іудеи, онъ торговалъ правосудіемъ, казнилъ тѣхъ, которые упрекали его за его неправедные поступки и покровительствовалъ шайкѣ разбойниковъ, съ которыми дѣлилъ ихъ кровавую добычу. Жена его и Друзила, дочь Ирода Агриппы, была женщина безнравственная; она погибла, съ сыномъ своимъ, во время изверженія Везувія.

Феликсъ не находилъ никакой вины въ своемъ подсудимомъ, но держалъ его въ заточеніи, надѣясь, что Павелъ, подобно другимъ узникамъ, выкупится. Однажды Феликсу и Друзиллѣ вздумалось послушать заключеннаго. Феликсъ повелѣлъ привести его. Павелъ, исполненный святого дерзновенія, говорилъ съ такою силою, о Іисусѣ Христѣ, о правдѣ, о будущемъ судѣ, что Феликсъ пришелъ въ страхъ; совѣсть его встревожилась; никогда не слыхалъ онъ такихъ словъ; но онъ не отдался ихъ вліянію. Онъ отпустилъ Павла сказавъ: „когда найду время, позову тебя“. Господь стучалъ у двери сердца Феликса, но онъ не отворилъ, не обратился.

Вскорѣ Феликсъ былъ призванъ въ Римъ, на судъ Императора за всѣ его черныя дѣла; а потомъ и на судъ Божій „гдѣ онъ долженъ будетъ дать отчетъ во всей своей неправедной жизни, потому что отринулъ голосъ Божій, призывавшій его, словами Павла, къ покаянію и вѣрѣ во Іисуса Христа. „Не обманывайтесь; Богъ поругаемъ не бываетъ“. „Нынѣ, когда услышите гласъ Его, не ожесточите сердецъ вашихъ“. (Гал. 6. 7.—Евр. 3. 7).

XII.

Фестъ и Агриппа.

На мѣсто Феликса въ Іудею былъ назначенъ Порцій Фестъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда, онъ получилъ прошеніе отъ Евреевъ о томъ, чтобы Павелъ отправленъ былъ въ Іерусалимъ для суда. Они снова замышляли убійство. Сперва Фестъ имѣлъ твердость отказать имъ, повелѣвъ обвинителямъ явиться въ Кесарію, но потомъ, онъ сталъ колебаться и былъ почти готовъ уступить Евреямъ. Тогда Павелъ потребовалъ суда Кесарева, и на это требованіе Фестъ не могъ не согласиться. Онъ оставилъ Павла въ темницѣ, ожидая удобнаго случая отправить его въ Римъ. Спустя нѣсколько дней, царь Агриппа (Иродъ Агриппа II-й) и сестра его Вереника пріѣхали поздравить новаго Правителя. Этотъ Агриппа былъ внукомъ Ирода великаго; благодаря ходатайству Римскаго Правителя, онъ царствовалъ надъ Авиленіей и надъ нѣсколькими другими провинціями у подножья Ливана. Агриппа и сестра его пробыли въ Кесаріи нѣсколько дней? Исчерпавъ всѣ удовольствія и празднества, которыми угощалъ ихъ Фестъ, они захотѣли посмотрѣть на необыкновеннаго узника, уже два года заключеннаго въ темницу, безъ всякой вины. На другой-же день это желаніе было исполнено; въ судебной палатѣ собрались тысяченачальники, знатнѣйшіе изъ граждан и туда привели Павла въ присутствіи Агриппы и Вереники, окруженныхъ всей придворной пышностью. Послѣ вступительной рѣчи Феста, Павлу дозволено было говорить за себя. Павелъ говорилъ великимъ міра сего то же, что и бѣднымъ, — свое обращеніе отъ тьмы къ свѣту, свою надежду на умершаго и воскресшаго Христа. Но когда онъ доказывалъ писаніемъ воскресеніе Христа, онъ былъ рѣзко прерванъ словами Феста: „безумствуешь ты Павелъ! большая ученость доводитъ тебя до сумасшествія“. Не въ первый разъ Павелъ слышалъ это обвиненіе. Іудеи уже упрекали его въ безуміи. Враги Христа постоянно клеймятъ этимъ клеймомъ истинныхъ послѣдователей Его.

Отвѣтивъ Фесту съ кротостію, достойной подражанія, Павелъ обратился къ Агриппѣ и, ссылаясь на пророчества и писанія ветхаго Завѣта, подтвердилъ истину о воскресеніи Христа. Тогда Агриппа произнесъ столь извѣстныя всѣмъ слова: „ты немного не убѣждаешь меня сдѣлаться христіаниномъ“. — „Молилъ бы я Бога, отвѣтилъ Павелъ, чтобы мало-ли, много-ли, не только ты, но и всѣ слушающіе меня сегодня, сдѣлались такими, какъ я, кромѣ сихъ узъ“.

Послѣ этого, Агриппа, Вереника и Фестъ встали и вышли, а Павелъ снова былъ отведенъ въ темницу. Поговорили о томъ, что онъ невиненъ, что его можно было бы освободить, но тѣмъ и кончилось. Павлу слѣдовало быть въ Римѣ, по волѣ Того, Кто, двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, сказалъ Ананіи въ Дамаскѣ: „онъ есть Мой избранный сосудъ, чтобы возвѣщать имя Мое предъ народами и царями“.

Гдѣ теперь, послѣ избытка земныхъ усладъ, души царя Аграппы, Вереники, Феста? Гдѣ души всѣхъ, отвергнувшихъ призывъ Божій? Узникъ Павелъ зналъ и испытывалъ, что „нынѣшнія, временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ“. (Рим. 8. 18).

XIII.

Кораблекрушеніе.

Во время третьяго путешествія своего, Апостолъ Павелъ, въ посланіи своемъ къ Римскимъ братіямъ, писалъ: „всегда прошу въ молитвахъ моихъ, чтобы воля Божія когда-нибудь благопоспѣшила мнѣ прійти къ вамъ. Ибо я весьма желаю увидѣть васъ“. Настало время исполниться этой молитвѣ; самъ императоръ Неронъ, не зная того, содѣйствовалъ исполненію желанія Павла. Павелъ былъ порученъ человѣколюбивому сотнику Юлію, который не только оказывалъ Павлу должное вниманіе и снисхожденіе, но и позволилъ двумъ преданнымъ братіямъ, — Аристарху и Лукѣ, сопровождать его. Корабль сперва поплылъ на Сѣверъ, окаймляя берега Финикіи и Сиріи, потомъ повернулъ на Западъ и направился вдоль Киликіи и Памфиліи. Такъ они прибыли въ Миры Ликійскія, гдѣ Юлій сдалъ ихъ на Александрійскій корабль, плывущій въ Италію, на которомъ было 276 человѣкъ. Плаваніе было медленно по случаю противнаго вѣтра; послѣ же нѣсколькихъ дней поднялась буря весьма сильная; корабль носился по волнамъ, не въ состояніи будучи противиться вѣтру. Не было видно ни солнца днемъ, ни луны ночью и путники пришли въ страхъ и уныніе, и не

принимали никакой пищи. Сперва грузъ, а потомъ и всѣ вещи были выброшены изъ корабля и наконецъ всѣ потеряли надежду спастись. Тогда Павелъ, ставъ среди ихъ, сказалъ: „убѣждаю васъ ободриться, потому что ни одна душа изъ васъ не погибнетъ, а только корабль; ибо ангелъ Бога, которому принадлежу я, и которому служу, явился мнѣ въ сію ночь, и сказалъ: не бойся, Павелъ; тебѣ должно предстать предъ Кесаря, и вотъ, Богъ даровалъ тебѣ всѣхъ, плывущихъ съ тобою. Посему ободритесь, мужи; ибо я вѣрю Богу, что будетъ такъ, какъ мнѣ сказано". Ночью, корабельщики, догадываясь, что стали приближаться къ какой-нибудь землѣ, хотѣли бѣжать съ корабля. Но Павелъ не допустилъ ихъ; передъ наступленіемъ дня онъ уговаривалъ всѣхъ принять пищу: „это послужитъ къ сохраненію вашей жизни, говорилъ онъ, ибо ни у кого изъ васъ не пропадетъ и волосъ съ головы". Сказавъ это, Павелъ, посреди взрывовъ вѣтра, взявъ хлѣбъ, возблагодарилъ Бога предъ всѣми, и разломивъ, началъ ѣсть. Тогда и всѣ ободрились и также приняли пищу Какъ великъ былъ Павелъ въ эти минуты! Какое хладнокровіе и спокойствіе сохранялъ онъ на полуразбитомъ кораблѣ, посреди опасности, отуманившей ужасомъ весь корабль, не исключая капитана и кормчихъ. Что-же составляло силу его? „Ангелъ Бога его говорилъ ему". Павелъ вѣритъ Богу, онъ чувствуетъ себя во власти Божіей, а не во власти бури и тонущаго корабля. „Богъ, которому я принадлежу и которому служу"; въ этихъ словахъ заключается вся тайна несокрушимаго мужества Апостола. Въ эту страшную ночь, онъ былъ и капитаномъ и кормчимъ и распорядителемъ и спасителемъ всѣхъ на кораблѣ. Онъ приказалъ обрѣзать веревки лодки, чтобы помѣшать матросамъ исполнить гнусное намѣреніе спастись на ней, покинувъ корабль и путешественниковъ. Онъ ободрилъ всѣхъ и укрѣпилъ своимъ примѣромъ и убѣжденіемъ принять пищу. Онъ показалъ, что глубокая, сильная вѣра и неутомимая дѣятельность—необходимыя принадлежности жизни христіанина, какъ внѣшней такъ и внутренней.

Когда занялась заря, корабль разбился объ утесъ, недалеко отъ берега. Путешественники всѣ достигли берега, кто вплавь, кто на доскахъ и обломкахъ корабля. Всѣ спаслись, ни одинъ не погибъ. Обѣщаніе Божіе было исполнено.

XIV.

Островъ Мальта и ехидна.

Спасшись, Павелъ и спутники его узнали, что они находились на островѣ Мальтѣ. Мальта небольшой островъ на Средиземномъ морѣ, недалеко отъ Сициліи. Съ перваго взгляда онъ не особенно живописенъ: бѣлый утесъ, застроенный укрѣпленіями и лишенный всякой растительности, кромѣ нѣсколькихъ тощихъ пальмъ. Но рука человѣка неутомимымъ трудомъ переродила этотъ голый утесъ въ плодородную почву. Земля была привезена изъ Сициліи, и хотя не глубоко наложена на камень, однако достаточно, чтобы произвести апельсинныя и лимонныя деревья, виноградныя лозы, хлопчатникъ и цвѣты. На островѣ теперь до 100,000 жителей; онъ принадлежитъ англичанамъ, имѣетъ два порта и миссіонерское училище. Мальтійцы исповѣдуютъ католическую религію; они воздвигли на берегу статую Ап. Павла, на томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ предполагаютъ, онъ присталъ послѣ кораблекрушенія.

Но во времена Павла жители Мальты были язычники, варвары, какъ называли греки всѣ чужеземные народы. Однако эти варвары обошлись очень дружелюбно и человѣколюбиво съ заброшенными къ нимъ гостями; они развели имъ огонь, чтобы согрѣть и осушить продрогшихъ. Павелъ сталъ помогать, и набравъ множество хворосту, клалъ его въ огонь; вдругъ ехидна, пробужденная жаромъ обвилась вокругъ руки его. Эта змѣя повсюду весьма ядовита, но въ жаркихъ странахъ дѣйствіе ея яда несравненно быстрѣе, и причиняетъ неизбѣжную смерть. Когда туземцы увидѣли висящую на рукѣ Павла змѣю, они стали говорить другъ другу: вѣрно, этотъ человѣкъ убійца, когда его, спасшагося отъ моря, судъ Божій не оставляетъ жить. Павелъ, ни мало не смутившись, стряхнулъ ехидну въ огонь. Господь Іисусъ сказалъ своимъ ученикамъ, что они будутъ брать змѣй; и если что смертоносное выпьютъ, не повредитъ имъ.

Когда присутствующіе увидали, что съ Павломъ ничего не случилось, они тотчасъ-же перемѣнили о немъ мысли и говорили, что онъ Богъ. Въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ мальтійцы оказывали гостепріимство и всевозможныя почести своимъ гостямъ; потомъ снабдили ихъ всѣмъ нужнымъ на дорогу. Всѣмъ этимъ путешественники были обязаны узнику Павлу, который, во время пребыванія своего на островѣ, исцѣлилъ многихъ больныхъ и тѣмъ заслужилъ благодарность жителей.

Изъ Мальты путешественники отплыли на Александрійскомъ кораблѣ Діоскуры и благополучно прибыли въ Путеолы. Тамъ римскіе братья вышли на встрѣчу Апостолу, упросили его пробыть у нихъ семь дней и потомъ проводили его въ Римъ.

XV.

Ап. Павелъ въ Римѣ.

Сотникъ Юлій передалъ узника начальнику императорскаго войска Бурру, бывшему однимъ изъ воспитателей императора Нерона. Разсказъ сотника о путешествіи его съ Павломъ расположилъ Бурра къ Павлу, такъ что онъ не заключилъ его въ темницу, а позволилъ ему жить въ частномъ домѣ подъ стражею воина. Первое заключеніе Павла въ Римѣ продолжалось два года; въ это время онъ проповѣдывалъ благую вѣсть спасенія большому числу евреевъ и язычниковъ, а также лицамъ знатнымъ и придворнымъ. Нерону было 24 года, когда Апостолъ прибылъ въ Римъ. Это былъ уже шестой или седьмой годъ его царствованія. Въ 64 году по Р. Х. Неронъ задумалъ сжечь свою столицу, чтобы построить новую, великолѣпнѣе прежней; испуганный жалобами погорѣвшихъ, онъ обвинилъ христіанъ въ своемъ преступленіи. По его приказанію многіе изъ нихъ были схвачены, вымазаны смолою и зажжены для освѣщенія площадей.

Прежде этого звѣрскаго гоненія Павелъ былъ освобожденъ неизвѣстно какимъ образомъ. Во время своего перваго заключенія въ Римѣ, онъ написалъ посланія: къ Колоссянамъ, къ Ефесянамъ, къ Филиппійцамъ и къ Филимону.

Предполагаютъ, что по освобожденіи своемъ, Апостолъ посѣтилъ Ефесъ, Македонію, островъ Критъ, даже Испанію, а потомъ снова прибылъ въ Римъ и былъ заключенъ вторично, оставленный всѣми друзьями, кромѣ Евангелиста Луки.

Мы не имѣемъ вѣрныхъ свѣденій о послѣднихъ годахъ жизни Апостола. Извѣстно только, что ему отрубили голову въ послѣдніе годы царствованія Нерона около 67 года по Р. Х.

Второе посланіе Ап. Павла къ Тимоѳею, написанное во время этого втораго заключенія, въ виду неизбѣжной казни, можетъ служить какъ-бы завѣщаніемъ, выражающимъ все сердце и всю непоколебимую вѣру великаго Апостола: „Меня приносятъ въ жертву, пишетъ онъ, и время моего отшествія настало. Подвигомъ добрымъ я подвизался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ. А теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь, праведный Судія, въ день оный.

Не много людей обладали такимъ любящимъ сердцемъ, какъ Ап. Павелъ. Онъ не ждалъ взаимности отъ людей: „Я охотно буду издерживать свое и истощать себя за души ваши, не смотря на то, что чрезвычайно любя васъ, я менѣе любимъ вами".

Не много людей такъ безпощадно боролись со грѣхомъ и плотью, какъ Ап. Павелъ, который могъ сказать: „я усмиряю и порабощаю тѣло мое".

Не много людей такъ много пострадали за Евангеліе, какъ Ап. Павелъ. Уже во время третьяго путешествія своего онъ писалъ: „отъ Іудеевъ пять разъ дано мнѣ было по сороку ударовъ безъ одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпѣлъ кораблекрушеніе, ночь и день пробылъ въ глубинѣ морской".

Мы видимъ изъ этого, что книга Дѣяній передаетъ намъ лишь небольшую долю страданій Апостола. Прибавимъ къ этому бдѣнія, постъ, голодъ и жажду, холодъ и нужду, постоянную заботу о церквахъ.

Кто болѣе трудился, какъ Апостолъ Павелъ „Благодать Божія во мнѣ не была тщетна, но я болѣе всѣхъ ихъ потрудился". Вся эта дѣятельность и всѣ страданія перенесены были имъ при слабомъ здоровьи и некрѣпкомъ тѣлосложеніи.

Въ чемъ состоитъ твоя сила? спросила Далила у Самсона. Если-бы тотъ же вопросъ былъ предложенъ Ап. Павлу, онъ отвѣтилъ-бы: „Все могу въ укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ". „Когда я немощенъ, тогда силенъ".

„Іисусъ Христосъ вчера, и сегодня, и во вѣки тотъ-же". Если Онъ былъ силою Ап. Павла, Онъ будетъ силою всякаго, ищущаго исполнить волю Его.

Черные дни.

(Окончаніе.)

Нѣсколько недѣль пролежалъ Василій Сизовъ между жизнью и смертью. Когда онъ, наконецъ, послѣ долгаго, безсознательнаго состоянія пришелъ въ себя и сталъ поправляться, память его сначала, была такъ слаба, что онъ не могъ припомнить что съ нимъ случилось. Но, мало по малу, стало возвращаться сознаніе, а съ нимъ и мучительное терзаніе совѣсти. Цѣлыми часами лежалъ онъ и раздумывалъ о своей прошлой жизни и объ ужасныхъ послѣдствіяхъ своего грѣха, и порою, глубокій стонъ вырывался изъ стѣсненнаго сердца его. Случилось такъ, что этотъ стонъ долетѣлъ до сердца одного изъ больныхъ, въ сосѣдней палатѣ,—сердца не стѣсненнаго, но полнаго мира и любви; и разъ, когда Василій лежалъ, закрывъ глаза, съ тяжелой скорбью въ груди, высокій блѣдный человѣкъ, слабою поступью, подошелъ къ нему и тихо спросилъ:

— „Что съ вами? Вамъ, кажется, очень тяжело".

— „Тяжело до смерти, а умереть не могу, пробовалъ, да не удалось".

— „Господь не позволилъ"; былъ отвѣтъ.

— „Какъ, не позволилъ?" вскричалъ Василій и приподнялся на подушкѣ „Я другихъ сгубилъ: жену сгубилъ, ребенка сгубилъ; что же мнѣ остается какъ и самому погибнуть?"

„Господь сказалъ: „Не хочу смерти грѣшника, но чтобы грѣшникъ обратился отъ пути своего, и живъ былъ." (Іезек. 33. 11.)

„Господь, по Своему слову съ вами и поступилъ. Но разскажите мнѣ свое горе; можетъ быть, облегчится сердце".

Василій, смягченный ласковыми словами, разсказалъ все: весь грѣхъ свой и всѣ страшныя послѣдствія его. Когда онъ окончилъ свою горестную исповѣдь, собесѣдникъ его тихо сказалъ:

— „Погубилъ ты себя, Израиль; только во Мнѣ опора твоя". (Осіи 13. 9.) Ты сгубилъ себя, бѣдный братъ мой; но у Господа есть спасеніе для тебя. Славлю Его за то, что Онъ призываетъ меня сказать тебѣ это, сегодня".

— „Нѣтъ; мнѣ ужь теперь осталось одно только мученіе впереди, что въ этой жизни, что въ будущей."

— „Былъ разъ, на землѣ, одинъ великій грѣшникъ, который, когда находился въ предсмертномъ мученіи, сказалъ, какъ и ты говоришь, что „достойное по дѣламъ своимъ принимаетъ"; но, возлѣ него, умиралъ за грѣхъ цѣлаго міра, другой мученикъ, святой и безвинный,—Самъ Сынъ Божій. И грѣшникъ, сгубившій себя, поднялъ глаза на Спасителя, и попросился въ Царство Его". „Истинно говорю тебѣ, сегодня же будешь со Мною въ раю" отвѣчалъ ему Христосъ. „Іисусъ Христосъ вчера, сегодня и во вѣки Тотъ же".

Жадно внималъ Василій словамъ этимъ; только не вѣрилось ему въ возможность избавленія отъ тяжелаго душевнаго гнета. Но Богомъ посланный другъ его былъ очень терпѣливъ и очень настойчивъ. Онъ зналъ, что дни его на землѣ сочте-

ны; и пользовался каждою минутою, чтобы передать страждущему брату своему то, что разливало миръ въ его душѣ. И разъ, когда онъ, съ молитвою въ сердцѣ, читалъ ему изъ евангелія, про другаго, также сгубившаго себя человѣка, — про блуднаго сына, — (Луки гл. 15.) и произнесъ послѣднія слова этой притчи, Василій тихо сказалъ: „Еще разъ прочтите“. Когда онъ снова докончилъ, слезы катились по щекамъ бѣднаго Сизова, тихое, мягкое выраженіе появилось на лицѣ его и уста его проговорили: „согрѣшилъ... недостоинъ... Отче, прими меня!“ Довольно было и этихъ краткихъ словъ для Отцовскагo сердца. Онъ далъ прощеніе и миръ измученной душѣ и съ этой поры началась для нея новая жизнь.

Прошло нѣсколько времени, и Сизовъ уже почти совсѣмъ здоровый стоялъ у кровати умирающаго друга своего.

— „Василій“, сказалъ тотъ, слабымъ голосомъ, „ты мнѣ сказалъ, что у тебя еще жива старушка мать, въ деревнѣ. Поѣзжай прямо къ ней, какъ выйдешь изъ больницы; что тебѣ оставаться здѣсь одному, въ большомъ городѣ? А на дорогу, вотъ тебѣ маленькія деньги, которыя были при мнѣ. Мнѣ нѣкому ихъ оставить; я, съ радостью, даю ихъ тебѣ. Обѣщай мнѣ, что поѣдешь къ матери“.

Василій обѣщалъ. Еще нѣсколько дней и они разстались. „Добрый и вѣрный рабъ вошелъ въ радость Господина своего“, на небѣ; а другой остался служить Господу, на землѣ.

Радъ былъ Василій Сизовъ оставить большой городъ, съ его скорбными воспоминаніями, и отправиться къ матери. На второй день прибылъ онъ въ родное село, гдѣ не бывалъ уже двѣнадцать лѣтъ. Сжималось сердце, когда онъ шелъ по знакомой, большой дорогѣ и смотрѣлъ на цвѣты полевые и дышалъ свѣжимъ, вольнымъ воздухомъ. Наташа, Наташа, какъ бы ты тутъ побѣгала, потѣшилась; не видало дѣтство твое красныхъ дней! Василій ускорялъ шагъ; сердце такъ и рвалось къ матери. Она жила въ хорошенькой избушкѣ, на краю села и держала лавочку съ разнымъ деревенскимъ товаромъ. Онъ подошелъ къ крыльцу и остановился. Радостно, и трепетно, и грустно было у него на душѣ. Вдругъ, дверь растворилась и почтенная старушка показалась на порогѣ. Василій протянулъ къ ней руки и слабымъ голосомъ проговорилъ: „Матушка“. Слово это долетѣло до нея; старушка постояла съ минуту неподвижно, вглядываясь въ него, потомъ, вдругъ, тревожнымъ голосомъ, позвала: „Катя, Катя!“ Высокая, молодая дѣвушка выбѣжала изъ дому и также остановилась, посмотрѣла на Василія; потомъ, вскрикнула отъ радости. То была его крестница, Катя!

— „Катя“, сказалъ Василій, „признаетъ-ли, приметъ-ли меня матушка? Скажи ей, что это я“.

Но старушка уже все поняла. Она, скорѣе Кати, сбѣжала съ крыльца, бросилась къ сыну и стала обнимать его и прижимать голову его къ груди своей, приговаривая: „Дитятко мое, голубчикъ ты мой; принесъ тебя Господь домой; не далъ тебѣ погибнуть на чужой сторонѣ;“ Катя держала его за руку, слезы радости струились изъ глазъ ея. Василій также плакалъ; и чѣмъ болѣе онъ плакалъ, тѣмъ легче и отраднѣе становилось у него на душѣ. Наконецъ, онъ заговорилъ:

— „Матушка“, сказалъ онъ, „тебѣ про Наташу все извѣстно?“

— „Все, родной мой, но она теперь не тоскуетъ болѣе; и не поминаетъ прошлаго никогда“.

— „Знаю“, отвѣчалъ Василій.

— „И она не страдаетъ нисколько“, добавила Катя.

Прежде чѣмъ войдти въ домъ, Василій остановился, снялъ шапку и сказалъ:

— „Благослови меня Господи Тебѣ служить; и приведи меня туда, гдѣ теперь жена моя и Наташа!“

— „Отецъ“, позвалъ дѣтскій голосъ, точно изъ другаго міра; „гдѣ же отецъ, Катя?“

Какъ переступилъ Василій порогъ и увидѣлъ дитя свое, онъ и самъ не зналъ. Передъ нимъ, на лавкѣ, у окошка, лежала Наташа; — Наташа маленькая, худенькая, но съ розовыми щечками и ясными глазками. Она потянулась къ нему; а онъ стоялъ, неподвижный отъ удивленія. Наконецъ, Катя подвела его къ дѣвочкѣ; онъ упалъ на колѣни подлѣ нея и опустилъ сѣдую голову свою рядомъ съ головою ребенка на подушку. Говорить онъ не могъ: вся душа его точно онѣмѣла отъ волненія и нежданной радости.

— „Полно теперь сокрушаться, крестный“, сказала Катя, весело. Вѣдь мы, было боялись, что и вовсе не оживетъ у насъ Наташа; а вотъ и ожила, слава Богу; и ничего не болитъ у нея; неправдали, милая?

— „Правда“, отвѣчала дѣвочка, прижимая голову отца къ себѣ, „ты совсѣмъ домой пришелъ, отецъ?“

Василій все еще не могъ выговорить ни слова. Голосъ ребенка сталъ жалобный.

— „Отецъ“, сказала она тревожно, „ты нестанешь опять пить? Ты будешь, теперь, всегда хорошо жить, да?“

— „Буду, голубчикъ мой; помоги мнѣ Господь.“

— „Намъ здѣсь такъ хорошо“, продолжала дѣвочка болѣе весело, „Катя продаетъ въ лавкѣ, а мы съ бабушкой все вмѣстѣ сидимъ, и кукла у меня опять есть. Докторъ сказалъ, что я никогда не буду ни ходить, ни бѣгать, но это ничего; мнѣ и такъ хорошо и весело. Добрая сестра въ больницѣ мнѣ все читала эти слова: „Господь Пастырь мой; я ни въ чемъ не буду нуждаться“; я это и теперь часто повторяю. Господь мнѣ все даетъ; и тебя ко мнѣ привелъ. Какъ я люблю Его!“

И отецъ изъ глубины сердца повторялъ: „Какъ я люблю Его!“ Какъ онъ благословлялъ ту любовь, которая возвратила ему Наташу; а главное, которая привела его и ребенка къ Доброму Пастырю?

Попозже вечеромъ, сидя подлѣ дочки своей, Василій разсказалъ все, что случилось съ нимъ. Когда онъ окончилъ, Катя начала свой разсказъ.

— „Крестный“, сказала она „когда Наташа, вся въ огнѣ, сбѣжала съ лѣстницы, я тутъ была, и мы, съ другой женщиной набросили на нее большой салопъ и завернули ее, чтобы затушить пламя. Народъ сбѣжался и стали кричать: „Несите ее, скорѣе, въ дѣтскую больницу“. Мы отнесли ее въ больницу; тамъ посмотрѣли и сказали, что ей не ожить; но велѣли ее оставить — я оставила, и пошла назадъ къ тебѣ; но тебя нигдѣ, нигдѣ не нашла; и у кого ни спрашивала, никто про тебя ничего не зналъ. Нечего дѣлать; пошла опять въ больницу; тамъ мнѣ говорятъ: „Есть надежда; но если и поправится, то останется убогой на всегда“; а я имъ отвѣчаю: „Ничего, ничего; лечите ее только хорошенько; она намъ и убогая, мила будетъ“. Вздумала я тогда обо всемъ дѣлѣ написать бабушкѣ — Марѳѣ Васильевнѣ, а она мнѣ вотъ какой отвѣтъ прислала: „Какъ только Наташа поправится привези ее ко мнѣ въ деревню и сама будешь съ нею у меня жить“. Вотъ, мы на бабушкины деньги и пріѣхали, и съ тѣхъ поръ у бабушки точно въ раю живемъ. Слава тебѣ Господи! А теперь, Онъ и тебя принесъ! Много у Него милости!“

Всѣ уже давно спали въ домикѣ на краю села; а Василій все еще сидѣлъ и думалъ и радовался и благодарилъ Бога. Страшно было ему за себя, когда онъ вспоминалъ прежній порокъ свой; но Василій научился, что значитъ возлагать все бремя свое и заботы свои и немощь свою на Господа; и слово Господне отвѣтило ему: „Довольно для тебя Моей благодати; ибо сила Моя совершается въ немощи!“

Прошли для Наташи черные дни!

„Пора домой“.

Довольно ты странствовалъ, вдали отъ родины и отцовскаго дома. Ты часто чувствовалъ свое одиночество, часто сознавалъ свое удаленіе отъ Бога; возвратись: пора тебѣ домой! Самъ Богъ призываетъ тебя. Давно ты не вкушалъ мира, покоя, счастія; тяготитъ тебя земная суета и грѣхами обремененная совѣсть.

Но, помни, что при всей любви Своей къ тебѣ, Богъ не приметъ тебя, если ты не придешь, какъ есть, — въ твоемъ рубищѣ, въ твоей безпомощности, не стараясь прикрыть себя какимъ-либо оправданіемъ или заслугой.

Блудный сынъ, пришедъ въ себя, сказалъ: „встану и пойду къ Отцу моему“; онъ не подумалъ добавить: „но, сперва, мнѣ нужна одежда, чтобы скрыть нищету мою и глубину моего паденія“. Никогда, такимъ образомъ, не пришелъ бы онъ къ Отцу. Онъ пошелъ, со стыдомъ и раскаяніемъ, зная, что въ странѣ далекой отъ отца, гдѣ жилъ онъ, его ждала одна погибель, и уповая только на состраданіе и любовь Отца. Онъ не искалъ словъ, чтобы оправдать свое безуміе и свою грѣховность, а рѣшился сказать, прямо и просто: „я согрѣшилъ“. Мы знаемъ, чѣмъ это кончилось: Отецъ побѣжалъ ему на встрѣчу, заключилъ его въ свои объятія; сердце Отца было полно любви; потерянное и найденное дитя было мило и дорого Ему, не смотря на рубища и всѣ явные слѣды грѣховной жизни.

Какая вѣрная и трогательная картина любви Божіей, радующейся возвращенію грѣшника! — Возвратись же, братъ мой; не странствуй долѣе, вдали отъ такой любви и такого пріема. Пора тебѣ домой!

Превыше разума.

Превыше разума любовь Твоя;
Господь, Спаситель мой, но жажду я
Любви Твоей всю полноту познать
И въ ней всю силу, высоту, блаженство
созерцать.

Превыше словъ, Господь, любовь Твоя,
Но жаждетъ словъ живыхъ душа моя,
Чтобъ грѣшникамъ погибшимъ возвѣщать
Любовь могущую спасти и всѣ грѣхи
прощать.

Любовь превыше всей хвалы земной,
Но жаждетъ сердце пѣть, Спаситель мой,
Хвалу любви, нисшедшей до меня,
Изъ тьмы грѣха, призвавшей въ чудное
сіяніе дня.

Но если нѣтъ познанія у меня,
Словами и хвалою бѣденъ я,
Пустой сосудъ къ Тебѣ я приношу
Живой струей, Господь, наполни сердце,
я прошу.

Пустой сосудъ: не льется изъ него
Ни словъ любви, ни взора одного,
И все-жъ къ Тебѣ придти дерзаю я
И право мнѣ даетъ, Господь, одна любовь Твоя.

Зажги, Господь, любовь въ моей груди,
Къ источнику Ты, Самъ, меня веди;
Дай вѣрою мнѣ жажду утолить
И отъ земныхъ источниковъ все сердце
отвратить.

Когда-жъ, лицомъ къ лицу, увижу я
Тебя, Спаситель мой, то пѣснь моя
Твоей любви прославитъ широту,
И глубину, и безпредѣльную всю полноту.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Изданіе наше на 1881 годъ прерывается, по случаю кончины редактора-издательницы Маріи Григорьевны Пейкеръ.

Журналъ былъ начатъ ею во Имя Христа, продолжался во Имя Христа, — и теперь, во Имя Христа, пусть листокъ нашъ скажетъ еще слово искренняго участія читателямъ. Первая статья этого послѣдняго № „Рождество“ была заготовлена издательницей за нѣсколько дней до ея кончины, — и зная какъ часто она, при жизни своей, призывала благословеніе Божіе на статьи отправляемыя въ печать и на читающихъ ихъ, — мы бы желали положить каждое слово этой статьи на сердце нашимъ читателямъ, — и сказать имъ, что еще разъ, и какъ бы изъ самого неба, взываетъ къ нимъ голосъ, спрашивающій: **„Кто для тебя Христосъ, читатель?“** Пожелалъ ли и ты „видѣть Іисуса?“ Взгляни на Него сердцемъ; ты увидишь любовь всепрощающую; во свѣтѣ лица Его „ты увидишь свѣтъ“, и когда Онъ и тебя призоветъ изъ этого міра въ домъ Свой на небесахъ, „глаза твои увидятъ Царя въ красотѣ Его“ и „радость вѣчная будетъ надъ главою твоею“.

Еще желаемъ обратить вниманіе читателей на статейку „Пора домой“ и сти-

„ОНИ ПОДОШЛИ КЪ ФИЛИППУ,... И ПРОСИЛИ ЕГО, ГОВОРЯ: ГОСПОДИНЪ, НАМЪ ХОЧЕТСЯ ВИДѢТЬ ІИСУСА.“ Ев. Іоан. 12. 21.

хотвореніе „Превыше разума“, написанныя также Маріей Григорьевной, незадолго до того, какъ Господь привелъ ее увидѣть Его лицомъ къ лицу.

Господь! Дай каждому изъ насъ, „Твоей любви познать и прославить широту и глубину и безпредѣльную всю полноту!“

Надѣемся, съ помощью Божіей, возобновить наше изданіе съ 1882 года, и своевременно объ этомъ объявимъ.

Редакторъ М. Г. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Мая 1881 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)